

Дом
Призрак

ХЕЛЕН ФАЙФЕР

Энни Грэм мало что пугает. Даже те ужасы, свидетелем которых она стала за годы службы в полиции. Когда она соглашается присматривать за фермой своего брата, её так и тянет заглянуть в полуразрушенный старый особняк в лесу неподалеку. Но невинное исследование пустых руин, в которых она обнаружила дневник бывшей жительницы Элис, поселило в её душе страх. Энни знает, что дневник хранит тайны темного прошлого, и она должна узнать о нем больше. Что за ужасную правду раскрыла Элис? И как то, что случилось с ней более ста лет назад, поможет сегодня раскрыть убийства молодых женщин в городе? Энни нужно остановить серийного убийцу, прежде чем она станет его следующей жертвой, но прошлое возвращается, чтобы вновь преследовать её.

Жанр: детектив, триллер, сверхъестественное

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: little.Jerry

Глава 1

Энни Грэхем изучала связку ключей, висевших на ржавом крючке за кухонной дверью, ища тот, что вел к полуразрушенному викторианскому особняку. Узнав белое пластиковое кольцо для ключей, она сняла его с крючка и положила в карман. Еще раньше она сложила в свой рюкзак фонарик, веревку, бутылку воды, пачку с чипсами и шоколадку — всё то, без чего девушка не может жить. Она чувствовала себя Индианой Джонсом, готовым к приключениям.

Подготовка в качестве офицера полиции позволяла ей не бояться того, чего боялись бы большинство её друзей. На работе она попадала в очень щекотливые ситуации. Энни только надеялась, что внутри дома все не так плохо, как предупреждал её брат Бен. Тесс скулила, желая пойти с ней, но, если она возьмет Тесс и та получит травму, у Энни будут большие неприятности или, по словам Джейка, «ей крышка».

Она заперла дверь и пошла по узкой заросшей тропинке, которая огибала дом Бена и вела через лес к особняку, находившемуся в нескольких минутах ходьбы. Вскоре показались высокие трубы, выглядывающие из-за верхушек дубов. Она протиснулась через небольшую щель в кустах, борясь с ежевикой, и оказалась перед домом.

Он был великолепен; стены сложены из того же темно-красного песчаника, что и руины аббатства у входа в лес. Было удивительно думать, что кто-то действительно мог позволить себе построить такой потрясающий дом, а затем бросить его. Он простоял пустым, и никто не заботился о нем десятилетиями. Нынешним владельцем была пожилая женщина, живущая в Нью-Йорке. Насколько Энни известно, женщина даже не взглянула на дом, который ей оставил в наследство последний владелец, её дальний родственник. Может быть, если бы она увидела особняк, то сделала бы что-нибудь с ним; потенциал был бесконечен. С другой стороны, если бы дом отреставрировали, её брат не смог бы позволить себе купить ферму, одним из условий покупки которой, значилось, что тот, кто владеет фермой, должен стать смотрителем большого дома. Бен был строителем, так что ему это идеально подходило. Энни любила покой и умиротворение, которое приносила здешняя обстановка её измученному разуму.

Все окна на первом этаже оказались заколочены досками, чтобы местные подростки не

залезли внутрь и не сломали себе шеи. Окна на втором этаже, как ни странно, были целы. Через сотни крошечных витражей с самыми замысловатыми узорами сверкали свинцовые бусины. Энни не завидовала тому, кто когда-то содержал их в чистоте; теперь они были грязными, с более чем шестидесятилетней грязью. Парадная дверь — просто удивительное произведение искусства. На огромной дубовой двери, встроенной в готическую арку, висел самый большой медный молоток, который она когда-либо видела. Это было страшное лицо гоблина с полным ртом острых зубов. Энни знала, что если бы она гостила в этом доме, то никогда бы не воспользовалась этой штукой, боясь остаться совсем без руки. Ей представлялось вполне реальным, что гоблин вполне способен стиснуть зубы и проглотить чужую руку целиком.

Взяв ключ, она вставила его в замок и с облегчением вздохнула, когда он повернулся — по крайней мере, Бен разобрался с одной вещью. Толкнула тяжелую дверь, и та издала громкий стон. Энни боялась идти туда одна. В голове звучало предупреждение Бена, но его не было в стране, а она дома, так что формально она осталась за хозяйку. Её желудок скрутило от нервного возбуждения, потому что она наконец-то смогла осмотреть дом.

Войдя внутрь, она вздрогнула; смесь эмоций захлестнула её, но больше всего потрясла теплая волна узнавания, которая пробежала по её венам. Ощущение оказалось такое сильное, что ей захотелось крикнуть: «я вернулась, наконец-то вернулась домой». Но почему? «Почему я так себя чувствую и кому я это говорю?» Ощущение дежавю смутило её, но она отмахнулась от него, приняв желаемое за действительное.

Дом был потрясающий. Вестибюль оказался настолько велик, что в нем одном могла разместиться целая компания. Стены покрыты грязными и пыльными дубовыми панелями, в воздухе пахло сыростью и затхлостью, и Энни старалась не дышать через нос, потому что воняло невыносимо. Она попыталась представить себе особняк таким, каким он выглядел раньше, и в её сознании начал формироваться образ дома, когда он был семейным жилищем. Энни испуганно оттолкнула его.

В темном доме было полно укромных уголков, поэтому она решила начать сверху и спуститься вниз. Таким образом, если бы полы оказались такими гнилыми, как считал её брат, и она провалилась бы сквозь потолок, у неё имелся бы целый день, чтобы попытаться связаться с кем-нибудь, кто мог бы прийти и спасти её. Как бы храбро она себя ни чувствовала, ей не хотелось лежать кучей на полу, когда слабый свет начнет угасать: это слишком страшно.

Она осторожно подошла к широкой лестнице, которая выглядела величественной и не казалась слишком опасной. Положив руку на богато украшенные резьбой дубовые перила, Энни попробовала сделать шаг на первую ступеньку. Она громко скрипнула, но выдержала её вес. Поставив на неё обе ноги, Энни подпрыгнула вверх-вниз, чтобы посмотреть, не провалится ли. Делая шаг за шагом, она добралась до второго этажа и улыбнулась, потому что лестница не рухнула под ней. «Почему мужчины в моей жизни так любят разыгрывать драмы?» Осторожно ступая по коридору, она заглядывала в многочисленные комнаты, мимо которых проходила; их двери были либо широко открыты, либо отсутствовали. Каждая комната теперь представляла собой пустую коробку, но Энни могла точно представить, как они выглядели раньше. Как в них стояли украшенные резьбой кровати, покрытыми роскошными, богато расшитыми покрывалами. Шкафы и ящики в одном стиле, маленькие прикроватные тумбочки с тяжелыми латунными лампами с изящными вставками из кусочков граненого стекла вместе с красивыми флакончиками духов. Теперь в комнатах

остались только красивые мраморные каминные полки, а в нескольких — пара пустых пивных банок с выцветшими логотипами — Энни не думала, что эти марки еще можно купить.

В дальнем конце длинного коридора находилась единственная закрытая дверь на всем этаже; Энни почувствовала, что её тянет к ней. Стоя снаружи, она закрыла глаза, пытаясь представить себе, что находится по ту сторону, но в голове у неё было пусто. Рука сама потянулась вперед, обхватывая тусклую медную ручку. Энни резко отдернула её. Металл оказался таким холодным, что кончики пальцев онемели. Голос матери ясно прозвучал в её голове: «любопытство убило кошку. Когда же ты уже это запомнишь?» Энни, постоянно спорившая с матерью, с тех пор, как научилась говорить, прошептала «никогда», затем схватилась за ручку и повернула её изо всех сил, пока та немного не поддавалась и медленно не повернулась. Не было никакой разумной причины, почему Энни так отчаянно хотела туда войти, но она знала, что должна это сделать.

Её встретила классная комната, и Энни ахнула от удовольствия, увидев две маленькие потертые сосновые парты с аккуратно подогнанными под них стульями. Всю заднюю стену занимал огромный книжный шкаф. Он был заставлен книгами, и Энни, которая любила читать, улыбнулась от радости. На каминной полке в этой комнате выстроились в ряд оловянные солдатки, готовые к следующей битве. Энни подошла и взяла одного из них, бормоча с восторгом, что они действительно настоящие, а не плод её воображения. Как эта комната осталась нетронутой, когда весь остальной дом превратился в пустую скорлупу? Повернувшись к партам, она выдвинула стул и села, проводя пальцами по линиям и бороздкам на мягком дереве. Подняв крышку, чтобы заглянуть внутрь, она улыбнулась, увидев пыльную старую книгу в черной кожаной обложке. Подняв её, она сдула немного пыли.

Откуда-то из глубины дома донеслось тихое позвякивание пианино, мелодия показалась ей смутно знакомой, успокаивающей. Энни взглянула на название книги, написанное золотыми буквами, изящным почерком: «Приключения Алисы в Стране чудес». Послышался приглушенный мужской голос; он был глубоким и звучал для Энни так, словно доносился из громкоговорителя. Холодок пробежал по её телу. Это был голос кого-то, кого она знала давным-давно, но сейчас не могла вспомнить.

— Элис, где ты? Я хочу прийти и поиграть.

Мурашки пробежали по рукам Энни; она знала, что единственный человек в доме.

— Элис, я иду, чтобы узнать, готова ты или нет.

Тот, кому принадлежал голос, не спрашивал, с кем Элис будет играть в эту игру, он говорил так, что у неё не оставалось выбора. Энни инстинктивно огляделась в поисках укрытия, её сердце билось так сильно, что она боялась, как бы его бешеный стук не выдал её. Затем послышались шаги, поднимающегося по лестнице человека, такие громкие, что пол задрожал. Энни знала, что это просто невозможно, но они продолжали звучать, приближаясь к ней. Скоро их обладатель окажется на лестничной площадке и направится прямо к ней. Энни быстро встала, ударилась бедром об острый угол стола и прикусила язык, чтобы не закричать: «я не готова, я не хочу играть с тобой, кто бы ты ни был». Шаги стали громче, и она посмотрела на дверь, которая неожиданно оказалась закрытой: в этой комнате негде спрятаться.

Внезапно наступившая тишина стала оглушительной. Она знала, что тот, кто звал её, теперь стоял за дверью и прислушивался. Энни попяtilась, стараясь держаться на

некотором расстоянии от двери, адреналин заставил её тело напрячься. Она служила в полиции уже пять лет и была способным бойцом. Тренировки по самообороне и регулярные субботние ночные драки с пьяницами превратили её в уверенного бойца, но что действительно пугало её, так это мысль о том, что тот, кто стоит по другую сторону двери, может оказаться не тем человеком, с которым она могла бы справиться. «Верю ли я в привидения?» Её тело напряглось, ноги автоматически приняли боевую стойку, она подняла кулаки, которые были сжаты так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Из-под двери не просачивался свет, его заслоняла черная тень, стоявшая по другую сторону, и тот маленький огонек, что имелся в комнате, померк. Мышцы её живота напряглись, Энни приготовилась настолько, насколько вообще это возможно. Сильнейший раскат грома, прогремевший прямо над домом, заставил её закричать, её ноги задрожали, угрожая подломиться. Энни быстро оглядела комнату: она была пуста. Ни оловянных солдатиков, ни книг, ни парт. Энни зажмурилась, потом открыла глаза: комната пуста, как и все остальные. Дверь теперь была открыта, как она и оставила её, и, к счастью, там не было сумасшедшего, стоящего с другой стороны и ждущего её. Но все же её охватило тревожное чувство, что за ней наблюдают. Заставив свои ноги двигаться, Энни шагнула вперед и запнулась обо что-то, она посмотрела вниз, и заметила книгу на полу. Слишком напуганная, чтобы прочесть название, хотя она прекрасно представляла себе, что это такое, она сунула её в рюкзак. Еще один раскат грома эхом прокатился по дому, заставив её снова закричать.

Не заботясь больше о том, насколько безопасны полы, она выбежала на лестничную площадку, пролетела по коридору к лестнице и спустилась, перепрыгивая через две ступеньки. Её сердце билось так быстро, что она была уверена, что случится сердечный приступ прямо здесь, в большом старом особняке, где за ней наблюдал только призрак, который так и ждал, что она присоединится к нему.

Энни, никогда не увлекавшаяся ни церковью, ни религией, начала напевать первый попавшийся ей на ум гимн «Всё ярко и красиво»¹, снова и снова. В считанные секунды она пересекла большой зал, и перед ней замаячила парадная дверь. На мгновение ей показалось, что дверь не открывается, но один мощный рывок и она оказалась снаружи, на ступеньках.

Воздух наполнился запахом озона. Дождь еще не начался, но небо уже покрылось грязно-желтым и серым покрывалом. Захлопнув за собой тяжелую дверь, Энни нащупала в кармане ключ. Крепко сжав его, она вставила его в замок. Поворачивая, она надеялась, что кто-то или что-то в этом доме теперь заперто по другую сторону.

Последние лучи дневного света скрывались под грозowymi тучами. Энни побежала к крошечной тропинке, когда начали падать первые тяжелые капли. Деревья защищали её от худшего, но это последнее место, где стоило находиться во время грозы. Словно в подтверждение этого, еще один громадный треск эхом прокатился по лесу. Обернувшись, она бросила последний взгляд на дом, когда яркая белая молния осветила небо над ним. Энни искала окно комнаты, в которой только что была. Найдя его, она резко вдохнула. Из последнего окна на неё смотрела расплывчатая белая фигура женщины.

Энни повернулась и побежала обратно к фермерскому дому так быстро, как только могли нести её дрожащие ноги. Когда добралась до поляны и увидела ворота, её плечи немного расслабились. Она перелезла через них и, направилась к кухне, войдя внутрь, Энни захлопнула за собой дверь. Она прислонилась к ней, но ноги её подкосились, и она мокрой кучей сползла на пол. Тесс зарычала из безопасности своей собачьей корзины, но, поняв, что это Энни, успокоилась и настороженно посмотрела. «Вау, Тесс, ты прямо сторожевая

собака». Энни начала глубоко дышать, чтобы успокоиться, потом, когда почувствовала себя в состоянии, поднялась и пошла в гостиную, чтобы посмотреть на бурю, которая все еще бушевала снаружи.

Молния, освещавшая лес, сверкала над большим домом и казалась самой красивой и в то же время самой страшной вещью, которую Энни когда-либо видела. С трудом поднявшись по лестнице, она направилась в единственную спальню, которая выходила окнами на особняк. Её поразило, что молния ударила прямо над ним.

Энни было страшно, она не хотела оставаться одна посреди леса. Чего бы она только не отдала за то, чтобы рядом с ней появился её коллега и лучший друг Джейк, и обнял её своими мускулистыми руками. Даже в хороший день телефон плохо ловил сигнал здесь наверху. В грозу она оказалась полностью отрезана от мира. Джейк посмеётся над ней и скажет, что она сошла с ума, и, возможно, он не так уж сильно ошибётся. Сейчас он, должно быть, на работе, дежурит, и она предпочла бы оказаться рядом с ним. По крайней мере, на дежурстве плохие вещи случались с другими людьми, а не с ней.

Здравый смысл подсказывал Энни, что в доме не водятся привидения; привидений вообще не бывает. Но другое объяснение пугало её еще больше: её травма головы могла оказаться сильнее, чем предполагал доктор. Потом она вспомнила о книге и спустилась вниз, чтобы проверить свою сумку. Если её там нет, то завтра она пойдет в больницу и скажет, что у неё галлюцинации.

Сумка лежала на кухонном полу, и Энни на мгновение растерялась, не зная, открывать её или нет. В конце концов, она расстегнула молнию и, пошарив внутри, нащупала острый уголок книги в кожаном переплете. Вот дерьмо.

Глава 2

К тому времени, когда Уилл подъехал к дому Дженны Уайт, обычно тихая улица уже кишела людьми. Чуть раньше, когда Джейк приехал на патрульной машине после звонка о пропавшем подростке, занавески на окнах только задергались. Но теперь соседи стояли в палисадниках, болтая друг с другом, а несколько человек вспомнили, что забыли что-то в багажнике, и пытались выглянуть незаметными, но безуспешно, поскольку они просто слонялись позади своих машин.

На против Уилла припарковался репортер из местной газеты, который что-то ворчал себе под нос: он был настоящей занозой в заднице. Любил выставлять каждого полицейского, у которого брал интервью, идиотом. Уилл прекрасно понимал, что некоторые из его коллег не очень-то нуждаются в помощи в этом деле, но большинство из них пришли на работу, чтобы помогать другим — защищать и служить обществу и все такое прочее, — так что газеты должны быть на их стороне. Уилл просто выжидал, пока репортер не переступит черту и не даст повода арестовать себя, желая показать гостеприимство тюремной камеры. Уилл с удовольствием посмотрел бы, как этому репортеру понравится спать и завтракать, слушая завсегдатаев: пьяниц, плачущих и болеющих, или наркоманов, сходящих с ума.

Горстка молодых людей, одетых так, словно они играли главные роли в фильме «Шоу ужасов Рокки Хоррора», околачивалась у ворот дома номер девять по Уолтон-Пэйт. Джейк появился в дверях и поднял руку, чтобы помахать Уиллу, который выскочил из машины и нырнул в палисадник, прежде чем репортер снял с камеры крышку объектива.

— Рад видеть тебя, приятель, слух распространился как лесной пожар: чертов «Фейсбук». Исудя по тому, что там пишут, они считают, что её похитил инопланетянин-

трансвестит, — недовольно проговорил Джейк.

Уилл закрыл за собой входную дверь и последовал за Джейком на кухню. Дом был чист и опрятен, сладкий запах ванили наполнял воздух из ароматического диффузора на столике в прихожей: это напомнило Уиллу о доме его бабушки. Она жила на соседней улице, и, очень любила печь, в её доме всегда так пахло. Уилл почувствовал, как его сердце сжалось при виде поникшей женщины, выжидающе смотревшей на него.

— Миссис Уайт, я детектив — сержант Уилл Эшворт. Я работаю в уголовном розыске. Джейк рассказал мне о Дженне. Вы говорите, она никогда раньше не делала ничего подобного?

— Никогда. Она никогда раньше не убегала из дома, и если куда-нибудь шла, всегда предупреждала, где будет... Мы, правда, поссорились из-за того, что она постоянно спорила со своей сестрой, и я сказала ей, что она под домашним арестом до следующих выходных, но куда она пойдет без денег? С ней что-то случилось, я точно знаю. Как только Сара сказала мне, что Дженна не спала в своей постели, я все поняла. Она такая добрая девушка, что не стала бы нас так беспокоить.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, и если вы дадите мне как можно больше информации, это поможет нам найти Дженну и Джейку будет легче заполнить отчет о пропавших людях. — Уилл взглянул на Джейка, который нашел что-то интересное на своих ботинках. — Знаю, вы сказали моему коллеге, что у Дженны нет парня как такового, но вы же знаете детей, они не всегда говорят нам, взрослым, что происходит.

— Она никогда не упоминает какого-то конкретного мальчика. Я знаю, что у неё есть друзья-мальчики из колледжа, но они просто проводят время вместе.

— У неё есть какие-нибудь любимые места, куда она любит ходить?

— Аббатство. Она занимается художественным проектом в колледже, и часто там бывает, ей нравится это место с детства. — Женщина шмыгнула носом в платок, затем резко встала и вышла из комнаты, прежде чем вернуться с глянцевой фотографией, которую она вручила Уиллу.

Взглянул на лицо девушки, смотрящей прямо на него, он передал фото Джейку и продолжил свои расспросы:

— Дженна ведет дневник? У неё есть компьютер? — на что миссис Уайт энергично закивала головой.

— Не знаю, как насчет дневника, может быть, и есть, потому что она все время что-то записывала. Муж купил ей на Рождество ноутбук, он стоит в столовой.

Уилл улыбнулся.

— Замечательно. Вы не возражаете, если мы заберем его, чтобы осмотреть и изучить, нет ли на нем чего-нибудь, что могло бы дать нам ключ к разгадке, где может быть Дженна? Мы с Джейком можем пройти и осмотреть её комнату?

— Не стесняйтесь, — прошептала она, затем встала и повернулась, чтобы подняться вверх. Джейк и Уилл последовали за ней. Она повела их по узкой лестничной площадке к последней двери, на которой висела фотография какого-то известного актера, от которого все девушки сходили с ума. Джейк понятия не имел, как его зовут, хотя пару раз смотрел фильм вместе с Энни.

Миссис Уайт открыла дверь спальни, и Джейк уставился на множество плакатов на стене, на которых были изображены самые страшные люди, которых он когда-либо видел. Они проверили, нет ли следов борьбы; все на своих местах, не было даже перевернутой

чашки, и не имелось никаких пятен крови. Комната выглядела чистой и опрятной для подростка, а на туалетном столике лежала черная блестящая сумочка. Уилл открыл её: там имелись пятифунтовая банкнота и дебетовая карточка. Очевидно, что здесь не произошло ничего криминального, никто не вытаскивал сопротивляющуюся Дженну из спальни.

Выходя, он кивнул миссис Уайт.

— Спасибо. Мы вернемся в участок, посмотрим, что у нас есть, и продумаем план действий. Я назначу вам одного из моих офицеров по связям с семьей, который будет держать вас в курсе нашего расследования и отвечать на любые ваши вопросы. Они действуют как посредники, так что вам не придется беспокоиться в попытке связаться с кем-либо в управлении...

Уилл кивком головы показал Джейку, чтобы тот следовал за ним. Он понизил голос, чтобы его не услышали собравшиеся на улице зеваки.

— Мне неприятно это признавать, но думаю, ты прав, беспокоясь. Конечно, есть вероятность, что она уснула в компании, страдающих от похмелья друзей, но интуиция мне подсказывает, что это не так. Что-то тут не чисто. Она не похожа на одного из наших обычных пропавших без вести, у нас на неё ничего нет, я проверил данные, прежде чем приехать сюда, и в системе нет никаких следов ни на кого из её семьи. До сегодняшнего дня Уайты были просто обычной семьей. Свяжись с теми, кто проверяет адреса, и узнай, обнаружили ли они что-нибудь? Я пока поговорю с разношерстной компанией вон там и посмотрю, что они скажут.

Джейк улыбнулся про себя, когда Уилл приблизился к толпе готов. Из всех заданий, которые нужно было выполнить сегодня, это самое перспективное. Он готов был поспорить на сто фунтов, что в ближайший час дело не будет закрыто... Он, конечно, надеялся, что Дженна скоро появится, поджав хвост и извиняясь, но инстинкт подсказывал ему, что это маловероятно.

Глава 3

Он понятия не имел, что с ним не так, только что он был доволен своим довольно обычным существованием, а в следующую минуту не мог этого вынести. И как кульминация его жизни походы каждую среду в спиритическую церковь, куда он водил свою пожилую мать, чтобы сидеть и слушать, как какой-то шарлатан притворяется, что передает послания от мертвых печальным, отчаявшимся людям, сидящим на жестких пластиковых стульях и ожидающим чего-то, что могло означать, что настала их очередь. Его мать тоже всем этим увлекалась. Она проводила еженедельные сеансы, приглашая нескольких из своих подруг, и он был уверен, что она все выдумывает, но это давало ему пару часов передышки от её постоянных насмешек над ним.

Прошел уже месяц с тех пор, как он вышел прогуляться в город и увидел старую жестяную коробку в витрине лавки старьевщика. Мелвин, владелец, любил называть её антикварным магазином, но чаще всего там продавался только хлам по грабительским ценам. Он почувствовал, что его тянет к коробке, и, не успев опомниться, вошел в магазин и принялся бродить по нему. Он не сказал, что интересуется коробкой, потому что тогда цена поднимется, по меньшей мере, на двадцать фунтов, поэтому он пропатался десять минут и уже собирался выйти за дверь, когда остановился и посмотрел на коробку. Наклонился к окну и осторожно извлек её из остальной груды мусора. Мелвин пошел поставить чайник, так что у него появилась возможность быстро взглянуть.

Когда-то она была богато украшена золотым узором, теперь же ржавчины стало больше,

чем золота, и в таком состоянии она выглядела жалко, но он чувствовал, как его сердце бьется немного быстрее, когда держал её. Мелвин очень громко разговаривал с кем-то по телефону, поэтому он открыл коробку, чтобы заглянуть внутрь: там лежало несколько очень старых, зернистых черно-белых фотографий и пара писем. Он сунул коробку подмышку и пошел в заднюю часть магазина. Мелвин, глубоко погруженный в разговор, прижимал трубку к уху и помещивал чайный пакетик в своей треснувшей кружке, с картинкой королевской свадьбы Чарльза и Дианы.

— Сколько вы хотите за это, Мелвин? — Он изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, чтобы не вызвать подозрений.

— Пятерка. Это, знаете ли, антиквариат, викторианский.

— Пятерку? Я только хочу, чтобы она выдержала несколько пуль из пневматической винтовки. Дам вам четыре фунта.

Тот, кто говорил по телефону, отвлек внимание Мелвина, и он кивнул в знак согласия. Он отсчитал четыре фунтовые монеты и положил их на прилавок. Мелвин снова кивнул, сунул деньги в карман и повернулся, чтобы налить молоко в чай. Он вышел из магазина с коробкой под мышкой и широкой улыбкой на лице: сегодня хороший день для него. Не так уж часто ему удавалось одержать верх над стариком Мелвином. Он вернулся домой и спрятал жестянку в шкаф — в безопасное место, пока не успеет, как следует её рассмотреть.

Он сидел здесь, вежливо слушая, как мать ворчит о покойном муже Эдит, и думал о том, как ему надоела эта жизнь. Его тошнило от одиночества, тошнило от матери, которая с каждым днем становилась все раздражительнее. А потом, откуда ни возьмись, появилось жгучее желание кого-нибудь убить. Внутри, где раньше он не знал ничего, кроме спокойствия, теперь бурлил омерзительный ужас. Он не хотел просто ударить кого-то молотком по голове или, может быть, переехать его. Он хотел привести женщину в старый особняк в лесу и перерезать ей горло от уха до уха. Ему хотелось смотреть, как густая алая волна теплой липкой крови струится по бледной, молочно-белой коже его жертвы. У неё должна быть самая белая кожа, чтобы кровь ярко контрастировала с ней, и тогда он будет резать и резать, пока Монстр внутри него не насытится, и он снова не почувствует себя самим собой.

— Ты меня вообще слушаешь? Эдит хочет стакан воды, и, судя по выражению твоего лица, тебе тоже не помешает. Да что с тобой такое? Грезит наяву, как пятнадцатилетний мальчишка! Ох, да ну тебя, сама принесу.

Он моргнул и оглядел кучку морщинистых старух, уставившихся на него.

— Прости, мама.

Она с отвращением покачала головой, и видение того, как он перерезает ей горло, и зияющая улыбка навсегда застывает на ней, заставило его вскочить с жесткого стула, на котором он сидел, и опрокинуть маленький карточный столик, который она использовала для сеанса, на колени двум женщинам.

— Извините, дамы.

Он выскочил из комнаты, протиснувшись мимо матери, которая вернулась с большим стаканом воды. Вбежал по лестнице в свою спальню, хлопнув дверью; затем подтащил стул и подтолкнул его под ручку, чтобы старая карга не могла войти к нему. Включив компьютер, он подождал, пока загрузится страница поиска. Он был прирожденным интернет-совратителем — так легко быть идеальным человеком для того, с кем бы ты ни разговаривал, и он сам удивился той легкости, с которой он к этому привык. Он всегда умел

все тщательно планировать, еще со школьной скамьи, но он боялся черной ярости, которая начала брать верх, и знал, что, если возникнет ситуация, провоцирующая его ярость, он не сможет её контролировать, и это беспокоило его. Он зашел на сайт знакомств, к которому присоединился месяц назад под вымышленным именем, и набрал «одинокие женщины в Камбрии», сильно нажав на кнопку ввода. Его язык выскользнул изо рта, и он облизнул верхнюю губу, когда страницы начали загружаться. Он начал искать следующую подходящую жертву, которая составит Дженне компанию в подвале — он не хотел, чтобы она чувствовала себя там одинокой. Он остановился на фотографии девушки с очень бледным лицом. Зеленый кружок под ним показывал, что она в сети и ей можно отправить сообщение.

Он напечатал: «Хочешь посетить дом с привидениями?»

Через несколько секунд на экране вспыхнул ответ: «Да, хотела бы. Ты знаешь такой?»

О да, я знаю, кто бы мог подумать, что это может быть так просто.

Уилл вернулся в офис. Ему нужно поговорить с инспектором и организовать поиски. Одна из проверок адресов показала, где заметили Дженну Уайт в последний раз. Девушка, которая жила там, иногда подвозила Дженну до колледжа и проехала мимо неё вчера вечером примерно в двадцать минут девятого, когда она свернула на подъездную дорогу к аббатству Вуд. С тех пор её никто не видел.

Он нажал цифровой код на панели, чтобы открыть дверь, надеясь, что он все еще действует; у них имелась привычка менять его ровно тогда, когда он его запоминал. Он заехал в муниципальный офис, чтобы поговорить с сержантом, и попросил его прислать как можно больше офицеров и внештатных сотрудников полиции, чтобы они могли начать обыскивать аббатство и проверить те несколько домов, которые там располагались. Это была огромная территория, и ему необходимо задействовать все связи, чтобы собрать как можно больше людей, которые смогут помочь в поисках. Возможно, Дженна лежит где-нибудь раненая. Он надеялся, что она не заблудилась на железнодорожных путях позади аббатства и не попала под поезд. Несколько местных жителей, уже встретили свою безвременную смерть благодаря высокоскоростному поезду, идущему из Эдинбурга.

Его голова начала стучать в том же ритме, что и сердце, и он проглотил пару таблеток парацетамола, прежде чем подняться в большую комнату на втором этаже, которая использовалась для проведения совещаний и крупномасштабных брифингов. Эта смена обещала быть долгой, он просто надеялся, что к её концу Дженна Уайт, так или иначе, воссоединится со своей семьей.

Гром постепенно стихал, лишь изредка слышался отдаленный рокот. Энни сидела за кухонным столом с кружкой кофе в одной руке и книгой в другой. Должно быть, это та самая книга, которую она нашла в парте, но никак нельзя было объяснить, как она попала из воображаемого стола на пол. Сказать, что это странно, ничего не сказать. Сняв со спинки стула кухонное полотенце, она вытерла толстый слой пыли на обложке. Книга была переплетена в черную кожу, которая размякла и потрескалась от старости, она ожидала, что название будет гласить «Приключения Алисы в Стране чудес», но вместо этого там было написано «Дневник». Она выдохнула, не осознавая, что задержала дыхание. Дрожащими руками Энни открыла его и прочла надпись на внутренней стороне обложки: «Это личный дневник Элис Хьюз». Холодок пробежал у неё по спине: мужчина в доме звал Элис. Почерк

был красивый, изящный, и Энни пожалела, что не умеет так писать. На мгновение она почувствовала укол вины за то, что собирается читать чей-то дневник. Как бы она себя чувствовала, если бы все происходило наоборот? Но дневник явно был очень старым, и она очень сомневалась, что та, кому он принадлежал, все еще жива.

25 декабря 1886 года

Меня зовут Элис Хьюз, мне пятнадцать лет, и я работаю горничной у лорда и леди Хитон из Мэнор-хауса, Эбби-Вуд, Бэрроу-ин-Фернесс. Мне очень повезло, так как я получил этот дневник в качестве подарка от леди Ханны, которая сказала мне, что умение писать — это драгоценный дар, который нужно использовать, если тебе достаточно повезло, чтобы им владеть с божьей помощью. Именно благодаря леди Ханне, я умею писать. Она всегда оставляла мне свободное время, чтобы я сидела в классной комнате с мастером Эдвардом и училась, когда его учитель приходил давать ему уроки. Мне не нравилось проводить так много времени в обществе Эдварда. Он вредничал и вел себя так отвратительно со мной без всякой причины. Но я так люблю читать и писать, и я полагаю, что должна быть благодарна, что мне дали такую возможность учиться, даже если это означало, что Эдвард будет дергать меня за волосы или щипать за руки, когда учитель не смотрит.

Сегодня был такой напряженный день. Лорд Роберт и леди Ханна пригласили гостей на рождественский ужин, и мне пришлось помогать кухарке готовить и подавать еду. И Милли, посудомойка, и Джеймс, лакей, заболели, а это означало, что мне пришлось выполнять и их обязанности, и всю свою работу по дому. Мастер Эдвард был не очень доволен, когда его мать сделала мне подарок, и весь день хмурился. Я благодарна его светлости за то, что он сегодня не спускал с Эдварда глаз, потому что я подслушала, как кухарка говорила дворецкому Альберту, что Эдвард вчера опять подрался. Эдвард всегда очень злой. Я часто удивляюсь, почему он такой, когда все так добры к нему.

Я слышала, как леди Ханна говорила викарию, что Эдвард скоро переедет в Лондон и будет учиться там в Медицинской школе, потому что он такой умный, сообразительный и хорошо учится. Каждый вечер я молюсь, чтобы он поскорее уехал, и тогда мне не придется прятаться от него, когда он захочет играть в свои глупые игры. Я пишу это при свете свечи, свернувшись калачиком в своей постели. А теперь мне пора идти, а то вдруг он иныряет вокруг и увидит свет из-под моей двери, потому что он будет безжалостно дразнить меня. Его не пускают в помещение для прислуги, но это его не останавливает, потому что он никого не слушает.

30 декабря 1886 года

Сегодня утром я так много работала, что сильно устала. Завтра вечером будет вечеринка, и леди Ханна хочет, чтобы дом сверкал сверху донизу. Все это очень хорошо, но чувствую, что я единственная, кто работает, за исключением, конечно, кухарки, которой всегда приходится много готовить.

Я не понимаю, почему Эдвард так не любит меня. Интересно, если бы я была мальчиком, обращался бы он со мной так же? Какая-то часть меня думает, что он ревнует меня, но почему? Он богат, и его родители нежно любят его, хотя он ведет себя как избалованный, эгоистичный ребенок и так несчастен. Он должен жить своей жизнью. У меня ничего нет, с чего бы ему завидовать мне? Моя мать умерла в прошлом году, и у меня нет другой семьи. Я живу в этом доме с тех пор, как мне исполнилось девять лет. Несмотря на мой возраст, мне давали много заданий, которые нужно выполнять, но я не

возражала, потому они занимали весь день.

Мне очень повезло, что я нравлюсь леди Ханне, иначе меня могли бы отправить в рабочий дом, когда умерла мама. Но леди Ханна настояла, чтобы я осталась горничной и получала приличное жалованье. Я так многим обязана леди Ханне, что ни за что её не подведу.

Сегодня был такой ужасный день, я никогда в жизни так не боялась. Эдвард настоял, чтобы я поиграла с ним в прятки. Он сказал мне, что если я этого не сделаю, то он скажет своей матери, что я украла некоторые из её драгоценностей. Я умру со стыда, если леди Ханна сочтет меня способной на такое, потому что она мне как родная мать. У меня не осталось выбора, хотя я была напугана и знала, что все закончится слезами. Я старалась вести себя храбро, хотя меня тошнило.

Он провел меня на кухню и остановился у двери в подвал. Затем он приказал мне спрятаться в темном сыром подвале. Мои колени начали дрожать так сильно, что я едва могла сделать первый шаг вниз в темноту. Я оглядела ярко освещенную кухню в поисках кухарки, но её нигде не было видно. Скорее всего, они с её светлостью обсуждали меню на завтрашний вечер. Эдвард улыбнулся, увидев страх на моем лице; он точно знал, о чем я думаю. Он знал, что я хочу, чтобы кухарка пришла и спасла меня от спуска в огромный темный подвал, который я так боюсь. Я изо всех сил старалась выглядеть храброй, потому что не хотела показывать ему, как сильно я напугана, потому что тогда он будет дразнить меня еще больше.

Я сбегала вниз по лестнице в темноту, которая ждала меня внизу. Я не знала, куда повернуть, и наткнулся на что-то твердое, ударившее меня по голени и заставившее вскрикнуть от боли. Мои глаза наполнились слезами, и мне захотелось упасть на пол и завывать. Теперь у меня большой черный синяк, который болит, если я к нему прикоснусь. Я слышала, как он смеется на верхней площадке лестницы; наконец он начал считать. Эдвард, должно быть, слышал, как я скреблась в темноте, как слепая мышь. Мне пришлось прикусить губу, чтобы не издать ни звука. Наконец я нашла уголок, где можно было присесть, и постаралась стать как можно незаметнее. У меня кровь застыла в жилах, когда он крикнул: «Я иду, кто не спрятался, я не виноват». Мое сердце билось так громко, что я думала, оно выдаст мое убежище. Мне казалось, что по моей коже ползают тысячи пауков. Мне пришлось зажмуриться и зажать уши ладонями, все время, ожидая, что Эдвард выскочит на меня из темноты.

Когда я уже не чувствовала ног, попыталась выпрямиться; не знаю, как долго я просидела в ожидании. Я выползла из своего безопасного угла и начала пробираться наощупь, когда мои глаза стали привыкать к темноте. В глубине души я знала, что Эдвард ждет, чтобы напугать меня. Я потеряла всякое чувство направления в этих огромных комнатах и не понимала, где лестница: я заблудилась. Странный звук донесся откуда-то совсем рядом, и именно тогда слезы начали капать из глаз, когда я задела что-то твердое и холодное. Я не могу сказать, было ли это мое воображение или нет, но мне показалось, что я услышала низкое, гортанное рычание, и именно тогда я начала кричать.

Её Светлость, должно быть, услышала меня, потому что послала Гарольда со свечой в подвал, чтобы он осветил дорогу и нашел меня. Я так обрадовалась, увидев его, что не могла перестать плакать, и прижалась к нему, когда он взял меня за руку и повел к лестнице, а потом обратно наверх, в безопасное место. Когда мы добрались до вершины, я почувствовала, что ноги у меня подкашиваются. На пороге стояла леди Ханна с

озабоченным выражением лица. Кухня никогда еще не выглядела такой уютной и светлой. Эдвард сидел за столом и ел теплые имбирные пряники, от запаха которых у меня заурчало в животе. Он ухмыльнулся мне из-за спины своей матери. Леди Ханна взяла меня за руку и повела наверх, в мою комнату, чтобы я легла и отдохнула. Она сказала мне, что с Эдвардом разберутся, и когда она повернулась, чтобы посмотреть на меня, я увидела такую печаль в её глазах. Я не могу поверить, как кто-то настолько добрый мог родить такое чудовище.

5 января 1887 года

Сегодня я с огромным облегчением наблюдала, как Эдвард уезжает. Альфи — младший лакей, но также немного мастер на все руки, как и я, когда дело доходит до помощи по дому, помог ему погрузить багаж на лошадь. Кухарка сказала мне, что его светлость предупредил Эдварда, чтобы он оставил меня в покое, иначе его не пустят домой. Я не осмеливалась поверить в это, так как он напугал меня до полусмерти в подвале и даже не заговорил со мной. Два дня назад я видела, как он в саду бил палкой кролика, бедняжка визжал во весь голос, как ребенок. Это было ужасно, я хотела выбежать наружу, чтобы помочь бедному существу, но я слишком боялась Эдварда, потому что знала, что он хотел бы избить палкой меня. Я побежала искать Гарольда, который полировал серебро. Кухарка сказала мне, что Гарольд пошел сказать его светлости, который сам вышел на улицу, чтобы положить конец жестоким пыткам Эдварда, но не раньше, чем кролик был забит до смерти, а снег, который сделал зеленую траву белой и хрустящей, стал кроваво-красным.

Этот дом будет намного счастливее, когда он уедет, и я смогу выполнять свои обязанности, не боясь, что Эдвард шпионит за мной и ждет, чтобы напугать меня. В нем сидит дьявол, я в этом уверена. По дороге в постель я подслушала, как его светлость спорил с леди Ханной, и поняла, что речь шла об Эдварде. Я расскажу об этом кухарке, но знаю, что она посоветует мне не лезть не в свое дело и помалкивать. Думаю, что сегодня будет первая ночь за несколько недель, когда я буду спокойно спать.

Энни была полностью поглощена своими мыслями, пока громкий стук в дверь не вернул её к реальности. Она выглянула в окно и увидела знакомую вспышку желтого света. Кто-то осматривал амбары. Она надела бледно-голубую шерстяную шапочку, которую купила в прошлом году, и на случай, если это кто-то из её коллег, и открыла дверь.

За дверью стоял Джейк и улыбался ей. Он шагнул вперед и обняв меня, приподнял от земли. Как он узнал, где меня искать? Я никому не говорила, где остановилась. Энни поехала и посмотрела на мужчину позади Джейка. Она узнала Уилла. Он не так давно сдал экзамен на сержанта и только что получил звание сержанта уголовного розыска. Он выглядел смущенным поведением Джейка. Когда Джейк наконец отпустил её, Энни почувствовала себя виноватой за то, что не сказала ему, где остановилась.

— Так вот где ты пряталась от меня. Я оставлял сообщения на твоей голосовой почте, потому что ты никогда не отвечаешь на звонки. Если мне повезет, я получу загадочное сообщение. Что случилось с твоим искусством вести беседу?

Уилл переводил взгляд с Джейка на меня.

— Джейк, я в порядке, я же сказала тебе, что мне нужно побыть одной. Я просто хочу быть ленивой и не беспокоиться ни о ком, кроме себя. — Она почувствовала знакомый румянец, когда её щеки начали гореть от реакции Уилла на её вид.

Уилл изо всех сил старался вспомнить её; она показалась ему знакомой. Она была ростом Джейку только по грудь, без макияжа и в симпатичной шапке, хотя и находилась в доме, что озадачило его. Он услышал, как Джейк что-то бормочет, и поймал на её лице

выражение «заткнись поскорее». Он понял, откуда её знает: она была одной из полицейских в местном офисе, работала с Джейком.

Он кашлянул.

— Извини, что прерываю вашу любовную размолвку, но у нас есть работа, Джейк.

— У нас не любовная размолвка, Джейк просто слишком заботливый и любит опекать.

Джейк вскинул руки в притворной покорности.

— Ну, извини, Энни, но ты не можешь сердиться на меня, потому что мне не все равно.

Я так волновался.

Она улыбнулась, и все её лицо просияло. Уилл почувствовал, как что-то в его груди чуть-чуть сдвинулось.

— Нет, я не сержусь, но я должна справиться с этим сама, взять себя в руки. Ты же знаешь, как это бывает. Он достаточно долго разрушал мою жизнь.

Уилл с трудом удержался, чтобы не поаплодировать им обоим. Он чувствовал себя так, словно попал в какую-то странную сцену из мильной оперы.

— Ну вот, теперь, когда вы оба будете жить долго и счастливо, пришло время поговорить о делах. — Он подмигнул Энни. — Пару часов назад поступило сообщение о пропаже девятнадцатилетней девушки, и мы очень обеспокоены её благополучием. У нас есть подтверждение, что в последний раз, когда её видели прошлой ночью, она направлялась к аббатству, так что вопрос на миллион долларов...

Энни закончила за него:

— Нет, мне жаль, но я не видела и не слышала ничего необычного. — Она предпочла не вдаваться в подробности драмы в старом доме.

— Мы можем проверить все надворные постройки на тот случай, если она прячется в одной из них?

Энни кивнула, сняла куртку со спинки стула и последовала за ними на улицу. Втроем они обыскали каждый сарай за считанные минуты.

— Простите, но, похоже, что ни в одном из них нет ничего, кроме мусора. — Она пожала плечами в качестве извинения.

— Не переживайте. Уверен, вы бы заметили, если бы кто-то крался.

Джейк подошел и присоединился к ним.

— А как насчет старого особняка? Он огромен. Она может там прятаться.

— Нет, её там нет, — голос Энни повысился на целую октаву.

Джейк приподнял бровь.

— И ты это знаешь, потому что?

— Потому что я бродила в нем раньше, и там было пусто. Мой брат — смотритель, и я пошла проверить его. Не думаю, что там кто-то был с 1982 года, — она вспомнила о фигуре у окна, но промолчала.

Уилл уловил её волнение и понял, что заинтригован: она чего-то недоговаривает. Он ни на минуту не думал, что это как-то связано с их пропавшей девушкой, но что-то заставило её нервничать.

— Я поверю вам на слово, но если мы не найдем её, нам, возможно, придется обыскать все вокруг, чтобы прикрыть наши спины.

— Хорошо, дайте мне знать, и я впускаю вас, потому что там опасно. Хотя я не знаю, как она могла попасть внутрь, потому что все окна внизу заколочены. — Энни нырнула под низкую перекладину, но не успела спуститься достаточно низко, и её шапка зацепилась за

ГВОЗДЬ.

Уилл пришел в ужас, увидев зловещую красную рану и линию скоб, идущую вдоль её затылка. Её волосы были выбриты, чтобы позволить врачам сшить края раны вместе, но темная щетина начала пробиваться сквозь швы.

Джейк, известный своим отсутствием такта, выдохнул:

— Господи Иисусе, Энни, что за бардак у тебя на голове. Я удивлен, что у тебя нет повреждений мозга.

Её лицо стало ярко-красным, она схватила шапку и натянула её на голову, затем повернулась и быстро пошла обратно к безопасному дому. Дойдя до кухонной двери, она повернулась к ним лицом.

— Если я вам понадобится, позвоните. — С этими словами она закрыла и заперла кухонную дверь, оставив их смотреть друг на друга.

— Да что с тобой такое, Джейк? Зачем ты это сказал?

Джейк пожал плечами, и Уилл с удовлетворением отметил, что на этот раз он действительно выглядел раскаявшимся.

— Ах, ты же меня знаешь, Уилл, я не всерьез. Прежде чем успеваю остановиться, я уже наговорю всякой ерунды, что окружающие обижаются.

Они молча пошли к воротам, и Уилл не смог удержаться, чтобы не обернуться и бросить последний взгляд в сторону дома. Он мельком увидел Энни, наблюдавшую за ними из окна первого этажа, она выглядела такой испуганной и уязвимой, и ему захотелось вернуться и обнять её, сказать, что все будет хорошо. Черт побери, я становлюсь мягкотелым на старости лет.

Они вернулись к главной тропинке, которая шла через лес, чтобы встретиться с другими участниками поисковой команды. Джейк для разнообразия был подавлен, и Уилл был благодарен этому, его мозг работал сверхурочно, задаваясь вопросом, что же случилось с Энни. Но сейчас не время и не место, потому что ему нужно сохранить ясную голову для поисков Джанны Уайт. Кроме того, он не мог расспросить Джейка об Энни, потому что никогда не слышал какие отношения их связывали. Он полагал, что мог бы поспрашивать в участке, где, без сомнения, кто-нибудь охотно посвятил бы его во все кровавые подробности, но ему этого не хотелось. Уилл не хотел нарушать её уединение, хотел услышать рассказ от неё, и он задавался вопросом, как сможет приблизиться к ней, если увидит снова. А он действительно хотел увидеть Энни снова. Очень сильно.

Глава 4

На самом деле Энни не сердилась на Джейка. Она привыкла к тому, что он, открывая рот, не всегда думает, прежде чем что-то сказать. Количество неприятностей на работе, из которых она его вытаскивала, слишком велико, чтобы сосчитать; только потому, что Уилл был рядом, она почувствовала себя униженной. Она знала его недостаточно хорошо, только здоровалась порой с ним в коридоре, поскольку до сих пор никогда не работала вместе над какими-либо делами. Выражение жалости на его лице заставило её почувствовать себя беспомощной.

Она не нуждалась ни в чьем сочувствии. Она сама виновата, что оставалась с Майком все эти годы, хотя ей стоило сделать то, что она говорила бесчисленным жертвам домашнего насилия, с которыми имела дело по работе: «Убирайтесь отсюда». Но Майк мог быть таким убедительным, когда это было необходимо, и совершенно очаровательным. Он мог пообещать ей, что больше такого не будет, и сказать, что очень сильно её любит, и каждый

раз она ему верила, но последние полгода практически сломали её. Энни чувствовала себя полной идиоткой.

Когда она смотрела, как Джейк и Уилл уходят, ей захотелось побежать за ними и предложить кофе. Было бы неплохо иметь компанию, особенно после сегодняшних событий. Она знала, что у Уилла репутация бабника. По словам Джейка, который дружил с ним с тех пор, как их объединили, Уилл предпочитал высоких, светловолосых, худых девушек, похожих на голодную супермодель. Так почему Энни не давало покоя то, как он смотрел на неё?

С другой стороны, был Джейк. Когда, только что окончив учебу в академии, она в первый же день в подразделении получила наставника и была представлена ему, ей пришлось глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться. Высокий, темноволосый и потрясающе красивый, Джейк имел мускулы во всех нужных местах. Женщины буквально набрасывались на него, где бы они ни появлялись по работе. Он всегда вел себя как профессионал и никогда не принимал их предложения телефонных номеров или напитков, и Энни обнаружила, что сильно влюблена в своего наставника.

Джейк в свою очередь привязался к Энни и стал её защитником, против чего она не имела ни малейшего возражения. После одного особенно мучительного рабочего дня — им пришлось сообщать родственникам о двух смертях подряд, и они первыми прибыли к месту смертельной автокатастрофы — он пригласил её к себе домой на бутылку вина и ужин. Энни не смогла бы сказать «нет», даже если бы захотела. Страстно желая провести с ним какое-то время, она сказала Майку, что сегодня девичник. Он возмущался все время, пока она собиралась уходить, и она знала, что позже за это придется заплатить.

Она подъехала к большому дому в викторианском стиле в одном из самых красивых районов города, что заставило её задуматься, как именно он мог позволить себе это на свою зарплату. Идя по мощеной дорожке, окаймленной с обеих сторон самыми ароматными кустами розовых роз и лаванды, которые когда-либо вдыхала, она подумала, как бы ей хотелось жить здесь с Джейком.

Через открытое окно раздавались сердитые мужские голоса, а затем открылась входная дверь, и оттуда выскочил еще более красивый мужчина, чем Джейк. Он захлопнул за собой дверь, перепрыгнул через лаванду на подъездную дорожку и сел в новенький «Мерседес». Дверь распахнулась, и Джейк уже собрался что-то крикнуть, как вдруг увидел Энни с бутылкой вина в руке и широко открытым ртом.

— Надеюсь, ты не будешь пускать на него слюни. Потому что он избалованный, эгоистичный ублюдок.

Она смущенно покачала головой.

— Это твой брат? — спросила она.

Джейк рассмеялся.

— О, как бы я хотел, чтобы он им был, потому что тогда я мог бы просто врезать ему, когда он действует мне на нервы. Пойдем, умираю с голоду. Проходи быстрее, чтобы я успел сделать заказ до его возвращения.

— Он вернется? Значит, он живет здесь?

— Вообще-то это его дом, но мы оба платим по закладной.

Она начала представлять себе, как хорошо было бы жить в этом прекрасном старом доме, который был украшен винтажным шебби-шиком². Еще лучше было бы разделить его с двумя великолепными мужчинами; она посмотрела на Джейка, который был искренне

смущен.

— Э-э, надеюсь, ты не фантазируешь о том, что мечтала бы сделать с моим парнем?

Энни хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила её. Изо всех сил стараясь выглядеть равнодушной, она отмахнулась.

— Ну, в неё входили вы оба, Джейк, я бы не стал тебя упускать.

Если Джейк и обиделся, то виду не подал.

Через полчаса греческий бог вернулся с двумя бутылками вина и букетом цветов.

— Это для тебя. Я — Алекс. Я был немного груб раньше, и мне очень жаль, но Джейк может быть таким придурком.

Энни приняла цветы и улыбнулась.

— Значит, ты знаешь его так же хорошо, как и я. — Они оба рассмеялись, и Джейк попытался выглядеть оскорбленным, но потерпел неудачу и присоединился к ним. Это стало началом прекрасной дружбы.

Когда она лежала в больнице, как сломанная тряпичная кукла, Джейк умолял её переехать к ним, но гордость взяла верх, и она наотрез отказалась. Хотя, если к тому времени, когда Бен и его семья вернутся, она ничего не придумает, ей, возможно, придется принять его предложение.

Бен навещал их мать, которая уехала во Францию шесть лет назад. Энни дважды ездила к ней, и это было ужасно: они просто не могли поладить. Энни так и не простила ей, что она бросила отца, когда они были маленькими.

Энни безумно любила своего отца. Он всегда был тем, кто укладывал её спать и читал сказки, а потом однажды она пришла домой из школы, и мама и Бен ждали её в холле с двумя большими чемоданами и тремя черными мешками с игрушками. Энни умоляла маму позволить ей остаться с отцом, но та отказалась, настаивая, что Энни должна поехать с ней. Подъехала черная машина с мужчиной за рулем, которого она никогда раньше не видела, и мать погрузила чемоданы, мешки, а затем детей в машину и вместе с таинственным мужчиной уехала.

Энни никогда не забывала выражение обиды на лице отца. Вскоре после этого он умер, и Энни обвинила свою мать в том, что она разбила ему сердце. Бен же, по мнению матери, был золотым ребенком, по крайней мере, она его так называла. Брат бы посмеялся над этим, но Энни знала, что он любимец их матери, и это не беспокоило её, ну, не сейчас, когда она стала взрослой. Она переживала по этому поводу, когда была ребенком, потому что Бен мог делать все, что хотел, но, когда бы Энни ни попросила, мать всегда отвечала «Нет».

Она так отчаянно хотела сбежать из родного дома, что, когда Майк предложил ей переехать к нему, даже не задумалась. Собрала свои вещи, и все. А теперь посмотрите, чем все это закончилось. Она снова села за кухонный стол, чтобы почитать еще что-нибудь из дневника, что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о Джейке и Уилле.

6 апреля 1887 года

Эдвард приезжает домой на пасхальные каникулы. В доме было так хорошо в эти последние месяцы без него, что я просто чувствовала, как мой желудок наполняется бабочками в воспоминаниях об этом. Я могла практиковаться в чтении и письме в классной комнате в полном одиночестве.

Однажды леди Ханна зашла ко мне, когда я писала, и сказала, что я создаю воспоминания для тех дней, когда стану старше, и моя память, возможно, не будет служить мне так хорошо, как сейчас. Я стараюсь писать каждый день, но в этом большом

доме так много дел, что я иногда забываю.

Сегодня я чувствую, что на меня опускается черная туча. Я так боюсь Эдварда и того, что он, возможно, мечтал сделать со мной в Лондоне, что мне трудно сосредоточиться на чем-либо. Я знаю, что поступаю глупо, думая таким образом, и что леди Ханна не позволит ему так жестоко обращаться со мной, но она не всегда рядом, а его светлость слишком занят работой, чтобы замечать, что происходит в этом доме. Мне просто придется сделать все возможное, чтобы держаться от него подальше и надеяться на лучшее. Я бы сказала Альфи, что чувствую, но боюсь, что он встанет на мою защиту, и тогда потеряет свое положение в доме, и собственно сам дом, и я не хочу, чтобы кто-то страдал из-за меня. Я знаю, что Альфи любит меня гораздо больше, чем просто как друга, потому что он украл у меня поцелуй два дня назад в деревянном сарае, когда помогал мне таскать дрова для костра. Я притворилась рассерженной и оттолкнула его, но на самом деле это было не так, и я думаю, что он знает это, потому что он улыбнулся мне и подмигнул.

8 апреля 1887 года

До сих пор Эдвард был очень вежлив и обходителен со мной. Он еще не спрятался ни в одном темном углу, чтобы выскочить и напугать меня. Я думаю, что Лондон меняет его к лучшему. Должно быть, в городе полно молодых леди, с которыми он может быть груб. Он стал носить элегантные костюмы с чистым отутюженным носовым платком, засунутым в карман. Альфи сказал мне, что Эдвард настаивает на чистом платке каждый день, и ему пришлось пойти в город, чтобы купить еще несколько штук, чтобы уверить Эдварда, что они не закончатся во время его визита домой.

Сегодня мне пришлось вычистить все каминные решетки. Его Светлость повел Эдварда в городскую ратушу на сегодняшнее собрание, оставив Альфи дома. Гарольд сказал ему, что он может мне помочь. Альфи развлекал меня рассказами о своей огромной семье: у него три сестры и два брата. Как я смеялась, когда он рассказывал мне о том, в какие передраги они постоянно попадают. Ему очень повезло, хотя он так не считал, сказав, что был так рад сбежать от них, когда получил здесь работу.

В моей семье была только мама и я, пока она не умерла, и она всегда много работала, поэтому мы никогда не проводили много времени вместе. Я так скучаю по ней и часто думаю, каково это быть не единственным ребенком в семье. Мне очень нравится Альфи. Он такой хороший друг. У него самые светлые голубые глаза, вокруг которых образуются морщинки, когда он смеётся, и копна волнистых светлых волос.

К тому времени, как очистили последнюю решетку, мы стали похожи на пару трубочистов, и кухарка приказала нам помыться и переодеться, прежде чем её светлость заметит нас обоих и закричит от страха. Альфи толкнул меня локтем в бок, и мы помчались вверх по лестнице для слуг в наши покои. Эдвард, должно быть, вернулся рано, потому что стоял на верхней ступеньке лестницы и смотрел на Альфи, который опустил голову и извинился. Я продолжала подниматься по лестнице, боясь, что Эдвард последует за мной, но он этого не сделал. Я понятия не имею, зачем ему ждать на нашей тесной лестнице, когда у него есть парадная лестница в передней части дома, чтобы подниматься и спускаться. У меня ужасное чувство, что он шпионил за мной, но, может быть, я просто веду себя глупо.

12 апреля 1887 года

В этот вечер дом был пуст. Лорд и леди Хитон отправились на вечеринку, и нам всем дали выходной. Кухарка и Милли отправились навестить старую миссис Блэкли, которая

очень больна. Она работала здесь до выхода на пенсию. Гарольд отвез их в каретке, а потом собирался ненадолго встретиться с Альфи в таверне, прежде чем забрать их обратно.

Альфи спросил меня, не хочу ли я пойти, но таверна — не самое подходящее место для молодой девушки. Если я войду туда, все будут смотреть на меня неодобрительно. Кухарка хотела, чтобы я поехала с ней и Милли, но я не могла видеть еще одного умирающего человека так скоро после моей матери. Я сказала ей, что плохо себя чувствую и хочу пораньше лечь спать. Взбежала по парадной лестнице, чтобы разобрать кровать её светлости, и столкнулась с Эдвардом на площадке второго этажа. Он выглядел таким лихим и красивым, одетый в свой лучший костюм, чтобы пойти на танцы. Он смотрел на меня своими холодными черными глазами, но продолжил идти, и я опустила голову. Он сбегал по лестнице, и я поймал себя на том, что наблюдаю за ним через балюстраду, он посмотрел туда, где я стояла, и устремил на меня взгляд своих холодных глаз. Мое сердце пропустило удар, и я так испугалась, потому что вспомнила, что в доме остались только я и он. Затем он поднес руку к губам и послал мне воздушный поцелуй. Я была так напугана, что побежала прямо в свою комнату и закрыла дверь. Мои щеки пылали от стыда, и, как бы мне ни было неприятно это признавать, я чувствовала что-то еще, кроме ненависти к нему, потому что мой желудок сжался от восторга при мысли о том, что он послал мне воздушный поцелуй.

Завтра у меня день рождения, и мне исполнится шестнадцать лет. Мне было девять, когда я впервые приехала в этот дом вместе с матерью, когда ей предложили место экономки. Завтра мне будет не с кем его отпраздновать, но это не имеет значения. Я должна помнить, что могу оказаться в гораздо худшем месте, чем аббатство Вуд.

13 апреля 1887 года

Ночью меня разбудил сдавленный крик за окном моей спальни. Я встала с кровати, чтобы посмотреть, откуда он взялся. В темноте я разглядела две фигуры под огромным дубом. Я сразу узнала Эдварда. За все годы, что пряталась от него, я бы узнала его силуэт где угодно. Другая фигура принадлежала девушке, и я с ужасом наблюдала, как он толкнул её на землю, её платье и нижние юбки перепутались под ней. Я увидела, как Эдвард поднял руку и жестоко ударил её по лицу, и громко застонала. Он оседлал её и повернулся, чтобы посмотреть прямо на мое маленькое окно спальни на чердаке. Уверена, он улыбался, как будто знал, что я наблюдаю.

Надо было бежать и разбудить его светлость. Девушка больше не сопротивлялась и неподвижно лежала под ним. Вместо этого я трусливо подбежала к кровати и натянула одеяло на голову. Я слишком боялась пошевелиться. Я слышала от Альфи о том, что вытворяют мужчины и женщины, так что, возможно, Эдвард влюблен в эту девушку. Я старалась не напоминать себе, что если ты действительно любишь кого-то, то не станешь его бить. Снаружи больше не раздавалось криков, и я осталась лежать под одеялом, молясь, чтобы Эдвард не пришел искать меня.

Утром, когда подали завтрак и Альфи с подносом отправили наверх, Эдварда нигде не было видно. Никто ничего не говорил о том, что произошло прошлой ночью, поэтому я молчала и старалась держаться как можно дальше от комнаты Эдварда. Я не могла перестать думать об этой женщине и о том, что с ней случилось, но спросить никого не решалась. Надеюсь, что она где-то в безопасности, но знаю, что ей причинили большой вред. Я не осмеливалась говорить об этом вслух, боясь расстроить леди Ханну или

заставить кухарку сплетничать.

Чтение дневника было интригующим. Почерк временами казался труден для понимания, и как бы ей ни хотелось читать дальше, от такой концентрации у Энни начинала болеть голова. Дождь стекал по кухонному окну, Тесс смотрела на неё и скулила.

— Там ужасно, Тесс, но я не возражаю, если и ты не будешь, и мы все еще сможем догнать Джейка. А кто такая умная девочка? — Энни наклонилась и почесала Тесс за ушами, отчего та так разволновалась, что её хвост начал стучать по всему телу. Надев одну из многочисленных непромокаемых курток, висевших на вешалке, и натянув слишком большие резиновые сапоги, они отправились в лес.

Энни заметила вспышки желтого света среди деревьев и направилась в том направлении, по тропинке, которая огибала старый дом снаружи. Она никогда не вернется туда одна, только не после сегодняшнего дня. Не было никакого рационального объяснения тому, что она испытала раньше, но все выглядело так реально.

Её мучило, что после стольких лет именно она нашла дневник Элис. Наверняка в доме было много людей, которые могли его обнаружить и подобрать. Она попыталась представить себе, как могла выглядеть Элис, и в сознании Энни начал формироваться образ хорошенькой молодой девушки в униформе горничной. Похоже, этот Эдвард имел все признаки, что и большинство серийных убийц: жестокость к животным, отсутствие друзей, холодность и расчетливость. Возможно, он убил девушку под деревом. Энни вздрогнула, подумав, есть ли в лесу могила с останками девушки. Ей нужно было пойти в библиотеку и проверить, нет ли там каких-нибудь записей о семье и слугах, которые жили в доме. Все это могло быть подделкой; кто-то мог разыграть её. Но опять же, еще полчаса назад никто не знал, где она остановилась.

Из-за деревьев донесся голос Джейка, и она направилась к нему. Так похоже на него — не отходить далеко от дома, но, по крайней мере, у неё будут его огромные мускулы, если ей понадобится защита. Энни на мгновение задумалась, был ли Уилл все еще здесь, хотя по опыту знала, что уголовный розыск обычно оставляет грязную работу полицейским в форме. Они влетают на место преступления, выглядя как люди в черном, делают несколько телефонных звонков и снова исчезают. Энни сомневалась, что Уилл все еще будет здесь.

Во всяком случае, его вряд ли привлекут её сто семьдесят сантиметров роста и фигура, из-за которой нельзя умереть, и пожизненное членство в клубе по подсчету калорий. С другой стороны, глаза у неё довольно зеленые, но у неё даже не осталось волос благодаря Майку. Её черные кудри были сбриты. Как она плакала, когда увидела их лежащими на полу палаты в больнице.

До сих пор ей удавалось избегать мыслей о той ночи, но теперь воспоминания нахлынули на неё. Она задержалась на работе из-за драки возле одного из ночных клубов на Корнуоллис-стрит. Двое её коллег получили по лицу от группы пьяных гопников, которые были, не только пьяны, но и накурены или приняли какое-то другое модное дерьмо. Наконец-то сдав дежурство, она отправилась на стоянку через дорогу к своей машине, которая никак не заводилась. У неё не было денег на такси, и она вернулась в офис, чтобы найти кого-нибудь, кто мог бы подвезти Энни домой. Кав, её сержант, предложил подвезти, так как сам собирался съездить за едой; он мог бы сначала высадить её у дома.

Когда они подъехали, дом был погружен в темноту, и Энни надеялась, что Майк либо все еще в пабе, либо, что еще лучше, лежит в коме на диване. Он терпеть не мог, когда она

работала по вечерам, но еще больше его бесило, если она задерживалась на работе допоздна. Для него не имело значения, что у неё нет выбора. Если вызов приходил за десять минут до конца смены, вы не могли просто бросить то, что делали, и пойти домой, как на других работах. Большинство мужчин с гордостью сказали бы, что их жена — офицер полиции, но только не он. По какой-то причине он считал её работу постыдной.

Она прокралась в кухню и осторожно прикрыла за собой дверь. В кухне вспыхнул свет, и её охватило знакомое чувство страха. Она просто хотела забраться в постель, но Майк стоял и смотрел на неё.

— Где тебя черти носили? Ты должна была закончить в десять, а сейчас уже почти полночь. Я слышал, как ты сегодня утром по телефону строила планы; неужели ты действительно думала, что можешь вот так просто уйти?

Энни вспомнила телефонный разговор с Беном. Она строила планы, но только на то, чтобы остаться на ферме и присматривать за его животными, пока он будет в отъезде. Он снова спросил её, не хочет ли она комнату насовсем. Сегодня утром она посмеялась над его предложением, не зная, что ответить после того, как он сказал, что ей пора расстаться с придурком, за которого она вышла замуж: «я вижу выражение твоих глаз, Энни, не говоря уже о синяках под этими длинными рукавами, которые ты носишь в жаркий день». Эти слова крутились у неё в голове весь день. Он знал, её брат знал, что Майк избивает её.

Внезапно Энни нашла в себе силы сказать мужу, что уходит.

— Ты думаешь, я была в пабе и напивалась, или ты думаешь, что я упорно работаю, зарабатывая деньги для того, чтобы ты пошел и напивался? Мы расходимся Майк, с меня довольно. На самом деле, я не могу вспомнить время, когда мне было хорошо с тобой. Все кончено. — Она тут же пожалела о своих словах и поняла, что то, что сейчас произойдет, причинит ей боль.

Гнев на его лице сменился яростью. Шагнув к ней, он отвел кулак и с силой ударил её в живот. Энни согнулась пополам, задыхаясь. Майк был грязным бойцом. Глаза её наполнились слезами, она пыталась дышать, но чувство унижения начало жечь грудь, и понимание, что она больше не станет терпеть, сильно ей помогло, заставив выпрямиться.

Она сжала пальцы в кулак и ударила его прямо в нос. Хруст хрящей под костяшками пальцев доставил ей самое глубокое удовлетворение, какое она когда-либо испытывала. Теплая кровь, которая полилась из его носа, добавляла огня, который горел в её руке, но Энни было все равно, она могла справиться с этим. Впервые за много лет она не могла перестать улыбаться, потому что дала ему попробовать его собственное лекарство: это потрясающе. Повернувшись, чтобы выйти из комнаты и оставить его одного, она взялась за ручку. Внезапно воздух позади неё прорезал свистящий звук, и пустая бутылка из-под шампанского, которую она хранила со дня их свадьбы, стала тем, что навсегда положило конец их браку. После того как он ударил её по затылку, заставив замереть на месте, она рухнула на пол.

Энни не могла сказать с уверенностью, что произошло потом, но Майк, должно быть, вышел за дверь, потому что она осталась лежать без сознания, в луже крови, растекшейся по чистому кафелю. Позже Кав рассказал ей, что, выйдя из ресторана, заметил её сумочку на полу машины. Зная, как беспомощны женщины без них, он развернулся и поехал назад, чтобы отвезти её к ней домой. Он подошел к задней двери, потому что в кухне горел свет. Дверь была приоткрыта, а ручка вся в крови. Он заглянул в щель и был потрясен, увидев безжизненную фигуру Энни, лежащую на полу.

Следующее, что она помнила, было пробуждение от запахов и звуков в скорой помощи. Нет ничего лучше, чем двадцать шесть швов и множество синяков, чтобы заставить вас понять, что ваш брак закончился: Энни больше не хотела иметь ничего общего с Майком.

Она подумала о Бене и о том, как он будет огорчен, если узнает, что произошло. Она вспомнила, как он попросил её посидеть с собакой и делал вид, что нуждается в её помощи, хотя на самом деле все было совсем наоборот: он предлагал ей шанс сбежать, и это хорошо, потому что теперь она нуждалась в этом. Пути назад нет.

Хуже всего то, что теперь её тайна стала достоянием общественности, и стыд горел в её груди, добавляясь к боли и тошноте, которые она уже чувствовала. Увидев, что Джейк направляется к её кровати, она крепко зажмурилась. Вслед за ним вошел доктор.

— С ней все в порядке, док? Я имею в виду, что у неё не поврежден мозг или что-то в этом роде?

Если бы Энни могла пошевелиться, она бы съежилась. Джейк слишком много смотрел телевизор. Потом он спросит, будет ли она жить, к счастью, он этого не сделал. Она лежала там, ожидая, когда они все оставят её в покое.

В какой-то момент появился Кав, потому что она услышала его глубокий голос, шепчущий Джейку:

— Не могу поверить, что она была замужем за таким чертовым придурком. — Его ботинки закрипели по полированному полу, когда он подошел ближе. — Энни, ты слышишь? Не игнорируй меня. Нам нужно поговорить.

— Да, сержант, — прошептала она.

— Можешь бросить это дерьмо с «сержантом». Как поживаешь, малышка? — Джейк маячил на заднем плане, и Кав повернулся к нему. — Ты можешь пойти и найти себе какое-нибудь полезное занятие, Джейк? Я не откажусь от чая с двумя кусочками сахара.

Энни знала, что Джейк обидится, но он повернулся, чтобы пойти куда-нибудь и найти кафешку: знал, что лучше не спорить с Кавом.

Когда Джейк оказался вне пределов слышимости, Кав понизил голос:

— Мне нужно, чтобы ты рассказала мне, что именно произошло. Я не буду сплетничать, как наш друг Джейк, но хочу знать все от начала до конца.

Она улыбнулась ему, что, в свою очередь, заставило её поморщиться от боли.

— Ну что тут можно сказать. Вы знаете, тех женщин, которые остаются со своими партнерами, даже если их избивают до потери сознания без всякой причины, тех, кого мы все ругаем, говоря, какие они глупые, и они в конечном итоге умирают? Ну, это я, настоящая Энни Грэм — глупая идиотка, которая оказалась не умнее всех остальных. — Она смотрела, как его огромные кулаки сжались в тугие кулаки.

— Прости, Энни, я понятия не имел. Надеюсь, я окажусь тем офицером, который его арестует, потому что намерен выказать ему все уважение, что он заслуживает.

— Спасибо. Уверена, ты это сделаешь, но знаешь, на этот раз мне удалось ответить. Думаю, что, возможно, сломала ему нос.

Кав расхохотался так громко, что все присутствующие поблизости обернулись в их сторону. Это было настолько неуместно, что они оба рассмеялись еще больше.

— Вот это моя девочка. Может быть, ты хочешь, чтобы я с кем-нибудь связался?

Энни отказалась, не желая, чтобы кто-нибудь, кроме неё, узнал о случившемся. На самом деле она предпочла бы, чтобы никто на работе не знал об этом. Кав кивнул, нежно обхватил её левую руку, которая не была опухшей, и сжал её.

Из-за угла появился Джейк с двумя пластиковыми стаканчиками, наполненными дымящейся жидкостью.

— Черт возьми, через минуту мне понадобится эта кровать, у меня ожоги третьей степени.

Кав заглянул в пластиковый стаканчик.

— Что это за гадость? Только не говори мне, что это чай. — Он взял стакан у Джейка, подул и отхлебнул. — Вам повезло, констебль. На вкус он лучше, чем на вид.

Джейк протянул второй стаканчик Энни.

— Горячего шоколада?

Проходившая мимо медсестра остановилась перед кроватью и отодвинула занавеску в сторону.

— Извини, милый, она ничего не берет в рот, пока консультант не решит, нужно ли ему оперировать её руку.

Оба мужчины посмотрели друг на друга, и Джейк прошептал:

— Я рад, что ты ударила не меня.

Подожли три врача, и Кав встал.

— Ты знаешь, где меня искать, если я тебе понадобится. — Он наклонился и поцеловал единственное место на её лбу, которое не было покрыто засохшей кровью. — Кав повернулся к Джейку. — Пойдем, поможешь в поисках этого придурка. Ему нужен жесткий урок этикета.

Джейк захлопал в ладоши, как большой ребенок.

— Вот теперь вы дело говорите, сержант. — Он послал Энни воздушный поцелуй. — Я тебя очень люблю, но не буду целовать со всей этой засохшей кровью и мозговым соком, разбрызганным повсюду.

Кав просунул руку сквозь занавеску, и вытащила Джейка за плечо. Энни закрыла глаза, когда доктор взял её руку, чтобы снова осмотреть.

Раздавшаяся ругань вывела Энни из воспоминаний, когда она вышла прямо на Джейка, который энергично потирал руку.

Он посмотрел на неё.

— Эта чертова крапива повсюду. О, посмотри на себя, мисс Длинный Нос, не смогла усидеть без дела или просто уже соскучилась? Не могу поверить, что тебя не пугает мысль жить здесь в одиночестве. Мне страшно, а сейчас еще день.

— Просто напомни мне, почему ты захотел стать полицейским? Перестань тереть руку и поищи листик щавеля, он уберет жжение.

— Я же тебе объяснял: мне нужны наручники, а я не могу устоять перед мужчиной в форме. Послушай, мне, правда, жаль, что смутил тебя раньше. Совсем этого не хотел. Но я испытал такой шок, увидев рану на твоём затылке. Я и понятия не имел. — Он обнял её, и Энни ответила ему тем же. — О, и я заметила, как ты смотрела на Уилла. Ты ведь приглядывалась к нему? Сколько баллов из десяти ты бы ему дала? Я бы дал семерку, а может, и восьмерку? Единственный человек, которому я когда-либо давал больше восьми, был тот добровольный помощник полиции с обесцвеченными светлыми волосами, который присоединился к нам в прошлом году. Я был чрезвычайно разочарован, он пробыл у нас всего месяц. Не то чтобы я когда-нибудь изменял Алексу, но приятно иметь хоть кого-то, кроме кучки волосатых потных копов, на кого можно смотреть.

— Ты отвратителен, Джейк. Я не приглядывалась. Ну, может быть, немного. Во всяком

случае, я знаю, что ему нравятся только девушки-супермодели, а я, боюсь, далеко не супермодель.

— Ты ошибаешься, Энни. Почему ты себя так не ценишь? Если бы мне не нравились мускулистые богатые мужчины, я бы трахнул тебя, хотя ты и правда выглядишь очень страшно с выбритой половиной волос и огромным шрамом. Наверное, это было бы все равно, что трахаться с Невестой Франкенштейна.

Она поперхнулась.

— Что ж, спасибо, Джейк, приятно слышать. Я прямо почувствовала себя намного лучше.

Уилл подошел к ним сзади, и Энни отстранилась от Джейка. Бросив на него свирепый взгляд, она ударила его кулаком по руке.

— Есть что-нибудь?

— Здесь нет ничего, кроме этой крапивы. Никаких признаков того, что здесь кто-то есть, Уилл.

Энни пошла прочь.

— Увидимся позже. Если вы хотите выпить кофе или где-нибудь передохнуть, можете вернуться в дом. Я обещаю, что на этот раз действительно впусти вас.

— Спасибо. Возможно, придется принять твоё предложение. Меня трясёт от явного недостатка кофеина.

Джейк закатил глаза и одними губами произнес: «Флирт». Энни высунула язык, затем повернулась и оставила их одних.

Глава 5

Он не мог перестать думать о девушке. Снова и снова прокручивал случившееся в голове. Неужели он действительно привел её в большой дом и перерезал горло? Он чувствовал себя так, словно все произошедшее было сном, и с трудом отличал свою реальную жизнь от фантазий. Как он превратился в хладнокровного убийцу?

Он порылся на дне шкафа, пока не нашел свой рюкзак. Положив его на кровать, он с трудом расстегнул молнию, потому что его руки были скользкими от пота, и ему приходилось придерживать её, чтобы открыть. Там, на дне сумки, лежал шарф, подаренный ему матерью на прошлое Рождество, который добавился к десяти другим, имевшимся в его гардеробе. Вытащил его и раскатал на кровати, пока не появился нож, и он резко вдохнул. Длинное тонкое лезвие было покрыто пятнами темно-коричневой засохшей крови.

Судя по потертой, потрескавшейся деревянной рукоятке, это был очень старый нож. Трудно представить себе, что этот нож когда-либо использовался для чего-то другого, кроме как для деликатного разрезания чистой белой кожи. Он порылся в маленьком кармашке на молнии в передней части рюкзака и нащупал золотую цепочку между пальцами. Вытащил её и поднес к свету. Он снял цепочку с шеи Дженны как раз перед тем, как перерезать ей горло: маленькая память о ней.

Он снял с полки жестяную коробку и вынул фотографии. В основном это были фотографии слуг, но имелась одна фотография лорда и леди Хитон и их сына Эдварда. Именно эта фотография так очаровала его; его тянуло к Эдварду, и он часами смотрел на него. Он выглядел таким отчужденным; между ним и его родителями было довольно большое расстояние. В молодом человеке проскальзывало что-то настолько притягательное, что он начал регулярно появляться в его снах.

В тот первый раз, когда посмотрел на фотографии, он узнал огромный особняк на

заднем плане, и почувствовал, что должен узнать больше об этом мужчине. Он провел очень приятный день в библиотеке, просматривая архивы, исследуя семью, и все это время чувствовал, что между ним и Эдвардом существует какая-то связь, которая становится все крепче.

Он был уверен, что должен найти способ открыть одну из дверей особняка и войти внутрь, поэтому пошел туда одним сырым, несчастным утром, дождавшись, когда вокруг не будет так много гуляющих с собаками. Обошел здание по периметру, пробуя каждую дверь, и ему хотелось плакать, от того что все они оказались плотно заперты. Потом он задумался, оставляли ли хозяева когда-нибудь запасной ключ, как это делала его мать: она оставляла свой под горшком с растениями. Он начал осматривать местность, все горшки и кашпо давно исчезли, но за домом, рядом с маленькой дверью, была заросшая альпийская горка. Следующие десять минут он провел в поту, поднимая и двигая камни, и ахнул, увидев ржавый кусок металла, почти погребенный под одним из камней, с торчащим наружу кончиком. Он смахнул мокрицу, зарылся пальцами во влажную землю и вытащил старый ржавый ключ. Он не смел дышать, боясь, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Вытерев ключ о штанину, он подошел к двери и вставил его в замок; удовольствие, которое он испытал, когда ключ повернулся, нельзя описать. Он должен был оказаться здесь. У него имелась причина купить эту жестяную коробку: он чувствовал себя связанным с Эдвардом Хитоном больше, чем когда-либо в своей жизни.

У меня в руках оказался настоящий раритет, какой-нибудь идиот заплатит тысячи за этот нож. Но теперь он не расстанется с ним ни за какие деньги, потому что тот стал частью его самого, и ему еще предстояло сделать так много работы, которая, как он знал, не была закончена более ста лет назад. Он завернул нож обратно и спрятал рюкзак в глубине шкафа, накрыв сверху одеялом, потому что если мать найдет его, то через несколько секунд позвонит в полицию. То, что он её сын, не имело значения; от неё не стоит ожидать никакой преданности. Потом он поцеловал золотую цепочку, положил её в жестяную коробку рядом с портретом Эдварда и поставил обратно на полку. Сейчас ему нужно успокоиться, подождать, пока утихнет вся эта суета. Он знал, что это займет некоторое время, потому что пропавшие девочки были большой новостью в этом маленьком городке.

Сев в кресло, он выглянул в окно спальни, из которого мог видеть оживленную улицу. Ему нравилось наблюдать за людьми, входящими и выходящими из газетных киосков через дорогу. Примерно до семи часов там будет постоянный поток машин, а затем он замедлится до тонкой струйки и станет спокойно. Если бы только они все знали, что он наблюдает за ними и что, если решит что-то предпринять, они обязательно узнают об этом. Он чувствовал себя непобедимым.

Молодой парень, который взял на себя управление магазинчиком своего дедушки, вышел, чтобы разместить сегодняшние листовки на рекламном щите для вечерней газеты. Он уставился на заголовок: «Пропала местная девушка». Они могли искать везде, где хотели. Он очень сомневался, что они найдут её. Даже если они обыщут особняк, им не найти маленькую комнату в подвале, скрытую ото всех еще с 1900-х годов, и никто, кроме него, не знал о её существовании.

Свет быстро угасал, непрерывная морось после грозы делала лес коварным, и Уилл решил, что на сегодня хватит. Если девушка и находилась здесь, её стоило искать в глубине деревьев и кустов, а посылать туда людей сейчас слишком опасно. Аббатство окружали поля,

которые тянулись на несколько миль в каждом направлении. К тому же не прислали ни одного кинолога, потому что в Уоркингтоне большой рейд по наркотикам, так что, другими словами, на сегодня продолжение поисков выглядело довольно безнадежно. В этом районе не имелось никакого видеонаблюдения, за исключением одной маленькой камеры на углу дома в нижней части дорожки, которая вела к лесу. Уилл сомневался, что на ней вообще что-нибудь обнаружится; на камерах никогда не оказывалось ничего стоящего для расследования, когда вы действительно нуждались в этом. Он был расстроен. Кругом тупики. Несколько дорог вели из этого района, что позволяло добраться до любой из деревень или городков, которые находились в нескольких минутах ходьбы. Дженна Уайт может быть где угодно. Уилл надеялся, что она в безопасности и проводит время где-то по своей воле, но интуиция подсказывала ему другое, и он чувствовал, что они найдут труп, если им так повезет.

Он связался со старшим инспектором пару часов назад. Тот не хотел вызывать воздушную поддержку для поиска пропавшей девушки-подростка, которая ушла из дома своими собственными ногами: сокращение бюджета сильно сдерживало его в действиях. Уилл не мог винить старшего инспектора за это, и интуиции было недостаточно, чтобы убедить его в обратном, по крайней мере, до того, как собаки тщательно обыщут местность.

Он в последний раз обошел по периметру полуразрушенный особняк, дважды проверяя, не мог ли кто-нибудь проникнуть внутрь. Уилл обнаружил, что стоит на верхней ступеньке перед входной дверью и дрожит от вида медного дверного молотка: это была самая странная вещь, которую он когда-либо видел. Ему все еще хотелось заглянуть внутрь. Если он этого не сделает, это желание будет мучить его до тех пор, пока он его не удовлетворит. Ну, по крайней мере, это даст ему повод вернуться и поговорить с Энни.

Уилл подошел к Джейку.

— Все на сегодня. Я пойду к Энни, спрошу, сможет ли она показать мне особняк.

Джейк присвистнул и подмигнул.

— Нарываешься, — прорычал Уилл.

— До встречи, детектив-сержант. Наслаждайся своим кофе.

Уилл ушел, раздосадованный намеками Джейка: временами тот вел себя как ребенок. Остальные члены поисковой группы направились по тропинке, которая должна вывести их обратно к машинам, припаркованным у входа в лес. Но он пошел по тропинке, которая сворачивала влево и вела к ферме. Уилл знал, что им не терпится покинуть лес до наступления темноты, как собственно и ему самому, но хотелось снова увидеть Энни. Она должно быть очень храбрая, раз живет здесь одна; он сомневался, что смог бы так.

Он достал телефон и попытался позвонить в офис, чтобы узнать, есть ли у Лоры какие-нибудь новости для него. Уилл оставил её дежурить на телефоне и обзванивать список друзей Дженны, которых не было дома, когда офицеры звонили ранее. Никакого сигнала: это место просто чертов кошмар. Идя по узкой тропинке, ведущей к ферме, он почувствовал, как у него на затылке зашевелились волоски: кто-то наблюдал за ним. Он повернулся и посмотрел на деревья, но никого не увидел. Почему он так нервничает? Громкий лай эхом прокатился по деревьям, и большая черная собака бросилась к нему.

— Тесс! — Собака остановилась, повернулась и побежала обратно к Энни, которая стояла у калитки.

— Еще раз здравствуйте, извините за беспокойство, но мне нужна ваша помощь.

— А где Джейк?

— Здоровяк вернулся в участок, потому что боится оставаться здесь в темноте.

Энни рассмеялась.

— Он такой слабак. Чем я могу вам помочь, Уилл?

Уилл подумал, что Джейк, вероятно, прав, потому что не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают: и ему это не нравилось.

— Вы ведь сказали, что у вас есть ключ от особняка?

— Да, хотите его осмотреть?

— Просто думаю, что нам нужно проверить все варианты. Знаю, что она никак не могла войти, но мне все равно нужно убедиться, и, кроме того, я всегда хотел войти внутрь, но дом был заколочен, сколько себя помню.

— Конечно, но я бы не советовала идти туда сегодня вечером. Особняк на ладан дышит, и в темноте там будет опасно. Как уже говорила, я ничего там не увидела, когда заходила в него раньше.

Уилла пробила дрожь, когда температура уменьшилась вместе с остальной частью дневного света.

— Нет, завтра будет нормально. Какое время вам подходит?

— Я встаю ни свет, ни заря, так что приходите, как только начнете работать. Но вам понадобится старая одежда, а не модные костюмы и итальянские мокасины.

Уилл притворился обиженным.

— Вам не нравятся мои дизайнерские костюмы от «Теско» и туфли от «Маталан»? Что не так с ними?

Энни хихикнула, и ему понравилось, как смех стер маску беспокойства на её лице, которую она носила с тех пор, как он впервые увидел её сегодня.

— Все так. Они очень милые, но вы же не хотите их испортить, правда?

Он пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Может кофе?

Он ответил ей, что будет очень рад, и она открыла калитку. Тесс, которая решила, что с Уиллом все в порядке, бегала вокруг, чуть не сбивая его с ног.

— Она ведет себя дружелюбно или намеренно пытается сломать мне шею?

— И то и другое. Она просто прелестная заноза в заднице.

Уилл наклонился, чтобы почесать её за ушами, и она плюхнулась на живот.

— О, я вижу, ты одна из них? Одна ласка — и ты принадлежишь кому угодно?

— Как и её владелец.

Выражение притворного ужаса на лице Уилла вскоре вернуло румянец на щеки Энни, и она пробормотала, заикаясь:

— Я имела в виду своего брата.

— О, как жаль, я мог бы хорошенько почесать тебя между ушей.

Энни рассмеялась. Чувство юмора с каждой минутой делало его все более привлекательным: Майк всегда был такой угрюмый. Уилл последовал за ней на кухню.

— Чай, кофе или, если ты уже закончил, бокал вина?

— После сегодняшнего дня, вино подошло бы лучше всего, но я лучше остановлюсь на кофе. Мне все еще нужно вернуться, обновить отчет о пропавшей девушке и просмотреть все, что у нас есть до сих пор, а это не так уж много.

Энни занялась приготовлением свежего кофе, надеясь, что разочарование не отразится на её лице. «Конечно, он не может пить вино на службе, идиотка. Ты лучше всех должна это

знать». На какое-то мгновение она представила, как они вдвоем напиваются. Она бы все отдала, лишь бы не остаться сегодня ночью одной.

— Я бы с удовольствием зашел в другой раз, когда не буду работать, если предложение останется еще в силе.

— В любое время, когда будешь рядом. Или будешь проходить мимо. Не знаю, как долго я здесь пробуду, но, по крайней мере, ближайшие два месяца.

Они пили кофе и болтали о работе и Джейке. Когда Уилл встал, чтобы попрощаться, на улице было уже совсем темно.

— Спасибо, Энни, мне было очень приятно. Мне повернуть налево в конце этой дорожки? Я никогда не ходил здесь в темноте и не хочу заблудиться. Я этого не переживу точно.

Энни не была уверена, шутит ли он или просто так же напуган, как Джейк, но был слишком мужествен, чтобы признаться в этом.

— Если хочешь, я могу подвезти тебя до машины. Мне нужно заскочить в магазины.

— Это было бы здорово, я буду крайне признателен.

Уилл забрался в её «Мини» с гораздо большей грацией, чем она ожидала. Она ехала по узкой дорожке и чуть не столкнулась с выгульщиком собак, который был одет во все темное, и на нем не было ничего даже отдаленно отражающегося, кроме ручки собачьего поводка.

— Черт! Кто в здравом уме захочет выгуливать здесь собаку в такое время ночи?

— О, ты будешь удивлен. Здесь постоянно есть люди. Обычно в лес приезжают подростки, но есть и ярые любители выгула собак. Хотя этот оказался опасно близко. Я никогда не видел его собаку и надеюсь, что не задавила её.

— Думаю, мы бы почувствовали удар о машину, если, конечно, это не чихуахуа.

Она остановилась перед старыми деревянными воротами, и Уилл предложил открыть их.

— Все в порядке, но спасибо, замок такой хитрый, что мне потребовалось два года, чтобы привыкнуть к нему. Ты всегда такой джентльмен?

— О да, ты бы видела... — Он замолчал на полуслове, и Энни ухмыльнулась: Уилл понятия не имел, как сильно ей хотелось бы на это посмотреть.

Выйдя из машины, она повозилась с замком, открыла ворота, затем села обратно и проехала небольшое расстояние по дороге до красного «Форда-Фокуса» — типичной полицейской машины без опознавательных знаков. Единственная проблема заключалась в том, что каждый преступник в Барроу знал, что это полицейские машины, поэтому технически отсутствие знаков принадлежности к полиции не играло никакой роли.

— Спасибо, Энни, за кофе. Я прихожу на работу в восемь, разберусь со всеми делами и около девяти буду здесь. Если Дженна не придет домой, но я дам тебе знать, если она все-таки объявится.

«Почему я ведет себя как идиотка? Прошло всего десять дней с тех пор, как Майк чуть не убил её, и пришел конец их двенадцатилетнему браку». Она не любила его, по крайней мере последние пять лет, и провела больше времени, ненавидя его, чем когда-либо любила. Разум говорил Энни держаться подальше от Уилла, но в её животе начинали порхать бабочки всякий раз, когда она думала о нем.

Он выругался, но машина проехала слишком быстро, чтобы обратить на него внимание. Отличной идеей было захватить с собой поводок для собаки. Прочитав заголовки на

рекламном щите, он никак не мог успокоиться. Таксист, живший по соседству, сказал его матери, что аббатство оцеплено и там работают поисковые группы. Он был так осторожен, как они могли узнать, где искать? Меньше всего ему хотелось привлечь внимание к старому особняку, но нужно было убедиться, что все в порядке. И кто именно ехал по этой дороге в темноте, когда ворота внизу были заперты. Он знал, что владелец фермы уехал из страны, это сказал друг его матери в спиритической церкви на прошлой неделе. А еще насколько он знал, полиция не ездила на «Мини-Куперах». Кто-то, должно быть, присматривает за этим местом.

Ему нужно проверить ферму. Это даже не пришло ему в голову прошлой ночью, когда он привел девушку сюда, в дом. Его мог увидеть кто угодно. Он думал, что у него все под контролем. Это станет для него важным уроком: есть миллион и один способ все испортить. Тем не менее, ни один полицейский не постучал в его дверь, и, если бы они нашли её тело, это место все еще кишело бы народом.

Он пошел по тропинке, которая вела к дому. Из окна нижнего этажа сквозь деревья пробивался свет. Может быть, они были на таймере: вы не станете уезжать за границу и оставлять свет в каждой комнате в доме включенным. Подойдя поближе, он перелез через калитку на случай, если та вдруг начнет скрипеть. Держась поближе к дому, он добрался до освещенной комнаты и заглянул в окно. На столе стояли две кружки, а в углу спала черная собака. На стуле лежала женская сумочка: кто бы это ни был, он должен вернуться. Он окинул взглядом разнообразные амбары и хозяйственные постройки. Он не мог просто уйти. Пока не узнает, кто здесь остановился. В одном из сараев была приоткрыта дверь, поэтому он подошел и толкнул её носком ботинка. Запах сена ударил в нос, и ему пришлось поднести руку к лицу, чтобы не чихнуть. Он вытащил из стога охапку сена и подтащил её к маленькому окошку с небольшой трещинкой на грязном стекле: оттуда открывался прекрасный вид на двор и кухонную дверь. Если ему повезет, они воспользуются этим главным путем, чтобы войти и выйти. Он был уверен, что, кто бы это ни был, у него нет причин приходить в сарай в такое время ночи, а если бы кто-нибудь пришел, он сказал бы, что бездомный и просто воспользовался сараем в качестве ночлега на ночь.

Глава 6

В «Теско» было пусто. Энни не всегда удавалось походить по магазинам без помех, что вносило свои коррективы в её жизнь. Одной из причин, по которой она не любила свою работу, было то, что все, кто жил в центре города, знали её как в форме, так и без неё. Чаще всего, когда она ходила за продуктами, её останавливали и рассказывали истории о том, что замышляет сосед, или спрашивали, не может ли она что-нибудь сделать с этими придурками через дорогу.

Она наполнила тележку пиццей, салатом, пастой, шоколадом и вином. Она даже захватила пачку бритв. Пора брить ноги. Просто никогда не знаешь наверняка. Энни посмотрела на свою тележку, это было совсем не то, что ходить по магазинам с Майком, и ей это понравилось.

На стойке рядом с кассой лежал единственный потрепанный экземпляр местной газеты. На первой странице напечатали фотографию пропавшей девушки, которая смотрела на неё. Дрожа всем телом, Энни надеялась, что бедняжка не лежит мертвой где-нибудь поблизости от фермы.

Её возвращение домой прошло без приключений. Она, не раздумывая вышла из машины, чтобы открыть ворота. Обычно она чувствовала себя немного испуганной, потому что в это

время здесь слишком одиноко и темно, и в народе гуляло слишком много историй о призрачных монахах, которые бродили по этому месту. Сегодня её слишком поглотили мысли об Уилле. Ей очень хотелось позвонить Джейку и осторожно попытаться выяснить, не говорил ли Уилл что-нибудь о ней, но он сначала догадается, что она задумала, а потом скажет Уиллу: Джейк не мог держать рот на замке.

Энни припарковалась и схватила пакеты с покупками из багажника машины; бутылки с вином столкнулись друг друга. Открыв калитку, она почувствовала, что за ней наблюдают, и ей снова стало не по себе. С тех самых пор, как она вошла в особняк, это чувство маячило где-то на задворках её сознания. Она никогда не испытывала ничего подобного. Войдя в кухню, она заперла дверь и бросила пакеты с покупками на стол, её руки дрожали.

— Я схожу с ума, Тесс, и превращаюсь в алкоголика, но ты ведь не возражаешь, правда? Это будет наш маленький секрет.

Она взяла наполовину полную бутылку вина и свой бокал, а затем отправилась в уютную гостиную смотреть телевизор: все, что угодно, лишь бы занять свои мысли. Ей нужно что-то смешное. Энни искала по всем каналам, пока не наткнулась на повтор «Дуракам везет». Ничто так не вызывает улыбку, как выходки Дерека «Дэла», Родни и коробки с надувными куклами.

Стоя спиной к окну, Энни не видела, как черная фигура выскользнула из сарая и скрылась в лесу. Тесс зарычала на кухне, она знала, что там кто-то есть.

Уилл вернулся в полицейский участок, и на этот раз там оказалось полно народу, совсем не так, как с утра. Сегодня все складывалась не так как прежде. Обычно в это время здесь было тихо, пара офицеров и констебль службы поддержки. Все остальные в патруле, ожидая бесконечных вызовов. Он часто думал, как жаль, что налогоплательщики так мало знают о мире полиции. Большинство звонков в полицию были абсолютной чепухой: сообщения о том, что дети шумят в парке или играют в футбол на улице. Это сводило Уилла с ума. Актный зал был полон; офицеры ночной смены слонялись вокруг, ожидая начала девятичасового инструктажа. Он подошел к комнате отдыха и заглянул внутрь, кивнув двум полицейским, Клэр и Салли, которые были там.

— Добрый вечер, дамы, кто-нибудь может сделать кофе? — Он одарил их своей лучшей улыбкой, и они улыбнулись в ответ.

— Мы могли бы. Чем расплатишься?

Он ломал голову в поисках какой-нибудь пикантной сплетни в обмен на кофе.

— О, я знаю, вы слышали о проделках в группе ночной смены? Не хотите ли узнать, кто, в конце концов, вернулся в дом некоего сержанта, чтобы забрать ключи от машины с тарелки?

Обе женщины одновременно встали и направились к чайнику.

— Крепкий, с двумя кусочка сахара, пожалуйста. — Он вышел и быстро зашагал по лабиринту коридоров к своему кабинету, широко улыбаясь. Он знал, что они не смогут устоять. Меньше чем через пять минут они будут там, с дымящейся кружкой кофе и широкими улыбками.

Уилл устал. День выдался длинный, и как только он доложит дежурному инспектору, то сразу же отправится домой выпить чего-нибудь покрепче кофе. Как по команде дверь открылась, и они вошли. Клэр поставила кружку на стол.

— Ладно, Уилл, выкладывай все начистоту. Мы хотим знать все до мельчайших

подробностей.

Он сделал эффектную паузу.

— Ну, мне сообщили из очень надежного источника, что Рис и Дина из опеки встречались и в итоге отправились к сержанту опеки — не будем называть никаких имен, но Джек ускользает от моих губ — в дом с некой блондинкой-офицером, у которой мелодичный шотландский акцент, чтобы провести время вместе.

— О боже, ты нас разыгрываешь? — Салли взвизгнула, прежде чем они обе рухнули в приступе хихиканья.

Клэр повернулась к Салли, которая смеялась так сильно, что ей пришлось держаться за бок.

— Нам действительно стоит пойти куда-нибудь следующим вечером. Ты понимаешь, что мы упускаем?

Они обе послали ему воздушный поцелуй и повернулись, чтобы уйти.

— Спасибо за кофе, девочки.

— Не за что, дорогой. Спасибо за сплетни. — Клэр подмигнула ему, когда Салли потащила её в коридор. Их смех эхом разнесся по всему коридору, вызвав улыбку на его лице.

Когда полиция объявила, что будет сотрудничать с констеблями службы поддержки общин, многие офицеры не слишком хорошо это восприняли. Они были обеспокоены тем, что у них отнимут работу, и оплата снизится, но на деле все оказалось совсем по-другому. Первая группа, прибывшая с тренировки в штаб-квартире, была как поток свежего воздуха, и Уилл подумал, что все очень удивились: он не сказал бы о них плохого слова. Они часто помогали сверх своего служебного долга, чего нельзя сказать о некоторых офицерах.

Он отхлебнул кофе и обновил отчет о пропавших людях, затем, усталый и голодный, отправился на поиски дежурного инспектора, чтобы сообщить последние новости. Поднявшись по лестнице, он позвонил в местный китайский ресторанчик, и девушка, ответившая на звонок, приняла его заказ — говяжий Чоу-мейн и чипсы с солью и перцем, не уточнив больше ничего, кроме его имени. В данный момент девушка, принимавшая заказы, знала его лучше, чем любая из трех его последних подружек. «Ты жалкий ублюдок, Уилл Эшворд».

Он думал об Энни и о том, что в ней так сильно на него подействовало. Он никогда прежде не обращал на неё внимания, но сегодня она выглядела такой уязвимой, и ему так сильно хотелось обнять её и сказать, что он её защитит. Возможно, пришло время начать вести себя соответственно возрасту. Большинство его школьных товарищей были женаты, некоторые даже дважды. У всех у них семьи, а у него что? Удивительный талант не держать свой член в штанах и лучший друг — гей. Он усмехнулся, потому что если бы он этого не сделал, то мог бы просто заплакать.

Энни никак не могла успокоиться. Тесс постоянно рычала на кого-то или что-то, чего она не могла видеть, и это её пугало. Она встала и прижалась лицом к стеклу, глядя в двор. Но было так темно, что она могла видеть только комнату позади себя, отраженную в стекле, и свое собственное лицо, которое едва узнала. Она выглядела такой бледной, а под глазами у неё огромные черные круги, не говоря уже о самой ужасной стрижке в мире. Она сморгнула набежавшие слезы и всхлипнула. «Перестань, Энни, твои волосы отрастут снова. Ты жива и свободна. Чего еще ты хочешь?»

Она хотела, оказаться в другой ситуации, в легких любовных отношениях. Ей никогда не нравилось быть одной, и она всегда была домоседкой. Когда она была моложе, клубы не были её коньком, как и свидания. Мысль о том, что придется начинать все сначала, наполнила её страхом. «Может стоит купить автозагар, сделать маникюр и посмотреть, сможет ли парикмахер сделать что-нибудь с тем, что осталось от моих волос. Устроить себе день релакса и привести себя в порядок. Пора перестать быть жертвой и начать жить».

Энни снова наполнила свой бокал вином, надеясь, что алкоголь успокоит её, и пошла на кухню кормить Тесс. Она посмотрела на стол и лежащий на нем дневник. Её телефон зазвонил, и она не сдвинулась ни на дюйм, боясь потерять сигнал.

— Ну и чего же он хотел, когда вы были наедине?

Она решила не доставлять Джейку ни малейшего удовольствия.

— Он был очень мил и попросил меня показать ему старый особняк. Больше ничего. — Энни не сказала ему, что Уилл вернется утром. Она подумала об Уилле и его светлых волосах песочного цвета — таких мягких, что хочется провести по ним пальцами — и ярко-голубых глазах, возле которых собирались морщинки, когда он улыбался, и какая у него улыбка: идеальные белые зубы. Затем подумала о себе: невысокая, на двадцать шесть фунтов больше своего идеального веса, её некогда пышные черные волосы выбриты, оголяя рану, которой мог бы гордиться боец в клетке. Да, она и Уилл стали бы настолько чудесной парой, что она рассмеялась.

— Что тут смешного? Ты так подло держишь меня в напряжении. Но, честно говоря, я звонил тебе, чтобы дать очень хороший совет от дяди Джейка.

— Что еще за дядя Джейк?

— Не связывайся с ним, я имею в виду, с Уиллом. Ты же знаешь, какая у него репутация, и я не хочу, чтобы ты снова пострадала так скоро. Он мой друг и все такое, но я никогда не доверю ему свою сестру или даже мать, если уж на, то пошло.

— Спасибо за совет. Я иду спать, так что, пожалуйста, перестань меня доставать. Передай привет Алексу. — Она положила трубку и взяла дневник. — А ты, Элис? Тебе когда-нибудь нравился кто-то не из твоей лиги?

Легкий ветерок обдул затылок Энни, заставляя волосы встать дыбом. Если бы она не знала наверняка, то сказала бы, что кто-то стоит у неё за спиной. Она почувствовала, как у неё задрожали ноги.

«О боже, что со мной происходит? Пожалуйста, оставьте меня в покое». Боясь обернуться, она подняла глаза, пока они не оказались на одном уровне с окном, и посмотрела на свое отражение. Позади неё никого не было. Шепот холодного воздуха пронесся по её телу, заставляя каждый нерв покалывать, а затем исчез: в комнате стало легче дышать, и ей тоже. Энни вылила остатки вина в свой бокал и подняла его вверх.

— За тебя Элис, не знаю, что происходит и почему у меня такое чувство, что я в этом замешана, но думаю, ты, вероятно, была очень хорошим человеком, и надеюсь, что то, что ты пытаешься мне сказать, принесет тебе некоторое утешение. — Она допила вино и поморщилась. Что же все-таки происходит? Ей показалось или она столкнулась с призраком? Она хотела бы поговорить об этом с кем-нибудь, кто не поднял бы её на смех. Жаль, что все её друзья — копы.

31 октября 1887 года

Вчера Эдвард вернулся из Лондона. Он намного выше, чем я помню. Я закончила свои дела и сидела возле пианино, слушая, как леди Ханна играет новую музыкальную пьесу,

которую она выучила специально к его возвращению домой. Увидев меня со своей матерью, он вбежал в комнату и крепко обнял её, одновременно скорчив мне рожу за её спиной. Я не удержалась и показала ему язык, как рассерженный ребенок. Осознав собственную наглость, встала и поспешила из комнаты на кухню, боясь оглянуться, чтобы не встретиться с ним взглядом. Я хотела быть так далеко от него, насколько это возможно. Спросила кухарку, не нужна ли ей помощь, и она указала на раковину полную картошки. Она попросила меня почистить её, что я и сделала. Знаю, что она признательна за помощь, потому что она вечно стонет, что не может давать Милли вечные поблажки. В один прекрасный день я спрошу её, что именно она имеет в виду.

Все то время, что я провела с закатанными до локтей рукавами, чистя грязную картошку, я не могла перестать думать об Эдварде. Как бы он мне не пугал, должна признать, что он очень красив. Я уставилась на отражение, которое смотрело на меня из окна. Я все еще выгляжу как девчонка, хотя два дня назад кухарка заставила меня покраснеть, сказав, что я наконец-то начинаю округляться во всех нужных местах.

На прошлой неделе леди Ханна взяла меня с собой в город, чтобы купить подходящее нижнее белье и новую одежду, поскольку я выросла из всего, что у меня есть. Мы так весело проводили время вместе, и она была очень добра ко мне, и даже пригласила меня на обед в новый отель, который открылся на прошлой неделе. Она сказала, что его светлость обещал сводить её сам, но он так занят работой, что до сих пор не удосужился сделать это, так что наш поход должен остаться тайной, и я не должна говорить об этом никому из других слуг, потому что она не хотела, чтобы они расстроились или ревновали. Я поклялась ей, что никому не скажу, и мне было очень приятно, когда со мной обращались как с леди, а не как со служанкой.

Я очень люблю леди Ханну. Она даже начала учить меня играть на пианино. Однажды вечером на прошлой неделе, после того как его светлость удалился на покой, она выпила после ужина три стакана шерри. Она сказала мне, что мечтала о собственной дочери, но ей не суждено было родиться. Затем она сказала, что я для неё как дочь, которую она всегда хотела, но никогда не имела.

Громкий крик пронзил мои грезы. За этим последовал ужасный глухой удар. Я побежала за кухаркой из кухни в холл, откуда доносился шум, и был встречена самым ужасным зрелищем, которое я когда-либо видела. Леди Ханна лежала у подножия парадной лестницы, и из её затылка сочилась огромная лужа крови. На верхней площадке лестницы появился Эдвард.

«Мама!» — крикнул он и побежал вниз так быстро, что я испугалась, как бы он не упал и не приземлился рядом с ней.

Кухарка плакала в передник. Она велела мне сходить за доктором Смитом, но я не могла пошевелиться. Я чувствовала себя так, словно мои ноги приклеились к полу. Не могла оторвать взгляда от темно-красной крови, которая пачкала красивое белое платье леди Ханны; кровь окрашивала мягкий шелк в малиновый цвет. Эдвард склонился над своей матерью, рыдая.

«Элис!» — закричала кухарка.

Наконец я очнулась и побежала так быстро, как только могла. Я обернулась и увидела, что Эдвард смотрит на меня, и я могла бы поклясться, что он улыбается своей ужасной, злой улыбкой. Я побежала искать Альфи, который оседлал лошадь и каретку и повез меня сквозь суровую зимнюю ночь к дому доктора. К тому времени, как мы вернулись с

доктором, Эдвард и его светлость отнесли леди Ханну в её спальню. Я никогда не забуду огромную лужу крови, которая растеклась у подножия лестницы: я понятия не имела, что человек может так сильно истекать кровью.

Кухарка велела мне все убрать, пока его светлость не спустился вниз, а потом все погрузилось во тьму. Когда я открыла глаза, Эдвард нес меня на руках. Он сказал, что поймал меня как раз перед тем, как я упала на пол. Он отнес меня в ближайшую комнату, которая была библиотекой, и осторожно положил на кушетку. Мне было страшно находиться так близко к нему, но в то же время было приятно чувствовать его сильные руки, обнимающие меня. Я посмотрела в его глаза, и на этот раз они не казались такими черными, просто печальными. Я спросила его, как чувствует себя её светлость, и он ответил, что с ней доктор и его отец. Он говорил приглушенным голосом, не желая, чтобы кто-нибудь подслушал наш разговор. Он сказал мне, что рана очень серьезная. Доктор беспокоился из-за количества крови, которую леди Ханна потеряла, и сказал, что у неё была раздроблена часть черепа. Не было никакой возможности перевезти её в больницу, потому что это слишком опасно с её травмой головы.

Я начала безудержно рыдать и почувствовала, как Эдварда начал гладить мои волосы и промокать глаза платком; я была ошеломлена тем, что он утешал меня. Когда я пишу эти строки, начинаю понимать, что впервые видела его таким милым. Мне нравится этот добрый Эдвард, и мне еще больше нравилось чувствовать его руки, когда он гладил мои волосы.

Он встал, чтобы пойти к матери, а я не хотела, чтобы он оставлял меня одну, но он сделал это, и я продолжила рыдать. Я хотела пойти к ней, но слишком боюсь его светлости. Встала на дрожащие ноги и направилась к двери библиотеки. И тут я услышала, как его светлость зарычал во весь голос. Ужасный звук, полный боли и страдания, который эхом разнесся по большому залу. Я подняла глаза и увидела кухарку, бегущую по коридору; доктор спустился по лестнице и покачал головой. Тогда я понял, что леди Ханна, прекрасная, добрая женщина, умерла — ушла навсегда. Я закрыла дверь и в оцепенении поплелась обратно к кушетке. Лежа на спине, я плакала, пока не погрузилась в сон, в котором не было места ужасной правде.

Проснувшись я в темноте. Было так холодно. Огонь, который я зажгла раньше, погас до нескольких пылающих оранжевых угольков. В доме царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов в холле. Дрожая, встала, чтобы пойти в свою спальню. Выскользнула из библиотеки и побежала по коридору к лестнице для прислуги в задней части дома. Я слишком боялась выглянуть в коридор, чтобы не увидеть леди Ханну, лежащую на полу, измученную и истекающую кровью. Повернула за угол и завизжала, увидев Эдварда, сидящего на нижней ступеньке, он держал в руках что-то похожее на нож, но было так темно, что я не могла быть уверена.

Мое сердце бешено заколотилось. Мне не хотелось оставаться с ним наедине. Пробормотав извинения, я взбежала на два лестничных пролета, добралась до туалета для прислуги и заперла дверь. Мое заплаканное лицо смотрело на меня из маленького зеркала над раковиной, а глаза казались огромными от горя и страха. Я плеснула холодной водой в лицо и побежала в свою спальню.

Раздевшись, я надела ночную рубашку, которую леди Ханна совсем недавно купила для меня, и легла в свою ледяную постель. Я лежала, дрожа, и ждала, когда согреюсь. Через несколько минут тихий стук в дверь заставил мое сердце замереть.

«Элис, это я, Эдвард, пожалуйста, можно мне войти?»

Я была в ужасе, но взволнована. Не знала, что мне делать. Если бы Гарольд или кухарка застали Эдварда в моей комнате, у меня возникли бы большие неприятности. Прежде чем я успела ответить, дверная ручка начала поворачиваться, и он прокрался внутрь.

«Элис, ты еще не спишь?»

Я едва смогла прошептать «да», но все же сказала, и он закрыл за собой дверь. Подошел к тому месту, где я лежала, и сел на кровать рядом со мной: меня тошнило от страха. Я не хотела, чтобы Эдвард сидел рядом со мной, но не могла отослать его. Он поднял руку и начал гладить меня по волосам, и я почувствовала, что дрожу. Он выпил, потому что я чувствовала кислый запах виски в его дыхании. Я вырвалась из его рук, и тогда он ударил меня по лицу. Прежде чем я успела что-то сделать, он оказался на мне, его губы прижались к моим губам, а тело крепко придавило мое. Мне так стыдно за то, что произошло потом, что я даже не могу это описать, но знаю, что все неправильно, и так болезненно, что я плакала от боли. Когда Эдвард закончил, он встал и вышел из комнаты, даже не оглянувшись, а я рыдала, пока не уснула.

1 ноября 1887 года

Я проснулась рано и долго лежала в ванне. Даже после того, как стало холодно, я оставалась там. Оставалась до тех пор, пока Милли не забарабанила в дверь, требуя её впустить. Мне было больно, и я не знала, что с собой делать. Я хотела рассказать кому-нибудь о том, что произошло, потому что не знала, правильно это или нет.

Когда я вернулась в свою комнату, Эдвард стоял у окна, он повернулся ко мне со слезами на глазах и сказал, что искренне сожалеет и надеется, что не причинил мне слишком много боли прошлой ночью. Он выглядел таким печальным и несчастным, что я ничего не могла с собой поделать и сказала ему, что мне больно, но все не так уж плохо. Он взял меня за руку и упал на колени, моля о прощении. Он держал меня за ноги, его голова прижималась к моим бедрам, и мне было так жаль его, что я погладила его по волосам и сказала, что прощаю его. Когда он наконец встал, то обнял меня и поцеловал. На этот раз это было так нежно, что я не смогла удержаться и поцеловала его в ответ.

5 ноября 1887 года

Сегодня были похороны Леди Ханны, и они были очень печальны, потому что напомнили мне о похоронах моей матери. Гарольд сказал, что мы можем присутствовать в знак уважения. На самом деле мне этого не хотелось, но выбора не было. Я предпочла бы остаться в доме, чтобы убедиться, что все готово для скорбящих гостей. Все слуги выстроились в задней части церкви, подальше от важных персон. Я все плакала и плакала. Эдвард стоял впереди, рядом с его светлостью, склонив голову. Я была зажата между кухаркой и Альфи в середине прохода, откуда мне был виден гроб и Эдвард.

Каждый раз, когда вижу его, у меня мурашки бегут по коже, и я до сих пор не знаю, что он заставляет меня чувствовать — ужас или страсть. Альфи ерзал на протяжении всей службы. Я была так расстроена, что он обнял меня за плечи, пытаясь хоть как-то утешить. Это был единственный раз, когда я увидела, как Эдвард поднял глаза от земли. Он повернулся и посмотрел на Альфи. Глаза Эдварда потемнели еще больше, и он выглядел таким сердитым, что мне стало жаль бедного Альфи. Я отстранилась, чтобы не навлечь на него неприятностей.

После похорон в дом пришло много скорбящих, и я провела остаток дня, бегая вокруг,

подавая им напитки и еду. Кухарка сказала, что ничто так не возбуждает аппетит, как похороны, и оказалась права. Пришедшие на поминки, буквально заполнили дом его светлостью, выпивая и съедая все что подавалось. К тому времени, как ушел последний, я была совершенно измотана. Мои бедные ноги болели, а глаза щипало от слез и огромных облаков сигарного дыма, которые превратили дом в дымку.

Его светлость был в гостиной и очень пьян. Я смотрела, как Эдвард и Гарольд тащат его в комнату. Он привык спать в одной из гостевых комнат. Он сказал Гарольду, что больше не может находиться в комнате, где умерла его любимая жена, потому что она забрала его душу, когда ушла, и теперь он всего лишь пустая оболочка.

Все отправились спать, кроме меня и Эдварда, который застал меня сидящей за пианино, отдыхающей и размышляющей о леди Ханне. Он стоял передо мной, и я не могла не думать о том, как он красив в своем горе, и тогда мне стало ужасно от таких мыслей.

Он притянул меня к себе и поцеловал со страстью; жар его тела оказался так силен, что я испугалась, как бы мы не загорелись. Знаю, что то, что мы делаем, неправильно, и прекрасно понимаю, что ничего хорошего из этого не выйдет, но я так сильно хотела его. Хотела почувствовать, как эти сильные руки обнимают меня, а его губы прижимаются к моим. Он поднял меня и понес через холл в библиотеку, снова уложив на кушетку. Мое сердце билось так быстро, что стало трудно дышать. Я лежала и смотрела, как он расстегивает рубашку, потом он наклонился ко мне, и я обняла его, теряясь в нем.

Через некоторое время неприятное ощущение, что кто-то наблюдает за мной, заставило меня поднять голову и посмотреть на дверь, где я увидела Альфи, его лицо казалось белым, а в глазах застыла боль. Когда наши взгляды встретились, он повернулся и побежал. Мои щеки горели от стыда, но Эдвард обнял меня еще крепче, и я закрыла глаза, позволяя теплу накрыть меня.

11 ноября 1887 года

Эдвард сегодня уезжает. У него в Лондоне важные экзамены, которые он не должен пропустить. Я не знаю, как справлюсь без него, потому что он стал моей скалой. Он давал мне утешение, как и я ему, и мы проводили часы, разговаривая каждый вечер после того, как я заканчивала свою работу по дому. Наши любовные ласки были полны страсти и наслаждения, что я и представить себе не могла, что так может быть; он никогда не принуждал меня с того самого первого раза. По словам кухарки, это было то, что нужно делать, если вы хотите, чтобы ваш муж был счастлив и у вас появились дети.

Мне стыдно за то, как я себя вела, и я понимаю, что честные девушки не ведут себя подобным образом, но это кажется таким правильным, потому что я думаю, что влюбляюсь в Эдварда все сильнее, что не смогла бы остановиться, даже если бы попыталась. Мы должны держать нашу дружбу в секрете, потому что я прислуга, а о том, что хозяин дома ведет себя так, никто не должен подозревать. Если его светлость узнает, меня отошлют, а я этого не вынесу; этот дом и люди в нем — единственная семья, которую я знаю.

Альфи не сказал мне ни слова с той самой ночи похорон, и я искренне огорчена; он мой лучший друг, и я очень по нему скучаю. Как только Эдвард уедет в Лондон, я попытаюсь поговорить с ним наедине и все ему объяснить.

Его светлость впал в такую меланхолию, что у меня сердце разрывается, когда я смотрю на него. Он ничего не ест и целыми днями сидит в своей комнате и пьет только виски. Он выглядит ужасно, и Эдвард признался мне, что сильно беспокоится о нем.

Я занялась делом и пошла убирать классную комнату, чтобы не думать об Эдварде так сильно. Он пришел ко мне, чтобы попроситься, и я поймала себя на том, что удивляюсь, как мы перешли от ненависти друг к другу к любви за такой короткий промежуток времени. Он поцеловал меня, и я не хотела, чтобы он останавливался. Я хотела, чтобы он занялся со мной любовью в последний раз, прежде чем уедет, но я вела себя глупо и эгоистично. Я крепко обняла его, и он сказал мне, что вернется домой снова, как только сможет, чтобы увидеться со мной. Потом он повернулся и ушел, и я пожалела, что не могу пойти с ним.

13 ноября 1887 года

Альфи умудрялся избегать меня, но сегодня я улизнула от полировки столового серебра в столовой и отправилась искать его. Знала, что он будет в оранжерее ухаживать за растениями, которые леди Ханна сама посадила из семян, потому что кухарка сказала мне, что он делал это каждый день с тех пор, как она умерла. Это был Альфи, такой добрый и заботливый, и он не хотел, чтобы растения погибли: поддерживая их жизнь, он отдавал дань памяти леди Ханне.

Когда я вошла, он отвернулся от меня, но я взяла лейку и начала помогать ему. Он велел мне уйти, а я сказала, что он просто обязан поговорить со мной, что не хочу, чтобы мы стали врагами, и что скучаю по нему. Я взяла его за руку и усадила на сломанную скамейку в дальнем конце оранжереи. Я сказала ему, как мне жаль, что он увидел меня с Эдвардом в тот вечер, и что я не горжусь своим поведением, но что я люблю Эдварда. Альфи громко рассмеялся и сказал, что Эдвард самый эгоистичный и злой человеком, которого он когда-либо встречал. Он сказал, что единственная причина, по которой Эдвард вообще интересовался мной, заключалась в том, что он подслушал разговор Альфи с Гарольдом о том, как сильно я ему действительно нравлюсь. Я вскочила, я была так зла на него за то, что он сказал такую ложь, и у нас вышел ужасный спор. Альфи потянул меня за руку и усадил обратно на скамейку, сказав, чтобы я вела себя тихо, пока нас не услышали, и мы не попали в беду.

Я слишком хорошо помнила Эдварда, который заставлял меня играть в его ужасные игры, Эдварда, который гонялся за мной с мертвыми кроликами. Но люди меняются, и мне хотелось верить, что он перерос все эти детские шалости. Альфи покачал головой и сказал, что леопард никогда не меняет своих пятен. Но я ему не верю: каждый заслуживает второго шанса. Но все же он посеял крошечное зернышко сомнения в моем уме, и с каждым днем я знаю, что оно станет немного сильнее, если я буду его лелеять. Я так хочу верить, что Эдвард действительно любит меня и что однажды он даже попросит меня стать его женой.

Тогда Альфи шокировал меня и попросил выйти за него замуж. Он сказал, что любит меня всем сердцем так, как Эдвард никогда не полюбит. Я рассмеялась и сказала, чтобы он перестал быть смешным. Именно тогда я причинила ему такую боль, что не думаю, что когда-нибудь прощу себя, но я не испытываю к нему таких чувств, как к Эдварду. Я сказала об этом Альфи и о том, что хочу иметь много детей от Эдварда, чтобы они бегали вокруг и наполняли аббатство Вуд своим смехом. Этот прекрасный дом стал бы гораздо лучше, если бы вокруг стен эхом отдавались голоса детей, а не приглушенные голоса убитых горем людей.

Альфи уставился на меня так, что я чуть не расплакалась. Он поднялся и едва мог стоять; все его тело тряслось, и я знаю, что ему хотелось плакать. Я совсем не хотела

причинить ему боль, но для меня он очень дорогой друг, и я не хочу делить с ним остаток своей жизни. Когда он уходил, я чувствовала себя самой жестокой женщиной в мире и молила бога, чтобы Альфи простил меня и нашел кого-то, кто действительно полюбил бы его.

1 декабря 1887 года

Его светлость уже несколько недель не выходит из своей комнаты и отказывается всем посетителям. Гарольд уносит все блюда и напитки нетронутыми. Кухарка сказала мне и Милли, что если его светлость будет продолжать в том же духе, то умрет от разрыва сердца. Я не могу себе представить, как ему грустно, потому что тоже скучаю по смеху и музыке леди Ханны каждую минуту каждого дня. Я привыкла вытирать пыль, напевая себе под нос, и это наполняло мое сердце радостью. Теперь я чувствую, что какая-то часть меня исчезла, поэтому я не могу себе представить, что чувствует его светлость.

Эдвард прислал мне письмо, в котором написал, как сильно скучает по мне и как считает дни до Рождества. Оно лежит у меня под подушкой, и я читаю его каждый вечер перед сном. Кухарка дразнила меня, спрашивая, кто мог писать мне, и Альфи сказал ей, что это хозяин. Я рассмеялась, когда она стукнула его по затылку и сказала, чтобы он не был таким наглым, и заслужил хорошей затрещины.

3 декабря 1887 года

Сегодня произошла еще одна ужасная трагедия в этом доме великой печали. Я вышла на улицу, чтобы развесить ковры из бильярдной, и столкнулась с самым ужасным зрелищем. Его светлость висел на большом дубе. Лицо у него было серое, синие губы приоткрыты, из них торчал язык. Я кричала и кричала так громко, как только могла, потому что не знал, что еще делать. Альфи выбежал из буфетной, а за ним — Гарольд, кухарка и Милли. Кухарка упала на колени и перекрестилась. Я снова застыла на месте, не в силах пошевелиться, не сводя глаз с его светлости, раскачивающегося, как огромная марионетка.

Я понятия не имею, как долго мы стояли так, глядя на ужасное зрелище, открывшееся перед нами, но в следующее мгновение появились доктор Смит и полицейский из города — Гарольд послал за ними. Я услышала, как Альфи шепнул кухарке, что Гарольд позвонил Эдварду, чтобы тот немедленно вернулся домой. Бедный Эдвард, он потерял обоих родителей за такой короткий срок и самым страшным образом. Я чувствую себя виноватой, потому что очень рада, что он вернется домой раньше, и надеюсь, что смогу утешить его, потому что мне больше нечего ему предложить.

4 декабря 1887 года

Эдвард вернулся домой, в дом тишины и горя. Тело его светлости положили в массивный дубовый гроб с самыми блестящими медными ручками в малой гостиной, чтобы люди могли прийти и засвидетельствовать свое почтение.

Гарольд попросил меня сделать для его светлости последнюю вещь: войти и убедиться, что комната выглядит прилично для посетителей, не видно ни пылинки. Я была так напугана, что не решалась заглянуть в гроб. Не могла этого вынести. Что, если он откроет глаза? Я прислонила к двери тяжелую книгу, чтобы дверь не закрылась, потому что закричала бы на весь дом, если бы та захлопнулась за мной, и я оказалась бы заперта там вместе с холодной мертвой оболочкой тела моего хозяина. Никогда в жизни не работала так быстро. Я просто надеюсь, что он и леди Ханна воссоединились; мне невыносима мысль о том, что он вечно будет бродить вокруг потерянной и одинокой

душой.

Вчера вечером после ужина кухарка начала свою обычную болтовню. Хотя гораздо более сдержанно, чем обычно, но она получила огромное удовольствие, сообщив нам о том, что происходит с душой, когда кто-то лишает себя жизни. Милли пришла в ужас при мысли, что бог оставит кого-то, потому что они оказались в таком отчаянии, что не увидели другого выбора, кроме как покончить с собой. Позже я сказала ей, что если человек достаточно храбр, чтобы решиться на такое по какой-то причине, то, конечно же, бог не будет настолько жесток, чтобы повернуться к нему спиной.

Еще кухарка беспокоилась о том, что с нами теперь будет. Она убеждена, что Эдвард захочет продать дом, потому что у него останутся только плохие воспоминания, и тогда мы все останемся без работы и крыши над головой. Мне хотелось сказать ей, что у него должны остаться и хорошие воспоминания, но промолчала. Все захотят точно знать, что я имею в виду, а я не хочу сейчас поднимать шум: у Эдварда и так хватает забот.

Все время, пока мы находились на кухне, Альфи смотрел на меня со странным выражением лица. Я очень надеюсь, что он не сляжет с каким-нибудь недугом.

5 декабря 1887 года

Эдвард нашел меня вчера вечером в классной комнате. Я пришла сюда, чтобы почитать и не мешать никому. Мне не нравится быть внизу, когда тело его светлости находится в доме. Я не спала с самого рассвета, но не могла заснуть. Все остальные слуги сидели на кухне вокруг очага и пили вино из бутылки, которую открыл Гарольд. Я не хотела больше слушать их праздные сплетни: мне хотелось побыть одной.

Эдвард был так занят с полицией, потом визит его дяди и викария, что он даже не признал моего существования, и я должна признать, что это глубоко ранило меня. Дверь открылась, и я подняла глаза от книги, чтобы увидеть Эдварда, стоящего там. Его лицо выглядело намного старше, чем в последний раз, когда я его видела. Его глаза были черными, и на какое-то мгновение мне стало страшно; прошлые воспоминания пронеслись в моей голове. Это была такая болезненная улыбка, что я встала со стула, и в три коротких шага он пересек комнату и подхватил меня на руки. Я почувствовала теплую волну в животе, когда его губы встретились с моими. Он держал меня так крепко, что я не могла дышать, когда он целовал меня, и мне пришлось отстраниться от него. Он погладил меня по волосам и взял за руку. Я ожидала, что он поведет меня в мою спальню, но вместо этого он повел меня к себе. Я остановилась в дверях, боясь, что кто-нибудь увидит нас. Эдвард улыбнулся и сказал, что теперь он хозяин дома и будет делать все, что ему заблагорассудится. Он сказал, что после похорон отца сообщит прислуге, что я больше не буду горничной. Что мы пара и что со мной следует обращаться как с леди. Я не могла вымолвить ни слова, настолько удивилась. Он засмеялся и потащил меня в свою спальню, закрыв и заперев за мной дверь.

Я бывала здесь бесчисленное количество раз, но никогда так, как сейчас. Его кровать была огромной по сравнению с моей. Мы стояли рядом с ревущим огнем, который я развела раньше. Он начал раздевать меня, и вскоре мы уже лежали на кровати. Она казалась такой мягкой, а шелковые простыни охлаждали мою пылающую кожу. Я закрыла глаза и понадеялась, что эта ночь никогда не кончится.

Проснувшись я в холодном свете зари и ахнула: кухарка рассердилась бы на меня, если бы я не спустилась вниз вовремя, чтобы накрыть на стол. Я высвободилась из теплых объятий Эдварда и подобрала с пола свою одежду. Быстро оделась. У меня нет времени умыться

или расчесать волосы, но я заколола их на макушке, как могла.

Выскользнула в коридор, где меня встретил Альфи, который только что сбежал по лестнице для слуг. Я знала, что его послали искать меня, и мои щеки вспыхнули. Он смотрел на меня с презрением, но в его глазах плескалось столько боли. Он сказал, что кухарка послала его узнать, не заболела ли я, потому что до сих пор не встала. Я умоляла его не говорить ни ей, никому-либо другому, но он не сказал ни слова. Вместо этого он повернулся ко мне спиной и пошел прочь, опустив плечи и замедляя шаги.

И снова я почувствовала, как мое сердце разрывается еще сильнее. Если так пойдет и дальше, боюсь, оно разорвется пополам, и я умру от разбитого сердца, как и его светлость.

Глава 7

Дерек Эдмондсон сидел за ужином со своей сестрой. Он гостил у неё, приехав с недельным визитом из Бернли. Будучи практикующим медиумом с десяти лет, он любил путешествовать по северо-западу, посещая различные спиритические церкви и демонстрируя свои экстрасенсорные способности. Жалованье оставалось ужасно мизерным, но все же это лучше, чем сидеть дома в обществе одних мертвецов.

В его голове крутились три имени. Они были похожи на торнадо, набирающий скорость, и, откровенно говоря, от этого он почувствовал себя плохо. Капли пота выступили у него на лбу, и он знал, что если встанет, то почувствует головокружение. Не в силах остановиться, он начал бормотать.

Сестра повернулась к нему.

— Что ты только что сказал? О, Дерек, ты выглядишь ужасно. В чем дело? Ты что, заболел?

— Энни, Эдвард, Элис, Энни, Эдвард, Элис... нет, прекратите сейчас же, я приказываю вам. — Он поднялся со стула на нетвердые ноги. — Вы должны прекратить это, пожалуйста.

Вихрь прекратился и сменился видением полуразрушенного викторианского особняка. Он дважды моргнул, чтобы прогнать эту картину из головы, и снова рухнул на стул. Сестра наклонилась и прижала ладонь к его лбу, проверяя, нет ли у него температуры. Он смахнул её, не желая, чтобы его беспокоили. Она была встревожена, и ему было жаль, что он заставил её чувствовать себя так, но что-то плохое, возможно даже катастрофическое, показалось на горизонте, и кто бы ни были эти Элис, Энни и Эдвард, они напрямую вовлечены. Будь у Дерека такая возможность, он не стал бы вмешиваться ни при каких обстоятельствах, но он знал, что теперь слишком поздно, и независимо от того, хотел ли, он уже по уши в этом замешан.

— Я в порядке, Джоан, просто на минуту мне стало не по себе, но сейчас все порядке. Прошу прощения, если напугал тебя.

Джоан подняла брови.

— Ну, если ты уверен. Не то чтобы я не привыкла к тому, что ты порой ведешь себя немного странно?

Дерек рассмеялся, откинул голову на спинку стула и закрыл глаза.

Энни потянулась и зевнула. Тесс громко храпела. Энни отодвинула дневник в сторону и встала, чтобы проверить, все ли двери и окна заперты. В голове у неё гудело. Знал ли этот особняк что-нибудь, кроме печали? Неудивительно, что атмосфера там такая гнетущая. Однажды она смотрела передачу о прошлых воспоминаниях, запечатлевшихся в окружающей обстановке. Старый особняк стал бы идеальным местом, чтобы проверить эту теорию: два

человека умерли в доме и саду, и она задавала вопрос, сколько еще пострадало от той же, если не худшей, судьбы.

Умывшись и натерев лицо увлажняющим кремом племянницы, она проверила все спальни, убедившись, что они пусты. Огромная старинная медная кровать в главной спальне выглядела так заманчиво: Энни могла представить, как рухнет на неё вместе с Уиллом. Она прошла по коридору до самой маленькой спальни, в которой устроила бардак: аккуратность никогда не являлась одной из её лучших черт. Оставив ночник включенным, и забравшись в односпальную кровать, она натянула одеяло на голову и плотно подоткнула его под ноги. Одним из самых больших её детских страхов была мысль о невидимых руках, стаскивающих с неё одеяло ночью, и она все еще испытывала его, когда спала в незнакомом месте.

Уже на выходе из участка, Уилл заглянул в общественный офис, чтобы узнать, там ли еще Клэр и Салли. Когда он вошел, они обе разразились хихиканьем.

— Послушай, Уилл, то, что ты сказал нам раньше, заставило меня забыть про сыр и маринованные огурцы.

Он кивнул.

— Да, понимаю, такое вполне могло произойти. Извини, но это была хорошая сплетня, я не могу поверить, что вы обе ничего не знали: вы теряете хватку. — Клэр и Салли согласно кивнули, и он кашлянул в ладонь.

— Я... э-э... познакомился сегодня с Энни. Я еще ни разу с ней толком не разговаривал, и она мне показалась довольно милой. — Он почувствовал, как его щеки начинают гореть, когда слова слетели с его губ, и они стали еще горячее, когда он поймал взгляд, который Салли бросила на Клэр.

— «Довольно милая», что это значит? Вообще-то она очень милая, хотя в последнее время ей пришлось нелегко.

— Что с ней случилось? Мы не сталкивались ни с какими нападениями на одного из наших. Это был несчастный случай?

— Да, и он не попал в отдел уголовного розыска. Кав разбирался с этим как бы по необходимости, и, по сути, мы не должны знать. Даже Джейк ничего не рассказал, а он — сплетник века. Думаю, Кав либо приказал ему хранить молчание, либо пригрозил, что отправит работать в центр города.

— Должно быть, что-то серьезное, если Джейк не проболтался. Ну что ж, увидимся завтра, дамы, если вы будете еще здесь. Доброй ночи.

На этот раз на Салли посмотрела Клэр; та пожала плечами.

— Уилл, я не в курсе подробностей, но знаю только, что с ней что-то случилось дома.

— О боже, это ужасно, я понятия не имел. Подумал, что ей досталось на дежурстве или она попала в аварию. Спасибо, я обещаю, что ничего не скажу. — Он покинул подразделение с непреодолимым желанием вернуться к Энни и увидеть её, но что он мог сказать? Ему не полагалось знать, и он выглядел бы глупо, явившись так поздно без предупреждения. Его желудок громко заурчал, и он понял, что потребность в еде и пиве была более насущной в данный момент.

Он вздохнул, съев полный китайский ужин и запив его двумя банками пива. Его желудок, казалось, вот-вот взорвется. Уилл переключал каналы, пока не нашел фильм Брюса Уиллиса: всем нравятся герои. Но он не мог сосредоточиться. Сначала думал о Дженне Уайт, а потом об Энни. Он вытянул ноги, положив их на сосновый ящик, который

использовал как кофейный столик. Ему пришла в голову мысль, что Энни вполне нормальна и сможет даже есть в его присутствии, если он пригласит её куда-нибудь поужинать. Не то, что его последняя подружка, которая заказывала салат с курицей и двадцать минут гоняла его вилкой по тарелке, пока он не доедал стейк с жареной картошкой. Ему нравилась мысль об ужине с Энни, и он хотел позвонить Джейку, чтобы узнать её номер. Он поднял руку ко лбу, чтобы проверить, не заболел ли он чем-нибудь, потому что вел себя совсем не так, как обычно. Он снова посмотрел на экран. Кав был героем рассказа об Энни, и Уилл почувствовал, что восхищается им все больше: не так уж много было начальников, которые сами занимались бы преступлением и делали это так тихо, чтобы никто об этом не знал.

Женщина показалась ему смутно знакомой и, судя по тому немногому, что он мог разглядеть, весьма привлекательной. На самом деле она ему очень понравилась. Когда она сняла шапку в доме, он громко ахнул, увидев её затылок. Интересно, что с ней случилось? Он хотел точно знать, насколько одинока эта женщина, потому что почувствовал мгновенное влечение к ней: она выглядела как более взрослая версия Дженны с её темными волосами и бледной кожей — именно его типаж — и он слишком хорошо знал, что значит быть одиноким. Он будет присматривать за ней, потому что она ему нравится, и если она будет вести себя правильно, даже покажет свою особую комнату.

Он покинул двор и направился через лес к особняку, переполненный мыслями. Было бы чудесно иметь настоящую девушку. У него много вещей, которые он мог бы показать, если бы она пообещала не рассказывать никому, а если нет — что ж, у него есть безопасное место, где она могла бы остаться навсегда. Когда он обошел особняк, то понял, откуда он её знает: это была женщина из спиритической церкви на прошлой неделе.

Убедившись, что никто не проник в его тайные владения, он вернулся на ферму и выключил вспышку на телефоне. Он был рад видеть её сидящей за кухонным столом и читающей, и ему удалось подойти достаточно близко, чтобы сделать пару снимков; он сомневался, что они получатся хорошо, но попробовать стоило. То, как она деликатно потягивала вино, возбудило его, и он прокрался обратно в сарай, чтобы еще немного понаблюдать за ней. Не похоже, чтобы рядом был мужчина, который мог бы защитить её, и он начал дрожать от возбуждения при мысли об открывающихся возможностях. Он наблюдал, как в комнатах дома включался свет на несколько секунд, а затем снова гас. Дольше всего светило маленькое окошко в стене дома, и он почувствовал, что ему тяжело думать о ней одной, в темноте. Как легко напугать хорошенькую леди? Желание попытаться найти дорогу в дом, было непреодолимым: ему стоит пробежаться, чтобы остановить себя от чего-то безрассудного и глупого. Это испортит его планы, если он войдет туда по своей прихоти. Ему нужно быть практичным. Она могла бы стать его грандиозным финалом. Если он хочет, чтобы с ней все было идеально, ему нужно еще немного попрактиковаться, чтобы все было так, как говорил ему внутренний голос.

Он вернулся домой запыхавшийся и с румяными щеками. В доме по-прежнему было темно. Слава богу за маленькие милости. Мать будет храпеть в постели, как солдат, чтобы он мог предаваться своим фантазиям, не будучи потревоженным голосом из ада. Как он оказался с матерью, которая не хотела умирать? Она собиралась дожить до ста лет. Он всегда мог убить её, но это зависело от того, удастся ли ему осуществить все свои планы. Если его поймут, то, возможно, от шока у неё случится сердечный приступ: ему просто повезет, если она упадет замертво, когда он отправится в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

Улыбаясь, он проверил электронную почту в поисках письма от своей следующей жертвы. Еще четыре дня, и Дженна больше не будет одна: рядом с ней будет еще один труп в качестве компаньонки. Было шокирующе думать о количестве девочек-подростков, которые были доступны по щелчку кнопки и просто созрели для сбора.

Глава 8

Энни плохо спала. Её сны наполняли толпы мертвецов и умирающие люди. Когда она встала с постели, было еще раннее утро, и она не могла избавиться от видений, вызванных её снами. Они казались такими четкими, как фотографии, и запечатлелись в её сознании. Ставив с кровати одеяло, она отнесла его вниз и улеглась на диван.

Почти сразу её глаза начали закрываться, и она задремала. На этот раз ей приснился красивый молодой человек. Его глаза были черными, Энни никогда не видела таких глаз. Он улыбнулся и помахал рукой, и она улыбнулась в ответ. Он явно знал её, но Энни понятия не имела, кто он. Улыбка на его лице сменилась ухмылкой, и теперь он выглядел угрожающе. Энни чувствовала, что он хочет, чтобы она побежала и спряталась, чтобы он мог её преследовать. Одна его рука свисала вниз, и он держал что-то, с чего капала темная жидкость. Ужас овладел Энни, и она бросилась бежать, изо всех сил работая ногами, чтобы увеличить расстояние между ними. Однако он был очень быстр и догнал её. Его смех прозвучал позади так близко, что она почувствовала теплое дыхание на своем ухе. Он протянул руку, чтобы схватить, когда громкий стук в дверь разбудил её от кошмара.

Энни взглянула на часы на каминной полке и с ужасом увидела, что уже четверть десятого. Проведя пальцами по голове и протирая глаза, она подошла к кухонной двери и, посмотрев сквозь крошечное стекло, увидела Уилла. Он выглядел даже лучше, чем вчера, в выцветших джинсах и красной спортивной куртке. Ох, черт. Она отперла дверь, и он улыбнулся ей.

— Доброе утро, и оно, правда, чудесное, хотя немного прохладное.

Энни зажмурилась от яркого солнечного света.

— Доброе утро. Извини, я плохо спала прошлой ночью и досыпала на диване, где, в конце концов, впала в кому. Входи, я быстро. Поставишь чайник?

— Конечно. Иди, одевайся, а я приготовлю кофе.

Она побежала к лестнице и поняла, что на ней странная пижама и розовые пушистые носки. Очень мило, Энни. Конечно, разве у неё может быть, как в фильмах, где героиня оказывается в своей лучшей шелковой пижаме, и ни один волосок не выбивается из прически. Если дурацкий наряд не отпугнул Уилла, возможно у неё есть шанс.

Когда она спустилась вниз, Уилл убирал пустую бутылку из-под вина в мусорное ведро.

— Они не все мои, если тебе интересно. Я пью только розовое вино, мой брат пьет красное. Я забыла вынести их на помойку.

— Не переживай. Видела бы ты мое ведро, там полно пустых банок из-под пива, и все они мои.

Энни рассмеялась и потянула за синюю шапку, которая плотно сидела на голове.

— Знаешь, меня сводит с ума мысль о том, что случилось с Дженной, — поделился Уилл. — Она не могла исчезнуть без следа. Я беспокоюсь, вдруг она пошла и сделала какую-нибудь глупость. Так много ужасных историй о подростках, которые ссорятся со своими семьями, а потом идут и убивают себя. Меня от этого тошнит.

Энни не могла не согласиться, не так давно она впервые оказалась на вызове, где девочка-подросток, повесилась из-за того, что над ней издевались. Энни потребовались

недели, чтобы выбросить её образ из головы.

Она взяла из буфета буханку хлеба и повернулась к Уиллу.

— Должна предупредить: с тостами я обычно справляюсь, но в готовке не так хороша. По какой-то причине я склона все сжигать.

— Ничего страшного, я к этому привык. Моя мама была ужасной кухаркой. Мне пришлось учиться готовить, когда я учился в школе, чтобы, в конце концов, не быть отравленным окончательно. У моего отца выступили слезы на глазах, когда он в первый раз ел жаркое, и ему не приходилось пользоваться разделочным ножом, чтобы съесть овощи. Да благословит её Господь. Он был расстроен больше, чем моя мама, когда я переехал. Сказал, что не может вернуться к «всесождениям». Но ему и не пришлось этого делать, потому что вскоре она пошла за покупками со своими подругами и упала на улице; мама умерла мгновенно от сердечного приступа.

— Мне очень жаль. Должно быть, для всех вас это стало ужасным потрясением. — Энни смотрела, как он возится с кружкой, потом передала ему тарелку с тостами.

Его глаза загорелись.

— Это настоящее масло?

— Да, нет особого смысла, есть тост, покрытый маргарином: он на вкус как пластик.

— Энни, ты меня впечатлила. Не думаю, что встречал девушку, которая призналась бы, что ест масло. Моя последняя подружка покупала только эту дрянь с низким содержанием жира. Я обычно ел свой тост сухим, а это так невкусно.

Энни почувствовала, как её щеки покраснели.

— Только не говори никому в моем клубе худеющих. Это одна из причин, почему я никогда не стану десятого размера. Я слишком люблю вкусную еду и вино, чтобы отказаться от них. — Теперь она чувствовала себя не только толстой, но и глупой. «Так держать. Ты только что призналась, что ешь больше, чем слон, парню, который считает, что анорексия в моде». Она повернулась к раковине, чтобы он не видел её лица, и принялась ополаскивать кастрюли.

Уилл взял свою тарелку и положил руку ей на плечо.

— Это и правда, вкусно, спасибо. Прости, если расстроил тебя, я не хотел.

Энни повернулась к нему лицом и почувствовала, как на глаза наворачиваются новые слезы.

— Дело не в тебе, а во мне. После удара по голове, на меня стали влиять самые странные вещи. Я все время плачу по пустякам и несую полную чушь.

Он шагнул ближе и притянул её к себе, крепко обняв. Энни положила голову ему на грудь. Уилл поднял руку, чтобы погладить её по голове, но она отстранилась, чувствуя себя неловко.

— Прости. Видишь, что я имею в виду, когда говорю, что веду себя странно?

Он отступил назад, чтобы дать ей немного пространства.

— Ну, у меня совсем нет оправданий, кроме того, что масло попало мне прямо в голову.

Они рассмеялись, и Энни почувствовала, как у неё затрепетало сердце. Черт, он ей действительно нравился, хотя она знала, что не стоит им увлекаться.

— Пойдем, проверим дом, пока не попали в еще более неловкую ситуацию.

Она вывела Уилла на узкую тропинку, по которой бежала вчера. Ей страшно было возвращаться в старый дом так скоро, но она не стала говорить об этом. По крайней мере, на этот раз она не одна. Уилл следовал за ней, пока они не добрались до дома.

— Могла бы представить, что живешь здесь? Должно быть, это так удивительно, — сказал Уилл.

— Это прекрасно, но не думаю, что этот дом и все их деньги принесли его обитателям какое-то счастье. Насколько я могу судить, они переживали одну трагедию за другой. — Она не сказала ему, откуда ей это известно, и не упомянула о дневнике, желая сохранить его при себе.

Они подошли к входной двери, и Энни вытащила ключ из кармана, не осознавая, как сильно дрожат её руки, пока не попыталась вставить его в замок и дважды промахнулась. С третьей попытки попала в цель, и толкнула дверь, но та не поддавалась.

— Наверное, из-за дождя она разбухла.

Они вдвоем навалились на неё и сильно толкнули. Энни надеялась, что та не сдвинется с места; это избавит её от потрясения, вызванного необходимостью вернуться и встретиться лицом к лицу со своими страхами. Но после нескольких попыток дверь немного поддавалась, а еще через пару-тройку качнулась внутрь. У Энни пересохло во рту, а сердце бешено заколотилось, когда она последовала за Уиллом внутрь; он был так же загипнотизирован этим местом, как и она вчера.

Они обыскали все комнаты на первом этаже. Все они были пусты, как она и сказала. Облегчение от того, что они не нашли пропавшую девушку мертвой ни в одной из них, заставило сердце Энни немного замедлиться. Единственной дверью на нижний этаж, от которой у них не было ключа, оказалась дверь в подвал, чему Энни обрадовалась. При мысли об Элис, заблудившейся там, в темноте, по коже побежали мурашки.

Когда они дошли до лестницы, она занервничала, а Уилл повернулся к ней и поинтересовался:

— Лестницы безопасны? Не хочу упасть и сломать ногу, у меня слишком много дел. — Он усмехнулся, но Энни не смогла выдавить улыбку в ответ, как не пыталась.

— Нет, с ней все в порядке. Я опробовала её вчера, и она на удивление прочная. Не зря говорят, что теперь не строят как раньше, — она позволила ему пойти первым, но заколебалась у подножия лестницы, чувствуя себя птицей в клетке; её сердце так сильно билось в груди. Чувство страха охватило Энни, она посмотрела вниз и увидела большое темное пятно под ногами. Конечно, нет. Его не может быть после стольких лет. Разве бы кровь осталась видна невооруженным глазом?

Уилл почти добрался до второго этажа и теперь наблюдал за ней.

— Все в порядке? Ты побледнела. Ты ведь не собираешься упасть в обморок? Почему бы тебе не подождать внизу, а я проверю.

— Нет! — Её голос прозвучал резче, чем она хотела. — Я в порядке. Подожди меня.

Он протянул ей руку. — Давай, я тебя придержу.

Она взбежала по лестнице, оттолкнув его руку.

— Ты так отвратительно заботлив, Уилл. Мне не нужна помощь, спасибо. Вчера я умудрилась подняться сюда сама. — Тем не менее, она следовала за ним, позволяя вести себя, пока он проверял каждую комнату: все еще никаких признаков Дженны.

В дальнем конце коридора они обнаружили узкую лестницу, спрятанную за перегородкой. Энни знала, куда она ведет, и чувствовала себя в безопасности, поднимаясь по ней туда, где когда-то были помещения для прислуги. Инстинктивно она поняла, какая из них принадлежала Элис, и вошла в маленькую уютную комнату. Её окутало теплое сияние. Уилл продолжал осматривать другие комнаты вдоль небольшого коридора. Энни казалось,

что она попала в другое время. Выглянув в окно, она увидела огромный дуб, возвышавшийся над заросшим садом. Дерево, под которым Эдвард напал на девушку и на котором повесился его убитый горем отец.

Голос Уилла вывел её из транса.

— Здесь наверху ничего нет.

— Нет, больше нет, — прошептала Энни.

Они спустились обратно на второй этаж. Когда подошли к классной комнате, Энни подумала, что её сейчас стошнит. Она прислонилась к дверному косяку, пока Уилл осматривал комнату.

Уилл ходил по дому, не обращая внимания на атмосферу. В то время как Энни боялась собственной тени.

— Прости, ты была права, но, думаю, попробовать стоило. Не могу поверить, что эти каминные полки до сих пор не украли. Они, должно быть, стоят целое состояние.

— Ах, я даже могу сказать тебе почему. Существует слишком много страшных историй о лесах и аббатстве, поэтому сомневаюсь, что нашлись достаточно храбрые грабители. В любом случае, сюда нет доступа для автомобилей, это совершенно частная дорога. Ключи от ворот есть только у моего брата и у Совета, так что никто не сможет протащить сюда фургон.

Уилл вздохнул.

— Такое красивое старое место. Мне бы очень хотелось увидеть дом, когда его только построили.

Энни не стала упоминать, что, закрыв глаза, она могла бы описать ему каждую комнату в мельчайших подробностях. Следуя за ним вниз по лестнице, она остановилась, почувствовав внезапную перемену в воздухе, когда температура резко упала; мурашки побежали по её рукам. Выдохнув, она выпустила воздух тонкими белыми струйками. Энни почувствовала, что кто-то стоит у неё за спиной на верхней ступеньке, и ощутила, как пара черных глаз впилась ей в затылок. В ужасе она не смогла бы обернуться, даже если бы захотела, поэтому продолжила спускаться по лестнице и поспешно пересекла холл, стараясь скорее оказаться у входной двери. Выйдя на улицу, она выдохнула. Все еще боясь оглянуться, она подождала, пока Уилл закроет дверь, и передала ему ключ, чтобы её запереть.

— Ты уверена, что все в порядке?

Она кивнула, стараясь взять себя в руки, чтобы голос не выдал охватившего её страха. Энни хотела казаться нормальной, но не могла вспомнить, каково это — быть нормальной.

— Я в полном порядке, правда.

Они молча вернулись на ферму. Когда подошли к воротам, Энни повернулась к нему.

— Подвезти тебя до машины? Мне нужно съездить в город, так что я могу подбросить тебя.

— Это было бы здорово. Ты маленькое чудо, знаешь это?

Энни рассмеялась и почувствовала, как её сердце сжалось, когда она подумала, что только что приблизилась к мечте по имени Уилл.

— Знаешь, если тебе захочется чего-нибудь вкусенького для разнообразия, я могу приехать и приготовить что-нибудь поесть, — предложил Уилл. — С тебя вино, а с меня — ингредиенты и услуги личного повара. Не подумай, что я навязываюсь, но, судя по содержимому твоего холодильника, хорошая домашняя еда не помешает. Она пойдет тебе на пользу, не говоря уже о моем превосходном обществе.

Энни выдержала эффектную паузу.

— Я должна проверить свое расписание. — Потом хихикнула. — Если ты и правда, готов похозяйничать на моей кухне, то это предложение, от которого я не смогу отказаться. Мне бы очень этого хотелось.

— Как насчет завтра? У меня будет выходной. Тогда я смогу приехать.

Она попыталась сдержать волнение, которое бурлило под её бесстрастным выражением лица.

— Значит, завтра. — Она подмигнула ему. Даже при том, что Энни понимала, что это вряд ли это к чему-то приведет, она решила просто насладиться моментом. Ей нужно встряхнуться, и она вовсе не могла предположить, что, несмотря на репутацию, под холодной, спокойной внешностью скрывался мужчина, который на самом деле очень забавный, добрый и немного джентльмен. Просто купив лотерейный билет, вполне можно выиграть.

Глава 9

На обратном пути в город движение оказалось ужасным, и парковка машины стало сущим кошмаром. Рядом с полицейским участком располагались офисы социальных служб: у них имелась прекрасная большая автостоянка. Уилл въехал так, словно работал здесь, и припарковался на последнем пустом месте, на мгновение, почувствовав себя виноватым. Он вышел из машины и быстро зашагал по узкому переулку между двух зданий, который вел к заднему двору полицейского участка. Из распахнутых ворот на большой скорости выехал фургон с мигалками; он едва не сбил Уилла. Он помахал водителю, который одними губами произнес «извини», а затем умчался, завывая сиренами вдалеке. Задний двор казался жалким по сравнению с соседним. В нем хватало места, чтобы припарковать всего лишь двенадцать разных фургонов и автомобилей, в зависимости от того, кто их парковал. За задней дверью двое полицейских в форме пытались проникнуть в здание, пробуя различные коды.

— Ради бога, почему они меняют код в понедельник утром, никто же его в итоге не знает?

Уилл шагнул вперед и набрал четырехзначный код, замок сработал, и он открыл дверь.

— Спасибо, Уилл. Мы здесь уже пять минут, и никто не поднял свою ленивую задницу, чтобы впустить нас.

— Все заняты, ты же знаешь, как это бывает. Сколько раз ты сам потрудился открыть дверь, когда кто-то стучал?

Смити посмотрел на Уилла, словно пытаясь понять, в чем дело.

— Э-э, ни разу.

— Вот видишь. Занятые люди, по крайней мере, я так слышал. — Уилл оставил их и направился в отдел уголовного розыска. Когда он вошел, четыре головы повернулись к нему и хором произнесли:

— Доброе утро, сержант.

— Ага, можно и без звания, и кто-нибудь поставьте чайник. Есть новости о Дженне? — Четыре пустых лица уставились на него. Он подошел к огромной белой доске. С фотографии Дженна вызывающе смотрела на него. Он удивлялся, зачем ей понадобилось носить все это дерьмо на лице. Что она скрывает? Или от кого прячется? Он видел её фотографию за два года до того, как она открыла для себя любовь к поп-звездам, которые выглядели как трупы. Она была хорошенькой девушкой.

Под фотографией висел список всех её родственников, друзей и учителей. Со всеми,

кроме одного, уже поговорили. У каждого имени стояли большие красные галочки. Ни один человек в списке не думал, что Дженна способна убежать, не такая она девушка. Не опросили только её лучшую подругу, которая провела в Манчестере все выходные. С ней нужно поговорить сегодня утром, и как можно скорее.

Лора протянула ему кружку с крепким кофе. Уилл взял его, сел за стол и открыл электронную почту. Пролистав письма, он нашел одно об Энни. В нем говорилось, что она на больничном, а в управлении есть её карточка и дело. До вчерашнего дня он даже не догадывался, кто она такая. Удивительно, как сильно может измениться жизнь за двадцать четыре часа. Уилл допил свой кофе и встал.

— Лора, у тебя что-нибудь есть?

— Нет, я только что закончила просматривать список друзей Дженны.

— Хорошо, тогда ты сможешь пойти со мной.

Она схватила свою куртку со спинки стула, радуясь возможности ненадолго уйти из офиса. Стью послал ей воздушный поцелуй, и она показала ему средний палец. Уилл схватил с доски связку ключей. По пути он заскочил в кабинет патрульного сержанта, где Кав уплетал гигантскую булочку с беконом и яйцом. Кав кивнул Уиллу и показал ему большой палец. Уилл хотел поговорить с ним, но без свидетелей.

— Не хочешь пропустить по пинте позже? — спросил Уилл.

— Если ты угощаешь, я с удовольствием.

— Да, но только первой. Ты способен иссушить и колодец.

— Я заканчиваю в шесть. Есть что-нибудь о нашей пропавшей девочке?

— Стью пробивает выключенный мобильник. Я надеюсь, что она прячется с каким-нибудь неизвестным другом.

— Надеюсь, приятель, потому что Джейк убежден, что её похитили маленькие зеленые человечки, — сказал Кав.

— Похоже на Джейка. А сейчас я иду поговорить с её лучшей подругой.

— Удачи. Увидимся в «Черном Псе» примерно в четверть седьмого, выпьем по пинте.

Уилл вернулся в коридор и бросил ключи от машины Лоре, которая стояла, прислонившись к стене, и грызла ноготь большого пальца.

— Ты поведешь.

Они отправились на поиски машины, которая, судя по стертým номерам на связке ключей, могла быть любой из сотен машин, припаркованных на огромной общественной стоянке напротив отделения полиции.

— Эти чертовы машины должны иметь центральный замок. По крайней мере, тогда нажимая на брелок, можно увидеть, как вспыхнут огни. — Она прищурилась, пытаясь разглядеть цифры, которые стерлись. — Разве так трудно написать номер на брелоке заново?

Уилл уже пересек половину парковке, и Лоре пришлось бежать, чтобы догнать его. Он сел на пассажирское сиденье и вытащил из бокового кармана маленькую синюю папку. — Лучше бы в ней имелось немного бензина. У меня нет времени возиться с заправкой.

Лора повернула ключ зажигания; к счастью датчик показал, что бак заполнен на три четверти.

— Это еще одна вещь, которая заставляет меня недоумевать, заполняя эти журналы каждый раз, когда мы пользуемся машиной, как будто они нам не доверяют.

— Мне очень не хочется тебя огорчать, Лора, но они не доверяют.

До Леш-лейн они ехали молча. Лора часто поглядывала на Уилла, и он подумал, что у него что-то на лице или на костюме: она его пугала. Они припарковались возле бывшего дома совета. Там был аккуратный сад, и окна блестели; Уилл всегда обращал внимание на мелкие детали. Когда они вышли из машины, он достал из кармана записную книжку, чтобы проверить имя девушки. Ей семнадцать, так что не имеет значения, будут ли её родители присутствовать. Когда Лора толкнула калитку, входная дверь открылась, и показалась заплаканная, девочка-подросток с покрасневшими глазами, она их ждала.

— Эрин, меня зовут Уилл Эшворт. Я детектив из полиции. — Он шагнул вперед и пожал ей руку. — Это Лора Коллинз, моя коллега. Нам нужно поговорить с тобой о Дженне, ты не против если мы зайдём?

Она отступила в сторону, пропуская их, и указала на кухню в задней части дома.

— Мама сказала мне сегодня утром, когда я вернулась, что Дженна пропала. Я не понимаю. Это на неё совсем не похоже.

Лора взглянула на Уилла. Он продолжал расспрашивать.

— Эрин, я действительно беспокоюсь за неё. Она не взяла с собой ни денег, ни одежды, и единственное, что мы не можем найти, — это её телефон, которым никто не пользовался с тех пор, как она исчезла. Может она собиралась куда-то поехать или встретиться с парнем?

Эрин фыркнула, потирая покрасневшие глаза тыльной стороной ладони.

— Я обещала, что никому не скажу. Дженна меня убьет.

— Дженна ни с кем не разговаривала, и её никто не видел с вечера пятницы. Что, если ей нужна помощь? Что бы ты нам не рассказала, Дженна в конце концов ведь поблагодарит тебя?

Эрин сделала паузу, а затем слова, которых Уилл так боялся, вырвались наружу.

— Она познакомилась с каким-то мужчиной в интернете.

Уилл и Лора выпрямились. Лора открыла блокнот, готовая записать каждую деталь.

— Он намного старше, но Дженна сказала, что он крутой и при деньгах.

— Ты его когда-нибудь видела?

Она покачала головой.

— Нет, Дженна собиралась встретиться с ним в пятницу. Раньше они общались только онлайн, но она продолжала говорить, как они с ним похожи, и он действительно понимает её. Она даже сказала, что их знакомство случилось благодаря небесам, можете в это поверить?

— Она говорила, как его зовут и где он живет? Все, что может дать нам ключ к разгадке, где её искать.

— Нет, она ничего толком мне о нем не рассказывала, говорила, что это её маленький секрет. Он прислал ей два билета на концерт Мэрилина Мэнсона в Манчестере; собирался свозить её туда на выходные. Боже, она была так счастлива, когда они прибыли на почту, а я так разозлилась на неё. Мы давно собирались пойти на наш первый концерт Мэнсона вместе, а какой-то старый чувак собирался пойти с ней, пока я сижу дома без дела. Вот почему я поехала навестить брата в эти выходные, мы сильно поссорились с Дженной, и я хотела быть как можно дальше отсюда.

Слезы свободно текли по её щекам, и Уиллу стало жаль девушку, он погладил её по руке.

— Это не твоя вина, Эрин, Дженна пошла бы на встречу с этим мужчиной, осталась бы ты здесь или нет, и я уверен, что она не хотела бы, чтобы ты тащишься на первое свидание с

ней. Она сказала, где встречается с ним?

— Упоминала что-то о доме с привидениями и историях о привидениях, но я не знаю, где именно, она мне не сказала.

Эрин снова начала всхлипывать, и Уилл понял, что больше ничего от неё не добьется, поэтому вытащил из кармана визитную карточку и протянул ей.

— Это моя визитка. Если ты что-то вспомнишь или начнешь волноваться, и тебе нужно будет с кем-то поговорить, там указан номер моего мобильного телефона. Можешь позвонить мне в любое время.

— Вы думайте, она мертва?

Уилл решил, что лучше быть честным. Он не хотел давать ей ложную надежду, когда не имел ни малейшего понятия.

— Не знаю, Эрин. Я надеюсь, что она остановилась где-нибудь с ним, и с ней все в порядке, но правда в том, что мы просто не знаем.

Оставив Эрин наедине со слезами, они вернулись к машине.

— Нам нужно найти эти билеты и выяснить, кто их купил. Даже если они куплены на «Ебей», мы можем отследить продавца. Позвони обязательно в штаб-квартиру и скажи им, чтобы поторопились с её ноутбуком; сейчас это самая главная зацепка. Если она познакомилась с ним в интернете, в ноутбуке найдется полно подсказок. Он может быть кем угодно, но, по-моему, он похож на какого-то гребаного извращенца, — прорычал Уилл.

— Я разберусь с этим, как только мы вернемся, босс.

Уилл высадил Лору у отделения полиции и поехал обратно к дому Дженны Уайт: он не уедет, пока не найдет билеты.

Энни не могла вспомнить, когда в последний раз посещала библиотеку, и виной тому сотни фунтов штрафов за не сданные книги во время студенчества. В детстве она часами сидела в библиотеке, свернувшись калачиком и читая все, что попадалось под руку. Наверху располагался читальный зал и самый крутой музей, в котором она когда-либо бывала. В нем имелись чучела птиц и огромная лосиная голова с большими карими глазами, которые выглядели такими грустными. Энни и сама, вероятно, выглядела бы грустной, если бы кто-то застрелил её, отрезал голову и выставил на всеобщее обозрение. Она придумывала страшные истории о плотоядном лосе, который бродил по улицам после наступления темноты в поисках своего тела — неудивительно, что ей снились ужасные кошмары.

Проходя через главные двери, она ожидала, что раздастся звон колокольчика и предупредит всех, кто здесь находился, но все, что встретило её, это приглушенные голоса персонала и нескольких посетителей. Впервые за несколько дней она почувствовала себя расслабленной, детские воспоминания успокаивали её встревоженный ум и напоминали о том времени, когда её жизнь была гораздо проще. Следуя указателям, она нашла архив, спрятанный в задней части огромного здания. Энни была озадачена, когда ассистентка сказала ей, что она должна положить свою сумку в шкафчик, и может делать заметки только карандашом.

Женщина заметила выражение её лица.

— Вы не поверите, сколько наших документов было повреждено или украдено. Мы вынуждены принимать эти меры предосторожности, чтобы сохранить то, что у нас осталось.

— О, это ужасно. У меня есть только ручка, а у вас найдется карандаш, которым я могла бы воспользоваться?

— Да, конечно, дорогая, пятьдесят пенсов, пожалуйста.

Энни выудила из кармана мелочь и протянула ей.

Женщина выдала карандаш.

— У вас есть читательская карточка, дорогая?

Во второй раз лицо Энни побледнело.

— Это карта заводится на всех наших посетителей, так что поищите документы. Вам понадобится что-нибудь с вашим адресом, чтобы подтвердить вашу личность. — Женщина смотрела самодовольно, явно ожидая, что у Энни с собой ничего не будет.

Энни пришлось улыбнуться, чтобы не схватить женщину и не встряхнуть её хорошенько.

— Я только посмотрю в своей сумке, которую вы велели мне положить в шкафчик пять минут назад.

В сумке она обнаружила смятую банковскую выписку и полицейское удостоверение. Она захлопнула металлическую дверь и заперла её, а обернувшись, увидела, что женщина уже помогает какому-то мужчине, который хочет найти родителей своей матери. Энни подумала, что сейчас закричит от отчаяния, когда голос сзади пришел ей на помощь.

— Я могу вам помочь?

Она обернулась и увидела улыбающегося ей молодого человека лет двадцати.

— Да, пожалуйста, это было бы замечательно. Я пытаюсь найти какую-нибудь информацию о старом особняке в лесу за аббатством. Но для этого мне нужно завести карточку читателя и иметь карандаш, и, честно говоря, я понятия не имею, о чем она: я запуталась.

Деклан, судя по надписи на его бейдже, рассмеялся, и Энни почувствовала облегчение.

— Хм-м-м Хильда, как правило, оказывает такое воздействие на всех. Пойдемте, я вам помогу.

Она последовала за ним к столу и через две минуты заполнила бланк, который Деклан взял у неё вместе с удостоверением личности, чтобы сделать фотокопию. Теперь Энни стала гордой обладательницей совершенно новой сине-белой читательской карточки.

— Присядьте, а я принесу все, что у нас есть по особняку в аббатстве Вуд, вы ведь о нем говорите?

— Спасибо. Мой брат — смотритель, и я интересуюсь историей этого места.

— Ух ты, это правда, так круто. Такое большое старое страшное место. Вы же знаете, что он мог бы сколотить целое состояние, организовав экскурсии с привидениями. У меня куча приятелей в колледже, которым было бы интересно.

— Неплохая идея, я ему обязательно расскажу. Между нами говоря, думаю, он слишком напуган, чтобы даже войти туда.

Они оба рассмеялись слишком громко, что не понравилось Хильде, и она бросила на них грозный взгляд. Деклан исчез, а Энни направилась к огромному дубовому столу в углу, за которым с комфортом могли разместиться четыре человека.

Он вернулся с двумя большими коробками.

— В этой больше всего. Есть фотоальбомы дома, когда он был построен, и семьи, которая там жила; это действительно был красивый дом. В другой коробке лежат семейные письма от сына к матери, его, должно быть, отправили в интернат или что-то в этом роде. Я читал их некоторое время назад, пока Хильда не застучала меня и не заставила разложить все газетные вырезки от начала времен в алфавитном порядке. Существует также бухгалтерская книга со списком персонала дома, когда он работал на полную мощность. Это

должно занять вас на какое-то время. Если вам еще что-нибудь понадобится, дайте мне знать.

Он ушел, и Энни почувствовала, что к ней вернулась вера в человеческую доброту. Хильда прошла мимо, она все еще сердито смотрела на неё, поэтому Энни одарила её самой широкой улыбкой, на какую только была способна. Подняв тяжелую коробку с фотографиями, она почувствовала волнение. Обычно она легка в общении, но последние дни превращали её в нервную истеричку.

Открыв первую книгу, она увидела фотографии особняка во всем его великолепии: от его вида захватывало дух, он выглядел именно так, как она себе и представляла. Дом был наполнен произведениями искусства и великолепной мебелью. Потрепанные фотографии цвета сепии не передавали в должной мере красоту дома, но Энни не торопилась и изучала каждую из них. В конце концов, она добралась до последней страницы, на которой неожиданно оказалась, запечатлена классная комната, в которой она была вчера: все выглядело точно так же: книги, парты, все. Холодок пробежал по её телу, когда чей-то голос прошептал ей на ухо: «Я иду искать, кто не спрятался, я не виноват».

Другой голос прервал её транс.

— С вами все в порядке?

Энни подняла глаза и увидела Деклана, стоящего над ней с озабоченным лицом.

— О да, спасибо, извините, я просто замечталась.

Он подмигнул ей.

— Меня прислала Хильда. Она думала, вы сейчас упадете в обморок.

Он оставил её, и она закрыла книгу, положив её обратно в коробку поверх другой, с семейными фотографиями. Энни было страшно смотреть на них. Она не хотела знать, похож ли Эдвард на страшного молодого человека с черными глазами из её снов. Или Элис, что, если она похожа на неё, тогда что? Закрыв коробку крышкой, она пододвинула к себе вторую. В ней лежали пачки писем и красный кожаный гроссбух. Она взяла письмо и начала читать. Эдвард рассказывал матери, как сильно скучает по ней и по домашним пирожным кухарки, и все о своей новой школе. Казалось неправильным, что чьи-то личные письма должны быть доступны для публичного чтения. Почти так же неправильно, как читать чей-то личный дневник, Энни? Она бы сильно разозлилась, если бы её личные вещи выставили на всеобщее обозрение, не то чтобы у неё есть что-то стоящее, но эта мысль все равно заставляла её чувствовать себя неловко. Эдвард, написавший эти письма, казался заботливым, любящим молодым человеком. Она положила их обратно и достала гроссбух.

На первой странице в колонке располагался список имен работников. Они все были там: Элис, Гарольд, Альфи, Милли, Томас и еще несколько человек, о которых Энни не читала. Она положила книгу обратно в коробку и встала. Она увидела достаточно доказательств, чтобы понимать, что дневник не был подделкой. Все в нем подтверждалось фотографиями и документами, лежавшими перед ней. Энни просто не уверена, что все это значит и во что именно она ввязалась.

Деклан подошел к ней.

— Вы нашли то, что искали?

Энни кивнула.

— Да, спасибо, думаю, даже больше.

— Ну, теперь у вас есть собственная карточка читателя, и вы сможете вернуться в любое время.

Она наклонилась к нему и прошептала:

— Не думаю, что у меня хватит смелости снова встретиться с Хильдой. Но вы были великолепны, большое спасибо за вашу помощь. — Энни пошла к шкафчикам, забрать свою сумку, почесывая при этом голову.

Деклан улыбнулся ей.

Он, наверное, удивляется, почему она не сняла эту дурацкую шапку.

Глава 10

Уилл доехал до дома Дженны через несколько минут. Дела наконец-то сдвинулись с мертвой точки. Если бы только кто-нибудь поговорил с Эрин в субботу, к делу бы отнеслись серьезнее гораздо раньше. Миссис Уайт открыла дверь, и Уиллу стало её жалко. Она выглядела измученной, её глаза покраснели и опухли от слез. «Где, черт возьми, офицер по связям с семьей? Что, если бы я был тем стервятником из газет?»

— Миссис Уайт, я разговаривал с Эрин, можно войти? — Он последовал за ней к кухонному столу, заваленному скомканными салфетками. В центре стоял ярко-желтый чайник, который выглядел неуместно в этом мрачном доме. Уилл присел на тот же стул, что и вчера.

— Эрин сказала мне, что Дженна познакомилась с мужчиной в интернете и планировала встретиться с ним в пятницу вечером.

Громкий всхлип вырвался у женщины, которая пыталась взять себя в руки.

— У вас есть какие-нибудь предположения, кто этот мужчина, может быть, имя, которое вы слышали впервые на этой неделе?

Она покачала головой.

— Эрин сказала мне, что этот мужчина прислал Дженне билеты на концерт Мерлина Мэнсона в Манчестере. Она когда-нибудь говорила вам об этом? — Он знал, что хватается за соломинку. Было очевидно, что Дженна держала все в тайне.

Миссис Уайт высоко подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Дело не в том, что я плохая мать, детектив, просто мы, кажется, только и делаем, что спорим. Она проводит большую часть времени в своей спальне за чертовым ноутбуком. Я знала, что это плохая идея — читала в газетах эти ужасные истории, но не думала, что проснусь и окажусь в одной из них.

Уилл потянулся и взял её за руку.

— Я совсем не говорю, что вы плохая мать, миссис Уайт. Подростки могут быть ужасными. Я понимаю, что это нелегкое испытание, и мне страшно думать о тех страданиях, которые я причинил своим собственным родителям. Я просто хочу найти Дженну и привезти её домой. Вы не возражаете, если я еще раз поищу эти билеты? Они действительно очень важны.

Она крепко сжала его руку.

— Мне все равно, даже если вы разнесете дом на куски, если это поможет вам вернуть моего ребенка.

Офицер по связям с семьей вошел в комнату, неся пухлую пластиковую сумку.

— Доброе утро, сержант. Я выходил, чтобы запастись кое-чем необходимым. Хотите кофе?

Уилл покачал головой. Не в его характере было отказываться от кофе, но он не мог вынести гнетущей атмосферы: ему хотелось поскорее выйти на свежий воздух.

— Мне только хотелось бы быть уверенным, что вы находитесь здесь, чтобы встречать

посетителей, пока мистер Уайт не вернулся домой. — Уилл отпустил руку миссис Уайт и извинился. Какое начало его новой работы!

Он взбежал по лестнице и открыл дверь в спальню Дженны. Плаката в натуральную величину на стене было достаточно, чтобы вызвать у кого угодно кошмары. Он достал телефон и позвонил Джейку.

— Когда вы проверяли комнату Дженны, вы находили билеты на концерт? Нет, хорошо, спасибо. — Уилл остановился и огляделся. Все обычные места были проверены Джейком, а затем Дебс из криминалистической службы. Они должны быть где-то здесь, и если Дженна не сказала родителям, то они должны лежать в последнем месте, где будут искать.

Уилл снова уставился на плакат. Один угол был слегка порван и немного потерт, как будто его часто трогали. «Уилл, ты чертов гений». Он вытащил из кармана брюк пару латексных перчаток, натянул их и осторожно отодрал плакат от стены. Ему захотелось завопить от восторга, когда он увидел пластиковый конверт, прикрепленный к стене внизу. Внутри лежали два нетронутых билета на концерт.

Зазвонил телефон, и он вытащил его из кармана, прижав плечом к уху. Это была Лора.

— Сержант, первого октября состоится концерт Мэрилина Мэнсона.

Уилл продолжил:

— «Манчестер Арена», начало в шесть тридцать, спасибо, Лора, я их нашел. Ты уже поговорила с айтишниками?

— Не очень хорошая новость, у них не хватает персонала, и они как раз каталогизируют последние фотографии с компьютера какого-то педофила для судебного дела на этой неделе. Они обещают, что займутся ноутбуком Дженны сразу после этого. Я дала им ваш мобильный и сказала, что результат вам нужен сегодня, и чтобы они позвонили и сообщили, что обнаружат, прежде чем кто-нибудь из них исчезнет домой.

— Хорошо, спасибо.

Уилл добрался до участка в рекордно короткие сроки, не прибегая к помощи синих огней и сирен. Он направился напрямик в большой угловой кабинет, служивший отделом криминалистики и ничем не напоминавший блестящие, захватывающие картины по телевизору. Всего лишь большая квадратная комната с четырьмя письменными столами посередине и столешницами по бокам, вдоль которых стояли различные предметы оборудования. Здесь всегда было темно, так как окна выходили на оживленную улицу, поэтому жалюзи оставались закрытыми. Дебс сидела за столом в самом дальнем углу, уставившись на экран компьютера. Он одарил её широкой улыбкой, когда подошел и посмотрел через её плечо на самые ужасные фотографии, которые он когда-либо видел.

— Боже милостивый, это что, семейный альбом?

Она ткнула его локтем в живот.

— Как ты догадался?

— Эта частично отрубленная голова, она поразительно похожа на тебя.

— Скажи мне, Уилл, ты пришел в мой кабинет, чтобы посмеяться надо мной, или тебе действительно что-то нужно?

— И то и другое. Нет, серьезно, мне нужно, чтобы ты проверила эти билеты на отпечатки пальцев, потому что ты лучший криминалист в участке.

— Ты хочешь сказать, что я единственный криминалист? — Она так быстро натянула латексные перчатки, что если бы он моргнул, то не заметил бы.

— Ого, ты так быстро управляешься со старой резиной. Держу пари, нашему Стюарту

это нравится.

Она рассмеялась.

— У тебя одни пошлости на уме, Уилл.

— Я нашел билеты в спальне Дженны Уайт.

Она повернулась к нему, открыв рот.

— Где? Я вчера там все обыскала.

— Они были приклеены к стене за тем странным плакатом. — Уилл старался не злорадствовать, но это было трудно. Трудно удержаться с Дебс, она всегда такая педантичная.

— Я впечатлена, действительно хорошее укрытие. Стоит запомнить. Дай мне десять минут, и я посмотрю, что смогу найти.

Уилл наклонился и поцеловал её в щеку.

— Спасибо, солнышко.

В офисе все были заняты делом, что не могло не радовать. У них наконец-то появились зацепки, которые стоило отработать, и атмосфера была напряженной.

Стюарт подошел и сел на край стола Уилла.

— Я запросил распечатку звонков с её мобильного телефона и сказал, что это срочно. Еще пытался отследить номер, с которого заказывали билеты, но по нему глухо, числится как не активированный.

— Стью, ты говоришь мне не то, что я хочу услышать.

— Дай мне шанс. Телефон с этим номером был частью партии, отправленной на реализацию в большой «Теско» в прошлом году. Если ты хочешь знать мое мнение, его невозможно отследить.

— Ну, я же тебя не спрашиваю? Это может сузить наши временные рамки. Если его купили совсем недавно, ты мог бы пойти в «Теско» и поискать по камерам видеонаблюдения, попросить их проверить на компьютере даты, в которые они могли его продать.

Стью поморщился.

— Попробовать стоит, но я бы сказал, что шансов на это крайне мало и это самая дерьмовая работа, которую я когда-либо выполнял. Скорее всего, окажется, что это телефон одного из её приятелей.

— Я согласен, это все равно, что искать иголку в стоге сена, но в любом случае нужно проверить, и кто-то должен это сделать. Прямо сейчас ты — человек для этой работы. Еще стоит попросить оператора связи побыстрее отследить её телефон теперь, когда мы знаем, что это более серьезно, чем подростковая размолвка.

Лора закончила разговор и бросила трубку.

— Ублюдки не выдадут никакой информации о том, кто купил билеты, если у них нет моего удостоверения личности. Какая наглость.

Уилл пожал плечами.

— Наверное, защита данных и все такое прочее. Дай мне номер. Я скажу им, что ты отправишь по факсу копию своих документов.

Стью рассмеялся, глядя на Лору, которая схватила телефонную книгу и швырнула ему в голову.

— Заткнись на хрен, разве тебе не пора в «Теско»?

Уилл посмотрел на них.

— Ну-ну, ведите себя прилично, детки. Мы же не хотим, чтобы кого-то из вас сейчас обвинили в том, что вы пара придурков?

Глава 11

Ему было интересно, чем занимаются родители, когда их дети рассказывают совершенно незнакомым людям истории о своей жизни. Последняя девушка, с которой он болтал, сказала ему, что ей восемнадцать, и спросила, не хочет ли он посмотреть на неё через веб-камеру. Он не совсем понимал, что это значит, и, когда на экране появилось сообщение с просьбой принять приглашение, нажал «ввод». Заинтригованный, он наблюдал, как на экране появилось расплывчатое изображение. Когда оно стало четче, он увидел, что девушка сидит на краю кровати в одном нижнем белье. Она спросила, не хочет ли он, чтобы она станцевала для него, и он сидел на кровати, замороженный, наблюдая, как она извивается. Она была такой смелой, что он поймал себя на том, что возбуждается. Он ни за что не попросит её встретиться с ним, она слишком возмутительна. Нет, он предпочитал, чтобы они были тихими, немного другими девушками, которые не стали бы сильно сопротивляться. Хотя, если бы ему понадобилось быстро снять напряжение, он, конечно, снова бы связался с этой.

Со следующей девушкой он уже договорился, назначив ей встречу на стоянке возле кафе. Девушка не хотела идти в лес одна. Она казалась гораздо более робкой, чем Дженна. Она даже спросила, можно ли взять с собой подругу, и он подумал, что, если он не сможет убить их обеих; одна сможет убежать и поднять тревогу. С другой стороны, куда ей бежать? Подвал огромен, и он знал каждый уголок и щель. Если ей удалось бы сбежать, она будет в ужасе сидеть там одна в темноте, и он испытывал сильное искушение сказать «да».

Энни вернулась домой и рухнула на диван. Голова зудела и болела. Она швырнула шапку через всю комнату, радуясь, что сейчас не лето. Она проклинала Майка. Почему она не ушла от него раньше, до того, как дело дошло до этого? Зазвонил телефон и на экране высветился неизвестный номер, вероятно, это кто-то с работы. Она ответила, радуясь голосу Уилла.

— Откуда у тебя мой номер? — Энни знала, что выяснить его достаточно просто. Ему нужно было только спросить Джейка или кого-нибудь в участке, она просто хотела подразнить его.

— Из письма, которое ты отправила давным-давно. Ты всегда ставишь свой номер телефона в письмах, которые посылаешь незнакомым мужчинам?

— Конечно, а ты нет?

— Нет, если пишу мужчинам, а вот красивым женщинам, определенно. Я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь и скучаешь ли вообще по мне?

Энни почувствовала, как у неё екнуло сердце.

— Ну, знаешь, я в полном порядке, учитывая, что с тех пор, как мы в последний раз разговаривали, прошло всего четыре часа.

— Помнишь, я обещал прийти и приготовить тебе ужин завтра вечером?

Энни почувствовала, как на глаза навернулись горячие слезы, и начала моргать. Очень надеялась, что в её голосе не будет слышно разочарования: она знала, что это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Все в порядке, Уилл, я понимаю, как ты занят, мы можем встретиться в другой раз.

— О, я хотел сказать, что, возможно, завтрашний вечер у меня будет занят, и подумал,

не могу ли я прийти сегодня?

Она не ожидала такого.

— Если хочешь, я не возражаю. Я не занята сегодня вечером. — Или в любой другой, если быть точной.

Уилл рассмеялся с облегчением.

— Хорошо, я очень рад, что ты нашла для меня время. В восемь нормально? Я обещал Каву угостить его пинтой пива после работы, так что к тому времени освобожусь, может быть, чуть раньше.

— Восемь — отлично. Тогда увидимся. — Энни положила трубку, не желая, чтобы он подумал, будто она в отчаянии.

Лора сидела в углу, хмуро уставившись на экран компьютера. Стью улыбнулся ей.

— У тебя свидание, босс?

— Какой ты любопытный, Стью. Да, и, если хочешь знать, с твоей женой.

Стью рассмеялся.

— Ага, конечно, у неё дома уже есть настоящий мужчина. Она не стала бы уделять тебе время.

Дверь открылась, и вошла Дебс, которая полностью проигнорировала своего мужа и направилась прямо к столу Уилла. Она села на угол рядом с Уиллом, который рассмеялся так громко, что Лора даже улыбнулась. Стью нахмурился.

— Хотел бы я поставить на это десятку, Стью.

Дебс посмотрела на мужа и подмигнула, затем повернулась и внимательно посмотрела на Уилла.

— Ты хочешь сначала услышать хорошие или плохие новости?

— Меня устраивает и то, и другое.

— Ну, я обнаружила несколько отпечатков. Вчера я сняла сравнительные отпечатки с ноутбука Дженны, прежде чем его увезли в штаб. Два совпадают с отпечатками Дженны, но есть один действительно хороший отпечаток большого пальца в углу, который ей не принадлежит. Плохая новость в том, что его нет в системе.

Уилл глубоко вздохнул.

— Спасибо, Дебс. Я как раз рассказывал твоему мужу, какая ты звезда.

Глава 12

Энни включила компьютер в кабинете и уставилась на экран, ожидая, когда он загрузится. Её разум был переполнен образами дома — её собственное личное слайд-шоу — но образ одной комнаты, чаще всего всплывал в воображении: классная комната. Она осматривала эту комнату и прикасалась к вещам, изображенным на фотографии. Она держала оловянных солдатиков между пальцами и чувствовала холодный металл, из которого они были сделаны. Но как? В этом нет никакого смысла. Она посмотрела на дневник, который положила на стол рядом с собой. Ей отчаянно хотелось прочесть еще что-нибудь, но в то же время она была в ужасе, потому что знала, что написанное там мешает её и без того измученному разуму. По крайней мере, размышления о старом особняке удерживали мысли о Майке на расстоянии.

Когда Гугл наконец загрузился, она набрала «Аббатство Вуд». Появилось очень мало. На первом снимке был изображен дом, точно такой же, как тот, что она видела в архиве. Имелось несколько статей о доме и семье, но ничего похожего на то, что она ожидала.

Наверняка, несчастные случаи в таких домах должны были служить в то время рассадником сплетен. Энни начала думать, что это самый неизвестный дом с привидениями в мире. И тут ей в голову пришла мысль: а что, если это не привидение, а всего лишь плод её воображения?

Голова закружилась, а глаза стали такими тяжелыми, что она с трудом держала их открытыми. Энни встала, подошла к дивану, который стал её временной постелью, и уютно устроилась на пуховом одеяле, которое оставила там сегодня утром. Когда она разговаривала с доктором, он сказал, что её тело должно восстановиться, и она должна отдыхать как можно чаще. Она задремала и очутилась в доме. Энни знала, что оказалась дома и что это единственное место, которому она действительно принадлежит. Это было трудно описать, но она чувствовала себя так, словно отсутствовала очень долго и была рада вернуться.

Ноги несли её из комнаты в комнату; все было так, как она помнила. Роскошные бархатные портьеры, украшавшие каждое огромное окно, все еще чувствовали тепло её рук. Богато раскрашенные обои оживили дом. Оказавшись в библиотеке, она взяла свою любимую вазу с изящной ручной росписью. В воздухе витал пьянящий аромат лилий, которые она каждую неделю расставляла в ней. Стул, на котором Эдвард держал её, навеял воспоминания, и слезы потекли по щекам: она так одинока.

Пройдя по длинному коридору, чтобы добраться до кухни, она сильно расстроилась, когда увидела, что Альфи и кухарки там нет, чтобы приветствовать её: где все? Она ожидала увидеть их сидящими за обшарпанным сосновым кухонным столом с чашками чая в руках и грызущими свежее испеченное печенье, которое кухарка готовила каждую неделю. Кончиками пальцев она провела по дереву, ощупывая гладкую от долгого использования поверхность. Часов, которые она провела, сидя вокруг него, за едой и сплетнями, было слишком много, чтобы сосчитать.

Дверь в посудомойную была приоткрыта, и по её спине пробежал холодок, стоило только взгляду остановиться на двери в подвал. Она боялась ужасной темноты внизу и чего-то еще, что было заперто в глубине её сознания. Энни вышла из кухни и направилась обратно в большой зал, к подножию лестницы. Почему в доме так пусто? Она чувствовала себя хозяйкой дома, но знала, что это невозможно, потому что она не леди Ханна и не горничная Элис. Она посмотрела вниз и увидела, что на ней красивое платье из бледно-голубого шелка. С её губ сорвался вздох. Проведя рукой по украшенному драгоценными камнями корсажу, она ощутила крошечные жемчужины, которые были старательно пришиты вручную. Именно такое платье носила леди Ханна.

Она поднялась по лестнице, где её встречал самый красивый молодой человек, которого она когда-либо видела.

Она посмотрела на него, а затем бросилась вверх по последним ступенькам и упала в его объятия.

Энни, в своем состоянии полуяви-полусна, пребывала в ужасе, но она была бессильна остановить это видение с собой в главной роли. Сильные руки сомкнулись вокруг её талии, когда он подхватил её и развернул. Она посмотрела в его холодные черные глаза, и её затоснило.

Он ухмыльнулся.

«Я всегда знал, что ты вернешься ко мне, — Эдвард притянул её к себе, его губы коснулись её уха. — Я вижу, как ты, Элис, притворяешься кем-то другим, хотя должен сказать, что это довольно хорошее укрытие. Определенно одно из твоих лучших, но я знаю,

что ты там. Почему бы тебе не выйти поиграть?»

Энни открыла глаза и резко выпрямилась. Каждый нерв в её теле был на пределе. Голос шептал прямо ей в ухо, и это было так реалистично. Она подняла руку, чтобы пощупать ухо, и вздрогнула; оно было ледяным на ощупь. Она задрожала еще сильнее. Температура в комнате значительно упала, Энни зарылась лицом в ладони и зарыдала.

Позже, когда слезы утихли, она заметила, что огонь угасает. Заставив себя пошевелиться, она бросила в него пару поленьев и принялась ковырять. Наблюдая, как он потрескивает, не сосредотачиваясь ни на чем, кроме голубых и оранжевых огоньков, Энни находила в них некоторое утешение. Она подумала о спиритической церкви, которую посетила на прошлой неделе после того, как нашла флаер, приколотый к доске объявлений на кухонной стене: в то время это казалось хорошей идеей.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз была в церкви, в любой церкви. Сидя в кругу, она последовала за всеми остальными и склонила голову. Ощущение, что за ней наблюдают, заставило её поднять глаза и увидеть мужчину средних лет, пристально смотрящего на неё. Она почувствовала, как покраснели её щеки, и встретила с ним взглядом, ожидая, что он отвернется. Она непроизвольно потянулась к шапке, чтобы убедиться, что та закрывает затылок. Он не мог знать о ней, это был самый большой секрет в полицейском участке. Даже её собственная мать не знала. Снова подняв голову, она посмотрела, смотрит ли он по-прежнему, и с облегчением заметила, что его внимание переключилось на приглашенного оратора, который теперь занял свое место в передней части круга.

Потом все началось, все головы одновременно поднялись; ожидание и надежда наполняли комнату напряжением. Большинство из присутствующих были женщинами, на их лицах застыло выражение отчаяния. Говоривший был известным медиумом из Бернли, судя по информации на плакате, прикрепленном к двери. Энни улыбнулась про себя, он походил на шестидесятилетнего хиппи с самыми зелеными глазами, которые она когда-либо видела. Но это были добрые глаза, которые компенсировали его странный вкус в одежде.

Он улыбнулся Энни.

— Вы не возражаете, если я начну с вас? Это очень важно.

Её глаза расширились от страха перед тем, что он собирался сказать, но она кивнула, и он закрыл глаза. Атмосфера в комнате почти потрескивала, настолько она была полна напряжения.

— Ты притягиваешь опасность.

Энни не знала, плакать ей или смеяться. Вместо этого она заставила себя улыбнуться и посмотрела на старуху рядом с собой.

— Что-то большое на горизонте, и это изменит твою жизнь, ты никогда больше не будешь прежним человеком. — Он открыл глаза и уставился на неё. — Кровь и смерть найдут тебя. Все, что я вижу, — это холодные мертвецы. Ты стоишь посреди них, окруженная ими.

Энни резко встала, и тишину нарушил скрип стула по паркету. Одна пожилая дама ахнула от шока, Энни нагнулась, чтобы поднять свою сумку, и быстро пошла к выходу. Она знала, что все присутствующие наблюдают за ней, но ей было все равно, она ушла, позволив дверям церкви хлопнуться за её спиной. Оставшимся будет, о чем поговорить. Какая зачушь.

Холодный ночной воздух окутал её. Одиноким мерцающим уличным фонарем отбрасывал

темные тени на пустую автостоянку. Подбежав к машине, Энни села и заперла за собой дверцы. Дрожащими руками она вцепилась в руль. Внезапно раздался стук в окно машины, и Энни чуть не выпрыгнула через крышу.

Медиум пожал плечами в знак извинения, и она опустила стекло вниз на дюйм.

— Я очень, очень, сожалению. Я не хотел вас расстраивать. Такого со мной еще никогда не случилось, а я занимаюсь этим уже давно. Какой бы дух ни пытался поговорить с вами, он был намного сильнее, чем я когда-либо встречал.

Энни внимательно посмотрела на него. Обычно она хорошо разбиралась в людях, но не могла решить, был ли он повернутым на всю голову или настоящим медиумом.

— Все в порядке, у меня не очень хорошая неделя, не знаю почему, но я подумала, что приезд сюда может помочь.

— Иногда мы все нуждаемся в руководстве. Послушайте, мне действительно нужно поговорить с вами, но не перед аудиторией. — Он просунул в щель маленькую смятую визитную карточку. — Можете позвонить мне по этому номеру. Если я не отвечу, оставьте сообщение. Я обещаю, что вернусь к вам. Нам нужно докопаться до сути, потому что я чувствую, что это никуда не денется просто так.

Энни смотрела, как он идет обратно в церковь и думала, неужели её жизнь может стать еще более странной?

Энни надеялась, что Дерек все еще в городе. Может быть, поговорить с ним не повредит. По крайней мере, он ей поверит. Она считала, что все это чепуха, но происходящее становилось еще более странным. Взяв ключи от машины, она направилась к бардачку, чтобы проверить, на месте ли его визитка.

Раннее вечернее солнце отбрасывало повсюду тени, поэтому она не обратила никакого внимания на то, что была в окне сеного сарая.

Взяв в руки визитку, она почувствовала облегчение. «О, Энни, что с тобой? Что ты принимаешь? Дерек из целительных сил, серьезно?»

На кухне зазвонил телефон, и она побежала в дом, чтобы ответить.

— Пожалуйста, не могла бы ты открыть мне ворота? Я буду слишком измотан, чтобы идти оттуда пешком, — попросил Уилл. — И есть что-нибудь, что ты не любишь есть?

— Немного, единственное, чего я не переношу, — это кровяная колбаса и печень. Я оставлю ворота открытыми. Просто захлопни замок, как только проедешь.

— Господи, Энни, неужели ты думаешь, что я какой-то каннибал? Самые экзотические блюда, которые я готовлю, — это куриные энчилады.

— Звучит для меня как рай, и не забудь про пудинг. Мне строго-настрога предписано не садиться на диету, пока не заживет голова.

— Разве я стал бы лишать леди десерта? Никогда. Но он будет из коробки.

Он повесил трубку, и она улыбнулась: не все так мрачно.

В следующий час особняк и его призраки были стерты из её памяти, пока она пылесосила, как маньяк. Взяв полотенце из корзины для белья, она быстро вытерла пол и наполнила посудомоечную машину. Довольная, она побежала наверх, чтобы принять душ, по крайней мере, ей не придется трагично тратить целую вечность на прическу. Макияж, с другой стороны, требовал некоторого времени. Сделав все, что было в её силах, она сбрызнула себя «Шанель № 5»: если достаточно хорошо для Мэрилин Монро, то хорошо и для неё. Взглянув на часы, она поняла, что еще успевает спуститься в лес, чтобы открыть ворота, и заодно выгулять Тесс.

Он смотрел, как она уходит, забирая с собой собаку. Он не совсем поверил в это, когда она заперла дверь кухни, но сунула ключ под крашенный камень на кухонном подоконнике. Он встал, вытянул руки и ноги, затем вышел из сарая и прислушался, не раздадутся ли шаги или какой-нибудь признак того, что глупая собака все еще где-то рядом: все было тихо. Он подошел к кухонной двери и остановился, не решаясь войти. Может быть, просто быстренько разведать, как устроен дом. Он вытащил из-под камня ключ, вставил его в замок, повернул и нажал на ручку. Дверь открылась, и он вошел.

Глубоко вздохнул. Её духи витали в воздухе, и что бы это ни было, они ей подходили. Шарф, который она носила вчера, был брошен на один из обеденных стульев. Подняв, он поднес его к носу: пахло божественно. Если она так хорошо пахла, то он не мог дожидаться, когда сможет приблизиться к ней. Его так и подмывало подняться наверх и спрятаться где-нибудь, может быть, под кроватью. Он начал фантазировать о том, что он мог бы сделать с ней и шарфом, когда звук автомобильного двигателя вдалеке вернул его к реальности, и он запаниковал.

Он быстро вышел из дома, запер дверь и сунул ключ туда, откуда взял, а затем побежал в рощу перед домом, направляясь к дереву с самым толстым стволом. Он старался слиться с деревом, как только мог, не смея пошевелиться. Свет быстро угасал, и лес уже полон темных теней, и если собака не унюхает его, он должен быть в порядке.

Он затаил дыхание, когда в поле зрения появилась машина. Она сидела на пассажирском сиденье черного «БМВ», а за рулем сидел вчерашний мужчина. Гнев начал образовывать тугой узел в его груди, когда он увидел, как она запрокинула голову и рассмеялась над чем-то, сказанным водителем. Костяшки его пальцев сжались в крепкие белые кулаки. Дрожа, он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы не броситься туда и не убить их обоих: он знал, что способен на это. Он посмотрел вниз и увидел её шарф, крепко зажатый в кулаке. Поднеся его к носу, он еще раз понюхал — смакуя запах — и обернул его вокруг шеи. Он подождал, пока они войдут в дом, и побежал обратно по главной дорожке. Вытащил из кармана поводок на случай, если его кто-нибудь увидит.

Глава 13

Когда они вошли в дом, Энни остановилась, почувствовав, что что-то не так, но она не могла понять, что именно. Её внимание переключилось на Уилла, который вытряхивал содержимое своего пакета на стол. Походило на какую-то странную сцену из кулинарной программы, которую она обычно смотрела днем по телевизору до того, как поступила в полицию. Она почти ожидала, что в любую секунду войдет Эйнсли Харриот³.

Первый раз в жизни мужчина предложил приготовить для неё ужин. Майк был настолько бестолковый и ленивый в кухонных делах, что ей приходилось заваривать ему чай и оставлять его в микроволновке, когда она работала в вечерней смене. Она могла бы привыкнуть к чужой заботе. Открыв холодильник, она достала бутылку своего любимого розе.

— У меня есть розе, или могу сходить в тайник моего брата в сарае и взять хорошую бутылку красного.

— Попробую бокал той розовой девчачьей штуки, которую ты называешь вином. Я заметил, что у тебя их много.

Она улыбнулась, открыла бутылку и разлила вино в два больших бокала.

— Ты действительно нахал. Тебе кто-нибудь говорил об этом, кроме меня?

Уилл повернулся к ней лицом, и его улыбка добралась до васильковых глаз, сверкнувших на свету. Энни изо всех сил старалась не вздыхать: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она сейчас в своем любимом месте в мире, с великолепным мужчиной, который мог готовить и даже пить то же вино, что и она.

— Хочешь нарезать салат?

И вот так её мечта разбилась вдребезги.

— Ты никогда не слышал о готовой нарезке для салатов?

— Да, и кто теперь нахальничает. Они не так хороши на вкус по сравнению с теми, что делаешь сам. Я хочу, чтобы ты знала, что я сам выращивал эти помидоры и огурцы, и хотя это может не соответствовать стандартам «Ритца», ты все равно будешь наслаждаться приличной домашней едой.

Энни сделала глоток вина.

— Спасибо, это очень любезно с твоей стороны, но я вроде как прекрасно справляюсь сама. Я же не умираю с голоду и вполне могу приготовить что-то простое.

Уилл снова повернулся к сковороде, добавляя нарезанный перец чили и специи к курице и овощам. Пахло изумительно, и в животе у Энни заурчало, просто в доказательство, что она ошибается.

Уилл пригубил вино.

— Знаешь, не так уж плохо. На самом деле оно гораздо лучше, чем я себе представлял, но не говори Джейку, что я его пил.

Энни решила не говорить ему, что Джейк сказал почти то же самое: очевидно, это что-то из разряда мужских заморочек. Достав из ящика столовые приборы, она принялась накрывать на стол. На полу рядом со стулом валялось несколько прутиков сухой соломы. Наклонившись, чтобы поднять их, она удивилась, как они попали туда, ведь она все пропылесосила раньше.

— Ты готова разбудить свои вкусовые рецепторы? — Уилл принес тарелку с тортильей и тарелку с салатом. Они сели есть. Энни забыла о соломинке, она слишком наслаждалась стряпней Уилла. Они ели молча, а когда закончили, Энни откинулась на спинку стула и вздохнула.

— Это было потрясающе, что у тебя за рецепт?

Уилл допил вино и снова наполнил оба бокала.

— Если я скажу, мне придется тебя убить.

Энни была так счастлива, что решила, что это мог бы быть не самый плохой конец.

— Пойдем, посмотрим фильм, — предложил он.

Энни провела его в уютную комнату и улыбнулась, увидев удивление на лице Уилла: эта комната, вероятно, была мужским эквивалентом женской гардеробной. Здесь был пятидесяти восьмидюймовый плазменный телевизор со всеми каналами кабельного телевидения, стена, вдоль которой тянулись полки с сотнями фильмов, ревущий камин и самый большой диван в мире.

— Твоему брату нужен жилец? Когда я смогу переехать?

— У него уже есть один, извини. Но если я когда-нибудь разберусь со своей печальной, жалкой жизнью, он, возможно, рассмотрит твоё предложение.

Энни выглядела прекрасно, и Уилл почувствовал, как кровь побежала по венам быстрее, чем обычно. Взяв пульт, он начал переключать каналы, чтобы отвлечься от мыслей о ней. Он хотел сделать все, что не совсем подходило для первого свидания, тем более, что он даже не

знал, был ли их ужин свиданием; он изо всех сил пытался понять это.

Со своей последней девушкой на их первом свидании он вытворял такие вещи, которые, по его мнению, не должны быть разрешены ни на одном свидании. Страсть оказалась единственной, что их объединяло. Через два месяца он уже не мог выносить её навязчивость и слезы каждый раз, когда он говорит о ком-то с работы. Когда она ушла от него к мойщику окон, он не испытал ничего, кроме облегчения. Энни была совсем другой; легко шутила о своей нелегкой семейной жизни, не говоря уже о том, что понимала загруженность работой полицейских, плюс её декольте выглядело потрясающим. Последние две его подружки были такими тощими, что он мог с уверенностью сказать, что у них в участке есть мужчины с большей грудью.

Энни вернулась с новой бутылкой вина.

— Не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление, но мне просто любопытно, как ты доберешься домой. Отсюда далеко идти. Можешь переночевать на диване, если хочешь. Он достаточно большой, чтобы на нем могла сидеть команда регбистов, и очень удобный. На самом деле, я провожу здесь большую часть ночей. Плохо сплю наверху.

Уиллу понравилась мысль об Энни, лежащей на этом диване.

— Я совсем об этом не думал, но мне лень идти домой на своих двоих, так что, если ты не возражаешь, останусь здесь. Обещаю не пускать слишком много слюней, но могу захрапеть. — Он видел, как её глаза наполнились слезами, и она отвернулась от него. Уилл встал и положил руку ей на плечо. — Прости, я что-то не то сказал, с тобой все в порядке?

Она кивнула.

— Я опять веду себя нелепо. Меня радует мысль, что, может быть, сегодняшний вечер будет нормальным и без кошмаров.

Уилл притянул её к себе и обнял, наклоняясь, пока его губы не прижались к её губам. Он ненадолго остановился, отстраняясь, но она наклонилась, чтобы преодолеть разрыв, и их губы встретились. Они целовались, и он не хотел, чтобы это кончалось, но заставил себя отстраниться.

— Мне очень жаль, Энни. Не знаю, о чем я думал.

Энни посмотрела на выпуклость на его джинсах.

— О, я знаю, о чем ты думал.

Он почувствовал, что его щеки пылают, и, схватив её за руку, потянул за собой на диван.

— Ты так плохо на меня влияешь, Энни, что даже не представляешь, как ты хочешь воспользоваться моим телом.

Она прижалась к нему, и Уилл подумал, что это может убить его, но он покажет, что может быть джентльменом. Сейчас он испытывал счастье лишь от того, что мог прижать её к себе. Он поднял руку, стараясь не задеть её затылок.

— Все в порядке, не носить шапку, когда ты со мной.

— Уилл, мне от этого кошмары снятся, я не хочу тебя отталкивать.

Он взял шапку и осторожно стянул с её головы, наклонился и нежно поцеловал кожу над красным шрамом и линией скоб.

— Думаю, это довольно сексуально, с ним ты выглядишь такой крутой. Я бы побоялся с тобой связываться.

Она повернулась к телевизору, но он заметил улыбку на её лице.

Глава 14

Эмма не возражала задерживаться в музее Аббатства после его закрытия. Надгробные

плиты и горгульи, выставленные на всеобщее обозрение, могли бы вызвать у обычного человека кошмары, но она к ним привыкла. Она приезжала сюда с шести лет со своей бабушкой, которая работала здесь, и устраивала за деньги экскурсии для всех, кто был заинтересован, задолго до того, как появился аудиогид. Эмма выросла в окружении всего этого. Она знала каждый закоулок и щель развалин. За все годы, что приезжала сюда, не случилось ничего, что напугало бы её настолько, чтобы она не захотела возвращаться. Конечно, место могло выглядеть жутковато, особенно в промозглые ночи, когда клубящийся туман позволял легко представить себе парад призрачных монахов, проходящих через старые железные ворота, распевая на латыни, но на самом деле этого никогда не случалось.

Другие женщины, работавшие здесь, не оставались после наступления сумерек, запирали музей и уходили до заката. Но как всегда говорила её бабушка: «Не мертвые могут причинить вред, а живые, это их ты должна остерегаться». Поэтому Эмма работала в вечернюю смену, и почти каждый вечер оставалась допоздна. Очень удобно, потому что её компьютер был сломан, и она не могла позволить себе починить его. После того, как она пересчитывала выручку и быстро прибиралась, у неё появлялось время для себя и, благодаря недавно установленной кофеварке, имелся постоянный запас свежего кофе. Это бесконечно помогало ей в учебе в колледже, и её оценки были превосходными.

Она посмотрела на часы в углу монитора: без двух минут восемь. Дамиан всегда опаздывал. Если она велит ему явиться к половине восьмого, он будет здесь к восьми. Это единственное, что ей действительно не нравилось в нем. Он должен появиться с минуты на минуту, хотелось ей надеяться. Она выключила компьютер, проверила, все ли двери и окна закрыты, затем направилась к выходу, чтобы подождать его на улице.

Он оставил свою машину на маленькой стоянке перед музеем; теперь она стояла там одна. Он был так взбешен и не знал, как успокоиться. Внутри все горело так жарко, что у него даже болела грудь. В музее зажегся свет, и он отступил в сторону, чтобы никто его не заметил. Ему было любопытно узнать, кто еще может находиться внутри таким поздним вечером, особенно учитывая, что на улице уже стемнело. В поле зрения появилась молодая женщина с какими-то папками. Ужасная мысль начала мелькать у него в голове: она очень похожа на Дженну, только немного старше.

Он начал возиться с собачьим поводком, когда она вышла. Не став проверять парковку, она просто повернулась, чтобы запереть дверь, не замечая его, пока он не заговорил.

— Привет, извини, что беспокою, но я потерял свою собаку. Случайно не видела её здесь?

— Нет, к сожалению, нет.

Он чувствовал, как ей неловко оттого, что её застали врасплох.

— Я гулял с ней в лесу, а она убежала за кроликом или еще за кем-то. Это было два часа назад, и с тех пор я ищу. Не могу вернуться домой без неё. Моя жена убьет меня.

— Я работала в подсобке, так что ничего не видела.

Он повернулся, чтобы сесть в свою машину, и почувствовал, как её тело расслабилось.

— Ладно, спасибо. Тебя куда-нибудь подвезти? Ты же не хочешь торчать здесь одна в темноте. Никогда не знаешь, кто там. — Он не ожидал, что она скажет «да», но по выражению её лица понял, что она задумалась.

— Спасибо, но за мной должен заехать мой парень. Но он как всегда опаздывает.

С неба, затянутого тучами, начали срываться тяжелые капли дождя. Он улыбнулся про

себя. «Ну же, маленькая красавица, ты же знаешь, что хочешь». Он сел в машину и опустил стекло.

— Уверена? Это не проблема, честно. Я все равно не могу вернуться домой без собаки, моя жена предпочитает её мне.

Дождь полил как из ведра, насквозь пропитывая её одежду и учебники: вся её работа будет испорчена. Превратившись в мокрое месиво, она бросилась к машине.

— Точно не проблема?

Он улыбнулся, когда она села в машину и слишком сильно хлопнула дверцей, заставив его вздрогнуть.

— Ой, простите, я привыкла к куче железа моего парня.

— Все в порядке, не беспокойся.

Она потянулась за ремнем безопасности, но телефон выскользнул из её влажных рук и упал на пол. Эмма наклонилась, пытаясь найти его. В этот момент он схватил её за длинные темно-каштановые волосы рукой. Она вскрикнула от шока. До того, как она успела снова закричать, он крепко вцепился в её волосы, оттягивая её голову назад, прежде чем толкнул вперед с такой силой, что её голова ударилась о приборную панель, оглушая девушку. Она дернулась к его рукам, царапая их, но он крепко держал её и бил головой снова и снова, пока она не потеряла сознание. Когда она перестала сопротивляться, он нагнулся к сиденью за ножом, который спрятал там, подальше от любопытных глаз матери. Он откинул её голову назад, чтобы обнажить горло, и рассек ей шею от уха до уха, брызги крови покрыли его и ветровое стекло.

Наклонил её голову вперед, чтобы попытаться замедлить движение крови. Часть его не хотела убивать её, но у него не осталось выбора. Если он отпустит её, она сможет описать его и его машину полиции. Кровь, бьющая из открытой раны, была теплой и липкой, и он зачарованно смотрел, как из девушки вытекает жизнь.

Вдалеке сквозь ветви деревьев он увидел свет автомобильных фар, и страх быть пойманным вывел его из транса. Он затолкал её тело, насколько мог глубже в машину и провел окровавленной рукой по её волосам и пальто. Потом завел мотор и поехал в противоположную сторону от света: надо поскорее убираться отсюда.

Его руки все еще оставались скользкими от крови, и сильный медный запах заполнил машину. Он вытер их о брюки, чтобы лучше держать руль. Еще одна пара перчаток, от которых ему придется избавиться. В животе заурчало; от запаха в таком замкнутом пространстве ему стало дурно. Он ехал до тех пор, пока не добрался до игровых площадок на Рэйтинг-лейн, затем припарковал машину на пустынной аллее влюбленных и, достав из бардачка салфетки, стер пятна крови с ветрового стекла. Зловоние было ужасным, если бы полиция застукала его сейчас, его игре пришел бы конец. Он протянул руку и погладил окровавленные волосы мертвой девушки. «Думай, идиот, думай».

Глава 15

Спустя две бутылки вина и почти полностью просмотренных «Пропавших ребят» Энни изо всех сил старалась не заснуть. Она выбралась из объятий Уилла, которые крепко обнимал её. Ей нужно запереть дверь.

Он крепко спал и выглядел таким умиротворенным: ему не снились кошмары. На кухне она схватила со спинки стула куртку. Она не могла найти свой шарф, поэтому заглянула под стол, чтобы проверить, не упал ли он на пол, и вспомнила о соломе. Выпустила Тесс через заднюю дверь, та быстро присела на корточки и вернулась внутрь. Шел сильный дождь, и

Энни наклонилась, чтобы вытереть лапы старым полотенцем.

— Как тебе удастся залезть в каждую лужу, Тесс? — Энни вздрогнула, почувствовав что-то странное. Конечно, в доме никого нет, Тесс бы залаяла. Она заперла дверь, радуясь, что с ней сегодня Уилл.

Он прибрел на кухню.

— Извини, я ужасная компания. — Он выглядел еще великолепно, с затуманенными глазами и взъерошенными волосами.

— Я просто запираю дверь. Что-нибудь хочешь?

— Только тебя. Ты же не собираешься оставить меня одного на этом большом старом диване? Мы могли бы посмотреть еще один фильм. Я обещаю быть хорошим мальчиком.

Энни предпочитала думать, что он плохой мальчик, но мысль о том, чтобы прижаться к нему, показалась еще лучше. Знала, что еще слишком рано даже думать о том, чтобы начать новые отношения, но она жаждала нежности и надеялась немного поспать в его объятиях.

Он взял её за руку и повел обратно к дивану, где соорудил кровать из одеяла и подушек. Энни наблюдала, как он снял брюки, чтобы продемонстрировать лаймово-зеленые с черным боксеры «Кельвин Кляйн». Она вздохнула, как она могла лежать рядом с ним всю ночь и держать руки при себе? Не желая, чтобы он чувствовал себя раздетым, она поднялась наверх и надела пижаму «Чудо-женщины». Но она чувствовала себя неловко. Если её вид в этих шортах не заставит его броситься к двери, она, можно сказать, вытянула счастливый билет. Ей все еще непонятно, почему он здесь, но она не собиралась допрашивать его сейчас. Уилл поднял одеяло и похлопал по месту рядом с собой, и она забралась на диван, сердце бешено колотилось. Это было странно даже для неё, но она не жаловалась. Дыхание Уилла замедлилось и стало громче, когда он заснул, Энни закрыла глаза и вскоре присоединилась к нему.

Ему потребовалась вся его сила, чтобы вытащить женщину из машины. Он решил бросить её тело на пристани рядом со зданиями старой бумажной фабрики. Их должны были снести в ближайшее время, и все предприятия, которые раньше работали там, переехали. Он также знал, что в этом районе нет камер видеонаблюдения. В них не было особого смысла, потому что все, что осталось, — это груды обломков и рушащиеся здания.

Из-за крови ему было трудно держать её как следует, а от резкого запаха его тошнило. Он хотел бы поместить её в подвал вместе с Дженной, неожиданное дополнение к его коллекции, но, если он едва может протащить её триста футов, он точно не пронесет её милю в гору через лес. Он снял с неё одежду, прекрасно зная, как и весь остальной мир, основы криминалистики. Настоящая проблема состояла в том, чтобы расположить её. Не хотелось оставлять её лежать на полу, как будто её только что бросили; он хотел, чтобы она оказалась на виду. Он поставил её в заколоченном дверном проеме, но голова девушки продолжала свешиваться набок. Взяв шарф, украденный ранее этим вечером, он вдохнул в последний раз, запоминая запах. Затем несколько раз обернул его вокруг шеи девушки, пока не закрыл шарфом ужасную зияющую рану. Как бы ему хотелось посмотреть на лицо того, кто его развернет. Он прикрепил материал к ржавому гвоздю, который торчал из рамы; тот выглядел не очень прочным, но держался. Оставалось надеяться, что трупное окоченение наступит достаточно скоро, и тогда ей не понадобится поднимать голову. Он удивился, почему ему захотелось прикрыть рану на шее, хотя её лоб был поцарапан и помят: но это казалось правильным поступком, если в таких ситуациях было что-то правильное.

Садясь в машину, он в последний раз огляделся, чтобы убедиться, что никого нет. Его руки дрожали так сильно, что он едва мог ухватиться за руль, а живот сжимался при каждом вдохе. Если ему повезет, мать все еще будет в церкви, давая ему достаточно времени, чтобы разобраться с машиной и принять душ. Опустив стекла, чтобы скрыть кровь на них и впустить внутрь свежий воздух, он ехал домой на небольшой скорости, не желая привлекать к себе внимание. Он добрался до своего дома, не встретив полицейской машины, и поехал прямо в гараж. Закрыв дверь и не стал включать свет: никто из любопытных соседей не должен заглянуть внутрь.

Раздевшись до трусов, он вытащил из ящика черный пластиковый пакет для мусора и запихнул в него всю свою одежду. Он сваливал заполненные мешки за мусорными баками на задворках домов наркоманов в центре города. Используя отбеливатель и скребя все, что попадалось на глаза, принялся чистить машину. Завтра он отгонит её на автомойку и вымоет снаружи, на случай, если внизу окажется кровь: никогда нельзя быть слишком уверенным.

Он пробормотал себе под нос:

— Это все твоя вина, почему ты так разозлила меня, что я не смог сдержать ярость. Надеюсь, я не все испортил?

Закончив уборку, поднялся наверх, чтобы быстро принять душ. Вытираясь насухо полотенцем, он услышал, как подъехало такси с матерью. Как раз вовремя. Он бросился вниз, поставил её чашку с молоком в микроволновку и подождал, пока она запищит. Медленно смешал какао-порошок с кипящим молоком и снова помешал, стараясь не разбить хрупкую фарфоровую чашку. Затем глубоко вздохнул, готовясь к допросу, который должен был начаться менее чем через шестьдесят секунд.

Она вошла через парадную дверь и заперла её за собой. Прошла прямо на кухню и оглядела его с ног до головы.

— Почему твоя машина стоит в гараже, и что ты тут делаешь в халате? Ты заболел?

Он представил себе, как берет собачью цепь и душит мать ею, пока её злобный язык не высунется изо рта, весь распухший и черный. Как хорошо было бы навсегда заставить её замолчать. Он знал, что в один прекрасный день это произойдет; вопрос только в том, когда.

Она прошла в гостиную, села на диван и включила телевизор. Нашла повтор «Место преступления» и уселась, чтобы посмотреть его. Он поставил чашку с какао рядом с ней на маленький дубовый столик, прошептал «спокойной ночи» и повернулся, чтобы подняться наверх. Он знал, что она смотрит на него, чувствовал, как её глаза прожигают его спину, и знал, что ей любопытно, что происходит. У него было такое чувство, что она начинает немного бояться своего бледного сына, но мать ни за что не призналась бы в этом никому. Она была крепкой старой каргой, надо отдать ей должное.

Телефон Уилла завибрировал в кармане брюк, ударяясь о деревянные половицы. Энни только пошевелилась, но он сразу проснулся: должно быть, это работа. Он привык к таким звонкам: никто больше не звонил ему в пять тридцать утра. Отодвинувшись от ног Энни, он встал с дивана, подобрал брюки и на цыпочках прошел на кухню. Нащупал в кармане телефон и наконец, ответил на звонок.

— Алло, Уилл Эшворт, слушаю.

Энни проснулась и прислушалась к шепоту ругательств, доносившемуся из кухни. Её желудок сжался в тугий узел; что-то случилось. Уилл вернулся.

— Бедняжку нашли? — спросила она.

Он покачал головой.

— Нет, пропала еще одна девушка. В последний раз её видели на работе в музее Аббатства вчера вечером. Я должен идти. — Он наклонился и поцеловал Энни в губы. Затем надел ботинки, куртку и направился к двери.

— Подожди, тебе нужен ключ, чтобы выехать за ворота. — Она последовала за ним на кухню и, схватив с крючка запасной ключ, кинула ему розовое пушистое кольцо.

— Спасибо, на минуту мне показалось, что ты будешь умолять меня остаться.

Энни рассмеялась и, пожав плечами, закрыла за ним дверь. Она вернулась к пуховому одеялу, которое все еще было теплым, и Тесс забралась внутрь и стала оберегать её покой с того места, где остановился Уилл.

Глава 16

Он проснулся рано, хотелось в туалет. Он хорошо спал, учитывая то, что сделал прошлой ночью. Он сожалел об этом. Он почти все испортил, прежде чем смог немного развлечься с женщиной с фермы. «Если меня поймают, я не смогу закончить начатое дело». — Голос в его голове, тот самый, который велел ему следить за ней, потому что она могла стать его гибелью, отозвался громким эхом. Протерев сиденье, он спустил воду.

Вымыв руки, он взглянул на свое отражение в зеркале. Когда это его глаза успели так потемнеть? Может быть, это стало результатом проснувшейся злости; она выворачивала его наизнанку. Его лицо тоже выглядело по-другому. Черты казались более резкими, точёными. На самом деле, он чувствовал, что отражение, смотрящее на него, было кем-то совершенно другим, но это смешно, ведь такое невозможно. Потом он вспомнил, как мать смотрела на него прошлой ночью. Видела ли она, как он изменился, чувствовала ли, что он уже не тот? Вернувшись в спальню, он стал думать, как бы ему вытащить эту женщину с фермы. Если он будет терпеливо ждать, то все сложится, как сработал план с Дженной. Каким-то образом он будет знать, что делать и когда.

В боковом кармане машины Уилл нашел жевательную резинку. Сдув пушинку с двух кусочков, он сунул их в рот и принялся жевать. Ехать домой и принимать душ было некогда, да и в любом случае это бессмысленно, учитывая, что он практически уже находился на месте. Он спустился с крутого холма, заметив вдали множество полицейских машин, и направился к ним.

Вся территория была оцеплена. Бело-голубая лента тянулась от ржавых черных перил развалин аббатства через дорогу к огромному дубу. Джейк стоял внутри кордона и выглядел таким же несчастным, как и Уилл. Опустив стекло Уилл поприветствовал его.

— Слушай, приятель, нам нужно прекратить эти встречи, иначе люди начнут болтать.

Джейк усмехнулся.

— Конечно, будут. И вообще, как ты так быстро сюда добрался?

Уилл съезжился, видя, как Джейк приходит к правильным выводам, и выражение его лица становится недоверчивым.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты этого не делал. Последнее, что сейчас нужно Энни, — это парочка быстрых встреч с офисным Казановой. Она и так достаточно настрадалась. Ты хоть представляешь, какой вред можешь причинить, если будешь крутиться рядом? — Джейк повернулся к Уиллу спиной и зашагал на другую сторону дороги. Он повернул голову. — Ради Бога, Уилл, я думаю, что готов убить тебя. Проваливай с моих глаз.

Он не оставил Уиллу другого выбора, кроме как выйти из машины и подойти к нему.

Гнев кипел в его груди.

— За кого именно ты меня принимаешь? Клянусь, я заходил к ней вчера вечером после работы. Все, что я сделал, — это приготовил ужин и предложил составить компанию. Вот и все, ничего особенного. Мы выпили пару бутылок вина, посмотрели фильм, и я уснул на диване. — Уилл счел за лучшее не добавлять, что большую часть ночи он провел с эрекцией, лежа рядом с Энни. Это, вероятно, выведет Джейка из себя еще больше.

Джейк сердито посмотрел на него.

— Говорю тебе, Уилл, если ты причинишь ей боль или будешь обращаться, как с одной из тех женщин, с которыми однажды переспал и больше никогда не заговаривал, то это будет место преступления с останками твоего лица. Я не позволю ей снова страдать. — Глаза Джейка наполнились слезами, и Уилл не знал, что ему делать, поэтому он потянулся и похлопал его по руке.

— Ты ни в чем не виноват, ты ничего не мог сделать. Если она никогда не рассказывала тебе, каково ей жилось дома, откуда тебе было знать? Я не хочу причинять ей боль, я просто хочу помочь.

Джейк проворчал что-то, что Уилл принял за согласие, и пошел обратно к своей машине. Прокручивая в голове последние пять минут, он задавался вопросом, что же только что произошло. Было слишком рано для отмеченных наградами театральных постановок. Он покачал головой и продолжил путь к автостоянке, где увидел знакомую фигуру, стоящую в отдалении и выкрикивающую приказы каким-то стажерам-офицерам. Это уже вошло в привычку: почему серьезное дерьмо случается только тогда, когда Джейк, Кав и Уилл на дежурстве? Казалось, весь город разваливается на части. Он припарковался и вздохнул, когда Кав кивнул в знак приветствия.

— Ничего, дырка от бублика. По результатам экспертизы ничего особенного — ни крови, ни следов борьбы, — так что, похоже, она ушла с кем бы то ни было по собственной воле. — Он повернулся к криминалисту в белом костюме, вспышка камеры которого освещала утреннее небо. — Дебс сказала, что есть пара отпечатков шин, которые она снимет, и это все.

Уилл оглядел окрестности. Здесь очень уединенно, и если это случилось прошлой ночью, то вокруг никого не было. Рядом стояли два дома, но ни один из них не выходил на парковку.

— Это нереально. Как могут две девушки исчезнуть за несколько дней без следа? Такого просто не бывает, ну, не здесь.

Хруст шин по гравию и вид застывшего Кава заставили Уилла застонать. Он обернулся и увидел, как из своего блестящего «Лендровера» выходит недавно назначенный старший инспектор. Уилл слышал о его репутации перфекциониста и краем глаза наблюдал за каждым офицером в форме поблизости, проверяя, выглядят ли они респектабельно. Удивительно, как прямо они стояли: руки вытащены из карманов или куда там еще они их засунули, чтобы согреться. Уилл и Кав смотрели на него одинаково страдальчески, пока он шел к ним по гравию.

— Пускаем пыль в глаза, — прошептал Кав. Затем он разразился чрезмерно усердным приветствием, качая руку старшего инспектора вверх и вниз. Уилл понятия не имел, о чем говорит Кав, поэтому соглашался и кивал в те моменты, которые считал подходящими, пока старший инспектор не повернулся к нему.

— Кажется, мы не встречались? Старший инспектор Стивенс. — Он протянул руку.

Теперь настала очередь Уилла нести чушь, и он пару минут старался изо всех сил, пока Стивенс не зевнул, явно скучая. Кав ухмыльнулся, к ним, шаркая ногами, подошел стажер-офицер, его лицо побледнело, он закашлялся.

— Простите, что прерываю вас, сэр, но тут репортер задает кучу вопросов, что мне ему сказать?

Стивен просиял, глядя на молодого офицера.

— Ах, пресса, неужели вам не нравится, что они чувствуют историю быстрее, чем эти чертовы ищейки. Предоставь это мне, сынок. — С этими словами он ушел, направляясь в сторону знака «дорога закрыта».

Кав рассмеялся.

— Пусть занимается своим делом, за это ему и платят большие деньги.

Дебс подошла и встала рядом с ними.

— Доброе утро, джентльмены. Мне неприятно говорить вам об этом, но, как вы уже догадались, здесь не так уж много всего. Я упаковала пару окурков и обертку от мороженого, но магазин закрылся в пять, и я не думаю, что наш парень стал бы торчать здесь пару часов, облизывая леденец, а затем отбрасывая улики. Но никогда не знаешь наверняка; не все смотрят «Место преступления» или канал «Дискавери». Есть несколько следов шин, но опять то же самое. В среднем за день сюда заезжает от пяти до тридцати машин. Они могут даже принадлежать её бойфренду.

Кав ответил на следующий вопрос Уилла:

— Он сейчас в участке, дает показания. Он проводил время с друзьями в «Фрайарз», играл в бильярд и опоздал за Эммой. Они договаривались на половину восьмого, но, когда он приехал, было уже восемь. Сказал, что уже стемнело, и её нигде не было видно, поэтому, будучи таким джентльменом, он поехал обратно в паб, чтобы закончить свою партию в бильярд. Он сказал, что пытался позвонить пару раз, но она не отвечала, что не редкость, когда она злится на него, как он изящно выразился. Сестра Эммы позвонила ему в десять тридцать, чтобы узнать, есть ли у Эммы ключ, потому что она собиралась спать. Именно тогда он запаниковал и позвонил её подругам. Затем вернулся сюда с парой приятелей и начал искать её, но, как ты понимаешь, так и не нашел, и вот мы здесь.

— Значит, у него хорошее алиби, но он мог убить её и быстро спрятать тело в кустах.

— Это правда, но его приятели сказали, что он уходил буквально на пять минут, и шел сильный дождь, а он вернулся в паб в той же одежде, в которой был, и она осталась сухой, за исключением нескольких пятен дождя на его футболке.

— А мы уверены, что она не дуется где-нибудь, заставляя его чувствовать себя виноватым? — Кав вытащил из кармана брюк сложенный журнал происшествий и начал читать. — По словам её сестры, нет. Эмма не стала бы её беспокоить, они очень близки, и она сказала бы ей, что не вернется домой. Все это неправильно, Уилл, две девушки исчезли, и, как бы мне ни было больно это говорить, я не думаю, что они все еще дышат, если ты понимаешь, к чему я клоню. Думаю, у нас серьезная проблема, а я надеялся, что никогда не столкнусь с ней в своей карьере.

Уилл понял, к чему тот клонит, и чувствовал то же самое. Подъехал еще один фургон, и они обернулись посмотреть, как кинолог выпускает Молли из клетки. Собаке дали понюхать одну из блузок Эммы, а потом велели идти искать. Она сделала пару кругов, затем направилась к входу в музей, где после короткого обнюхивания вернулась и сел, начиная скулить.

— Потрясающе, — пробормотал Уилл. — Проклятый пес тоже ни о чем не догадывается.

Больше он ничего не мог здесь сделать. Они будут держать район отцепленным еще некоторое время, но в данный момент они не знали, было ли это место преступления. Уилл вышел через другой выход, не желая снова встречаться с Джейком, пока тот не успокоится. Он попытался дозвониться до Энни, но телефон тут же переключился на голосовую почту. Ей обязательно нужно сказать о том, что здесь происходит что-то плохое, и предупредить держать двери закрытыми. Он не хотел, чтобы она оказалась втянутой в это.

Глава 17

Мэри Грив выгуливала свою собаку каждый день в семь утра и в семь вечера, точно, как часы. Она делала это последние пять лет, с тех пор как получила щенка в подарок на годовщину от своего покойного мужа. Внук купил ей на Рождество блестящий, цвета фуксии, «Айпод шаффл» и закачал на него все её любимые песни. На обороте у него даже были выгравированы слова «Лучшей бабушке». Она не понимала, как он работает, но все равно это был лучший образец современной техники, который она когда-либо имела.

Проходя мимо старой бумажной фабрики, бездействовавшей, по меньшей мере, сорок лет, она остановилась. Сегодня утром Спот вел себя странно; его шерсть встала дыбом, и он начал скулить. Вытащив наушники, она огляделась. Мэри не боялась — ну, очень редко. Она пережила Вторую мировую войну и автокатастрофу, в которой погиб её муж. Нет, она выжила и верила, что, когда придет её время, все будет кончено, и никто ничего не сможет с этим поделать. Она много лет наблюдала за зданием фабрики и видела все: накачанных наркоманов так, что они спали в лужах собственной мочи; пьяных подростков, которые резвились и делали вещи, от которых у неё волосы вставали дыбом. А потом она увидела девушку в дверях одного из зданий и ахнула.

— Привет, милая, ты в порядке? Я сейчас вызову «скорую», а ты держись. Безжизненное обнаженное тело заставило Мэри громко всхлипнуть. Подойдя ближе, она поняла, что ничем уже не сможет помочь этой бедной девушке, но ей пришлось продолжать говорить, как будто в противном случае она впервые за шестьдесят лет могла потерять контроль над собой, а это совсем не годилось. Подойдя ближе, она вздрогнула, увидев открытые глаза девушки, которые смотрели прямо на неё. Они навсегда заперты в кошмаре, который оборвал её жизнь. Её лоб был покрыт ссадинами и засохшей кровью. Мэри сняла куртку и укрыла девочку, как могла, чтобы придать ей немного достоинства. Она не могла позволить, чтобы на бедняжку пялился каждый Том, Дик или Гарри. Мэри набрала девятьсот девяносто девять. Не зная, к кому обратиться, она вызвала все три экстренные службы.

Уилл ухмыльнулся, втискивая машину на последнее свободное место на стоянке рядом с участком, и тут зазвонил телефон. Это был оператор диспетчерской, который сообщил, что поступил экстренный вызов из Солтхаус-Милла с сообщением о мертвом теле.

— Черт, я буду через минуту. — Он выехал обратно и последовал за мигающими огнями скорой помощи и пожарной машины к месту преступления, гадая, кто, черт возьми, позвонил в пожарную службу; они мало что могли сделать. Припарковав свой автомобиль позади машины «скорой помощи» и наблюдал, как парамедики выскочили из неё и направились к полицейскому в форме, который, должно быть, первым прибыл на место происшествия. Уилл вылез из машины, открыл багажник и достал из своего запаса синий

бумажный комбинезон. После минутной борьбы он втиснул в него свое тело, натянул бахилы и пару латексных перчаток. С облегчением увидел, что офицер оклеил участок скотчем и теперь держал в руках бледно-зеленый журнал. Еще Уилл заметил пожилую даму, сидевшую на заднем сиденье патрульной машины. На коленях у неё лежал маленький ши-тцу. Уилл, шурша, подошел к офицеру, который как раз общался с медиками на месте преступления.

— Смерть уже установлена?

Фельдшер кивнул в подтверждение.

— Оставим её в твоих умелых руках, бедняжку. — Они вернулись в машину «скорой помощи» и продолжали заполнять бумаги, пока им не сказали, что они могут покинуть место происшествия.

— Сержант, я зашел туда только для того, чтобы увести старушку, которая нашла её, подальше от места преступления и усадить на заднее сиденье. Ничего не трогали, кроме того, что Мэри накинула на тело куртку, чтобы немного прикрыть её, но она сказала, что совсем не прикасалась к телу.

— Отлично, молодец, парень. Приятно видеть, что кто-то действительно научил вас вести себя правильно на месте преступления.

Офицер, которому на вид было лет девятнадцать, улыбнулся.

Уилл нырнул под ленту. Совсем не так он представлял себе встречу с Дженной Уайт. Когда он подошел ближе, то сосредоточился на её лице, трудно было сказать наверняка она ли это. Девочки-подростки так сильно меняются, а на ней нет макияжа. Он подумал, что эта девушка выглядит слишком взрослой, чтобы быть Дженной, но он не был уверен, ему понадобятся её родители, чтобы установить личность. Именно тогда он посмотрел на пропитанные кровью спутанные волосы.

— Дьявол.

У этой девушки были длинные каштановые волосы; у Дженны они были каштановыми, но короче и подстрижены острыми прядками. Он отступил назад, чувствуя себя побежденным. Это преступление казалось чем-то большим, с чем он когда-либо имел дело. Теперь он ничего не мог сделать, пока не прибудет криминалист, чтобы сотворить свою магию. В Южной Камбрии дежурила только Дебс. Как и в любом другом отделе, у них не хватало персонала, а она была занята на другом месте преступления, так что ей не разрешили бы заниматься этим из-за боязни испортить найденные улики. Пройдет не меньше часа, прежде чем они найдут кого-нибудь.

Уилл огляделся. Не было никаких явных признаков, что кто-то что-то оставил, только тело. Он повернулся, чтобы вернуться к патрульной машине и поговорить со старушкой и открыл дверцу машины.

— Миссис Грив, меня зовут Уилл, я сержант полиции. Должно быть, это было для вас настоящим шоком. Как вы? Нужна медицинская помощь?

— Зовите меня просто Мэри; от обращения миссис Грив я чувствую себя древней старухой. Честно говоря, молодой человек, я не совсем понимаю, как у меня дела. Как кто-то мог так поступить с такой хорошенькой девушкой? Куда катится этот мир?

— Понимаю, меня тоже от этого тошнит. Это ужасно. Мэри, вы можете мне точно сказать, что произошло? — Он слушал, как она описывала все в мельчайших подробностях; она была точна и прямолинейна. — Мэри, когда вы шли сюда, не встречали ли вы кого-нибудь, проезжающего в машине или фургоне, может велосипедистов?

Она покачала головой.

— Ни души. Обычно вокруг бывают странные люди, но сегодня утром были только я, Спот и эта бедная девочка.

— Спасибо, Мэри. Сейчас я попрошу кого-нибудь отвезти вас домой. Офицер придет позже, поговорит с вами и возьмет показания. Это нормально?

— Да, все в порядке, спасибо, офицер, но я хочу прогуляться. Спот нуждается в движении, и я тоже. Я пробуду дома весь день, пока не выйду с ним снова в семь.

Уилл улыбнулся ей, и она кивнула.

— Если вы уверена, то конечно. — Он наблюдал, как она распутывает наушники и вставляет их в уши.

— Уверена, спасибо, только обязательно поймайте монстра, который это сделал, потому что пока вы этого не сделаете, не думаю, что смогу спать по ночам. — Она вышла из машины и быстро пошла прочь, таща за собой маленькую собачку.

Потребовалось шесть долгих часов, прежде чем коронеры увезли тело с места преступления и доставили его патологоанатомам в морг больницы. Шесть долгих часов место преступления охранялось и обрабатывалось. Офицеры, оставленные на месте преступления, склонили головы в знак уважения, когда мимо них провезли каталку с телом девушки и погрузили её на заднее сиденье черного «Мондео».

За последние два часа собралась довольно большая толпа, а это означало, что на место происшествия пришлось вызывать еще офицеров и полицейских. Здесь была местная пресса. Парня, которого ненавидел Уилл, поймали, когда он пытался прокрасться сзади и сфотографировать тело. В кои-то веки Стью воспользовался его инициативой и арестовал этого придурка за препятствие следствию и посадил в наручниках в фургон, где тот кричал об общественных интересах и свободе слова. Без сомнения, у сержанта охраны случится гневный припадок, и он отпустит его без предъявления обвинения, но, по крайней мере, сейчас о нем позаботились. Сделав все, что можно сделать, они покинули место преступления, чтобы вернуться в участок для инструктажа. Уилл был зол, голоден и по-настоящему устал. Когда они закончили совещание и все получили задания, Уилл и Стью направились обратно в свой офис.

— Я умираю с голоду, Уилл, не пойти ли нам в больничную столовую перекусить, прежде чем идти в патологоанатомическую лабораторию на вскрытие?

— Стью, это чертовски блестящая идея. Уже дважды за это утро ты превзошел самого себя. Но не бери это в привычку, я могу не вынести восторга.

Уилл только что позвонил офицеру по связям с семьей Уайт, чтобы сообщить им, что найдено тело, но оно не соответствует описанию Дженны. Он не хотел, чтобы они узнали об этом через «Фейсбук» или как-нибудь еще. Лора и Пол, которые недавно прошли обучение на офицера по связям с семьей, были посланы, чтобы подготовить семью Эммы к худшему и доставить их в больницу на опознание. Уилл чувствовал себя дерьмово, его голова раскалывалась, и он хотел, чтобы все это поскорее закончилось.

Дерек Эдмондсон сидел за столом и пил вторую чашку чая. Перед ним лежала «Таймс», но он её не читал. Ему необходимо найти ту женщину, и единственное, что приходило ему в голову, — это пойти в полицейский участок и попросить о помощи. На самом деле у него не было выбора.

Глава 18

Уилл и Стью пропустили весь завтрак: повар только что убрал последние кусочки

бекона, когда они присоединились к очереди, поэтому они оба выбрали мясной пирог и чипсы.

— Рад видеть, что ты ешь здоровую пищу, Стью. Значит, Дебс не удалось посадить тебя на диету, в которой ты не будешь есть углеводы всю оставшуюся жизнь?

Стью рассмеялся, выплевывая крошки выпечки на стол.

— Брось, Уилл, неужели я выгляжу так, будто делаю все, что велит мне жена?

Уилл воспользовалась моментом, чтобы обсудить этот вопрос.

— Вообще-то да, но я совсем бы не стал осуждать тебя.

Запихивая в рот огромную кучу чипсов, Стью пробормотал:

— Отвали.

Они одновременно закончили есть, встали и вытерли рты бумажными салфетками. Уилл отнес подносы к большой тележке, стоявшей рядом с раздачей, и поблагодарил стоявших за ней женщин, которые одновременно покраснели.

Как только они оказались снаружи, Стью понизил голос:

— Как ты это делаешь? Почему каждая женщина, с которой ты разговариваешь, краснеет и готова тебе отдаться? Я не думаю, что ты настолько фантастичен, только без обид. Полагаю, ты не так уж плох для своего возраста. Я даже спросил Дебс вчера вечером, и она сказала, что не знает, просто в тебе что-то есть.

— О чем ты? Не каждая женщина, с которой я разговариваю, хочет меня, мягкотелый ты мерзавец.

Стью закатил глаза.

— Хорошо, тогда скажи мне, кто не хихикает глупо рядом с тобой.

Уилл вспомнил одну, но не мог назвать её имени, потому что Стью расскажет Дебс, а она расскажет кому-нибудь еще, и через десять минут об этом узнает весь участок, а он не хотел ставить Энни в неловкое положение. Он покачал головой. — Ни одна из них, идиот ты этакий.

Стью поморщился.

— Невероятно, но тебе ведь все равно, правда?

Оставшуюся часть пути до патологоанатомической лаборатории они прошли молча; Стью дулся, а Уилл пытался сообразить, действительно ли каждая женщина, с которой он разговаривал, превращалась в бессвязно болтающую дурочку.

В патологоанатомической лаборатории их встретили офицер коронер Лиза и патологоанатом Мэтт. К счастью для них, он сегодня дежурил здесь; обычно он базировался в Ланкастере. Оба они выглядели мрачными. Уилл кивнул Мэтту и подмигнул Лизе, наблюдая за её реакцией. Он был удивлен, когда слабая краснота появилась в нижней части её горла и начала подниматься вверх, и она издала тихий смешок. Стью сердито посмотрел на Уилла, который в ответ пожал плечами. Молчание нарушил Мэтт.

— Бойфренд и сестра только что подтвердили личность: это Эмма Харви.

Мэтт повел их в мужскую раздевалку, чтобы они переоделись. Сильный запах дезинфицирующего средства ударил Уиллу в нос. Прошло много времени с тех пор, как он был здесь в последний раз, но ему казалось, что это случилось только вчера. Другая мертвая девушка, но в тот раз убитая пьяным водителем.

Когда они прошли через лабораторию «доктора Франкенштейна», как называл её Уилл, он занял место на верхнем конце стола, где находилась голова девушки, как можно дальше от живота. Он мог вынести почти все, кроме вони, когда вскрывали полость желудка, и

запаха всего, от фекалий до рвоты, наполнявшего воздух. Он улыбнулся, когда Лиза заняла свое место рядом с ним; он оставил Стью стоять ниже, ближе к животу. Уилл знал, как сильно Стью не любит вскрытия, и что Стью не понял, что именно в них ему так не нравится, кроме очевидного. Уилл собирался рассказать ему о желудочных газах, но он так завел его своими предыдущими комментариями, что ему не хотелось ничего объяснять. Так ему и надо.

Лиза что-то говорила, но он наблюдал за Мэттом, когда тот стягивал простыню и делал свои первые наблюдения. Лиза сделала несколько фотографий, а затем Мэтт начал разворачивать яркий шарф, который выглядел неуместно на теле мертвой девушки. Уиллу он показался знакомым; он уже видел нечто подобное раньше, но не мог вспомнить, где: женская мода не его конек. Лиза резко вздохнула, увидев зияющую рану, которую прикрывал шарф; она была покрыта коркой засохшей крови.

— По-моему, причина смерти совершенно очевидна, ребята. Это один неприятный порез. — Мэтт начал измерять, фотографировать и записывать каждую травму на теле Эммы. Время от времени он поглядывал на Лизу, которая все записывала.

Она болтала, хотя была занята.

— Я думаю, это должно было когда-нибудь случиться, я имею в виду, посмотрите на Брэдфорд. Это неизбежно из-за всех этих кровных смешиваний. Неудивительно, что какой-нибудь извращенец в конце концов поймет, что хочет воплотить свои фантазии в жизнь, а не мечтать о них каждую ночь в постели.

Стью посмотрел на неё и Уилла.

— Ты что, смеёшься, серийный убийца? Нет никого настолько умного или глупого, если подумать, чтобы захотеть начать здесь убийственный загул. Я имею в виду, зачем им это? В этом нет никакого смысла.

Лиза выдержав паузу, проговорила.

— Посмотрим. Девушки просто не исчезают, а тела появляются без какой-либо связи. Только не в этом городе.

В этом Уилл был с ней согласен.

Мэтт тщательно взвесил сердце и посмотрел на Уилла.

— Давай сначала посмотрим, каковы будут результаты, а потом устроим тотализатор по количеству жертв, которые нам достанутся, прежде чем ты и твоя чертова команда сумеете поймать убийцу. — Он подмигнул Уиллу. — Ставлю пятерку, что в городе появился серийный убийца, и я думаю, что мы закончим с четырьмя трупами, прежде чем вы поймаете его или он покончит с собой.

Стью фыркнул.

— Ты больной, ты ведь знаешь?

Три головы кивнули в знак согласия, и Лиза улыбнулась ему своей самой сладкой улыбкой.

— Ну же, Стью, ты должен посмеяться над этим, иначе ты пойдешь домой, выпьешь бутылку и кончишь безумным алкоголиком. Я полагаю, что да мы больны, но не так, как тот, кто это сделал, и, кроме того, ты выиграл в прошлый раз, так что я не знаю, на что ты жалуешься. Я ставлю на пять жертв, прежде чем он покончит с собой.

Уилл покачал головой.

— Спасибо за вотум доверия моей команде детективов. Что вы двое пытаетесь сказать?

Уилл почувствовал, как его ноздри раздулись, а внутренности свело судорогой, когда он

почувствовал запах только что вскрытого желудка. Он посмотрел на Стью, чье лицо приобрело тот же цвет, что и у мертвых девушек.

— Ух.

Уилл ухмыльнулся, как восьмилетний ребенок, и продолжал дышать ртом, зная, что не сможет победить. Всю ночь он будет ощущать этот запах в горле. Он подумал об Энни, чтобы отвлечься, и задался вопросом, получила ли она его последнее сообщение. Если Лиза была права, они в заднице, потому что он уже схватил двух девушек за такой короткий промежуток времени, и наверняка уже спланировал свое следующее нападение. Убийца равнодушен к аббатству, так что вполне вероятно, что Дженна Уайт спрятана где-то там. Уилл заставит свой отряд полисменов снова прочесать местность, осмотреть все дома и обыскать все хозяйственные постройки и амбары.

Мэтт говорил быстро, а Лиза, склонив голову, делала заметки, чтобы потом напечатать. В городах были самые современные морги, но здесь, внизу, все еще в ходу старые добрые ручки и бумага.

Глава 19

Холод пробудил Энни от сна. В комнате стало холодно, и её левая рука, торчавшая из-под одеяла, так замерзла, что она едва чувствовала пальцы. Еще не рассвело. Комната была полна теней, поэтому она протянула руку, чтобы включить лампу. Нажала на кнопку, но ничего не произошло. Откинув одеяло, она встала и попыталась включить верхний свет, надеясь, что электричества не отключилось. Зубы застучали, и Энни охватил ужас: что-то не так. Она открыла кухонную дверь и выдохнула, наблюдая, как её дыхание превращается в клубящийся белый туман; здесь оказалось еще холоднее.

Почувствовав движение в углу, она оглянулась и увидела темные тени, кружащиеся вокруг. Они начали собираться и образовали черную массу, которая начала набухать. «Должно быть, я сплю, и сейчас проснусь». Энни ущипнула себя за руку и вскрикнула. Нет, не сон. Темная масса становилась все плотнее. Все еще находясь в углу, она становилась огромной и выглядела более четкой, не такой прозрачной. В её очертаниях проявлялась фигура человека. Встревоженная, Энни попятилась в уютную комнату, захлопнула за собой дверь и прижалась к ней спиной. Она не была уверена, что от этого будет толк, но это лучше, чем ничего. Ей хотелось закричать, но кто её услышит? Тихие слезы потекли по щекам, и Энни потянулась за телефоном, который лежал на боковом столике. Коснувшись пальцами, она крепко сжала его, притягивая к себе. Она набрала номер Джейка: сигнала не было. Кого она обманывает? Она знала, что так и будет. Тесс забила в дальний угол и дрожала сильнее, чем Энни. Закрыв глаза, она начала читать то, что смогла вспомнить из молитвы Господу, остальное придумала, не зная, что еще делать. Она даже не верила в подобные вещи, так что же, черт возьми, происходит и почему с ней?

Энни застыла и почувствовала, как дверь слегка сдвинулась. Она прижалась к твердой деревянной поверхности. Образ пары призрачных рук, протянувшихся сквозь дерево и обвивавшихся вокруг её шеи, вызвал у неё желание закричать от страха, но она не смогла издать ни звука.

Она слышала, как люди говорили, что застыли в ужасе, и задавалась вопросом, так ли они себя чувствовали. Кровь в её жилах, казалось, превратилась в ледяную воду. То, что находилось по ту сторону двери, было разумным, потому что оно слушало её. Она представила себе мужчину, стоящего с другой стороны, склонившего голову набок и ожидала, что он сделает. Он хотел причинить ей боль, в этом она не сомневалась: зло просто

вitalo в воздухе. Боже, кого она обманывает? Что она знала?

Её сердце гнало кровь по телу так быстро, что её пульсация оглушительно стучала в голове. Она ожидала, что дверь с такой силой толкнут с другой стороны, что её швырнет на пол, но тут в окне появился маленький шарик белого света. В тяжелой атмосфере комнаты что-то слегка изменилось. Шар завис, ярко светясь, и паника в её груди начала понемногу утихать. Свет двинулся к Энни, на мгновение, задержавшись прямо перед ней, а затем прошел сквозь её тело, и на секунду она почувствовала себя другой, не похожей на себя. Это чувство исчезло так же быстро, как и появилось.

Из-за двери донесся женский голос, мягкий, но твердый.

«Эдвард, немедленно покинь это место. Тебе здесь не рады, совсем. Я запрещаю тебе возвращаться. Уходи в дом или в подвал, если хочешь, но держись подальше отсюда.»

Рычание, такое низкое и гортанное, заставило Энни снова задрожать, и она уперлась пятками, изо всех сил прижимаясь спиной к двери. Мгновенно тяжелая атмосфера рассеялась, и температура поднялась настолько, что её зубы перестали стучать. Ощупывая рукой стену, она нашла выключатель кончиками пальцев. Надавив на него, Энни, наконец, выдохнула, когда комната наполнилась теплым сиянием. Она не двигалась, не могла двигаться, пока. Ей необходимо убедиться, что все это исчезло. Она прижалась ухом к деревянной двери. Через несколько минут она поднялась, перекрестилась, глубоко вздохнула и распахнула дверь. В комнате все еще было темно, но тень исчезла.

Свет в кухне не работал, но угрозы больше не ощущалось. Она шагнула дальше, готовая отступить, если придется. За ней последовала Тесс, с вздыбленной шерстью, собака не переставала рычать. Энни открыла дверцу холодильника, чтобы пролить немного света в комнату. «Эдвард был здесь, в её доме. Или все еще здесь? Я схожу с ума?» Она опустилась на пол и села рядом с Тесс.

— Эдвард, — испуганно прошептала Энни. Зачем он пришел сюда, что она вообще сделала? Он должен быть мертв уже много лет. От замешательства у неё закружилась голова, и она погладила Тесс, чтобы успокоить их обеих. Ей нужно поговорить с этим медиумом. Если он не сможет помочь, ей придется обратиться к парням из «Охотников за Привидениями», но наиболее вероятным вариантом остается ближайшая психиатрическая лечебница.

Как только трясущиеся ноги смогли выдержать вес, Энни пошла за визиткой, которую он ей дал. Тесс поскуливала, желая выйти на улицу, поэтому она открыла дверь и выпустила её. Собака побежала прямо к воротам и ушла в лес. Энни посмотрела в сторону дома и увидела белую вспышку, мелькнувшую между деревьями и устремившуюся к особняку. Она вернулась в дом, чтобы набрать номер Дерека, но вызов сразу переключился на голосовую почту. Энни оставила ему сообщение с просьбой перезвонить. Он, должно быть, знает свое дело, потому что он предупреждал её о чем-то подобном, что само по себе странно, не так ли.

Тесс нужно прогуляться, и как бы Энни не хотелось идти в сторону особняка, у неё нет выбора. Она не могла точно сказать, кому принадлежала эта белая фигура, поэтому ей нужно пойти и убедиться, что внутри никого нет и что все двери по-прежнему плотно заперты. Она не простит себе, если узнает, что этих девушек держали взаперти здесь, а она была слишком труслива, чтобы что-то предпринять.

Надев куртку, шапку и перчатки, она отправилась в путь. Моросил мелкий дождик, но это не остановило Тесс, которая бросилась в сторону особняка. Энни последовала за ней, но

гораздо медленнее. Тропинки казались смертельно опасными под дождем, и она не хотела упасть; она и так уже достаточно травмирована. Тесс взволнованно залаяла вдалеке, нарушая тишину и покой. Должно быть, она нашла кролика или белку. Она была одержима ими. В один прекрасный день она пойдет слишком далеко и застрянет в кроличьей норе. Лай прекратился, возвращая лесу его обычное спокойствие; они не чувствовали угрозы, как вчера.

Вдали вырисовывались очертания особняка, и ощущение дежавю, которое Энни чувствовала, становилось сильнее с каждым визитом. Было так много воспоминаний, которые она могла вызвать, если бы захотела. Подойдя ближе, она почувствовала, что хочет войти внутрь. Нет, скорее ей нужно зайти внутрь. Чувство принадлежности казалось настолько подавляющим, что наверняка должно что-то значить. Откуда она знала, что у Альфи были русые волосы, голубые глаза и самая дерзкая улыбка, которую она когда-либо видела? Он был ненамного выше её и излучал тепло. Его большие сильные руки, которые щекотали и гладили её волосы, были добрыми и нежными. Альфи был так убит горем, когда нашел её в библиотеке с Эдвардом. Боль в его глазах казалась такой сильной, что даже сейчас, после всех этих лет, её сердце сжималось от сожаления. Все сложилось бы совсем по-другому, если бы она выбрала Альфи, а не Эдварда. У них было бы немного денег, но они жили бы в маленьком доме, наполненном любовью, смехом и, что более важно, детьми. Как ей хотелось иметь детей, но обманчивое обаяние Эдварда и его ослепительная красота лишили её единственного шанса на настоящее счастье.

Тесс заскулила, отвлекая Энни от её грез. Она с удивлением обнаружила, что стоит перед готической входной дверью, лицом к лицу к этому ужасному молотку. Энни не помнила, что прошла так далеко. Её так поглотили воспоминания, что она даже не заметила этого. Она никогда не верила в прошлые жизни, но после травмы головы с ней стали происходить вещи, которые она не могла объяснить рационально. Ей необходимо узнать, что случилось с Эдвардом. Похоже, ничего хорошего, но что бы это ни было, оно навсегда изменило жизнь Элис. «Или это была моя жизнь?» Энни была убеждена, что в глубине души она уже знает всю историю, но не может извлечь её из глубин своего сознания. Она надеялась, что дневник все объяснит, но каждый раз, когда она читала эту маленькую кожаную книжку, случались страшные вещи, и после этого утра она не чувствовала себя достаточно храброй.

Мокрый нос толкнулся в её руку.

— Тесс, ты чертовски напугала меня. — Она держала в зубах палку и виляла хвостом. — Вперед, девочка. Давай проверим двери, а потом уберемся отсюда.

Тесс последовала за ней, все еще виляя хвостом. Энни с силой толкнула входную дверь: та все еще была плотно заперта. Пробираясь по периметру, она проверила все доски на окнах, ни одна из них не болталась. Энни не заметила никаких углов, которые можно было бы приподнять, чтобы позволить кому-либо забраться внутрь. Но она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают, и все время оглядывалась через плечо. На этот раз она испытывала больше любопытства, чем что-либо еще. Она обошла огромный дом и подошла к маленькой дверце в кладовку, которая была плотно закрыта, как и все остальные двери. Потянувшись к дереву, но отдернула руку, когда дрожь пробежала по её телу. Волосы у неё на затылке встали дыбом, ключа от этой двери у неё нет, но что-то с ней определенно не так, даже Тесс заскулила и попятилась. Почему эта дверь казалась воротами в ад? Энни полезла в карман за телефоном, она хотела, чтобы Уилл пришел и увидел... «Пришел и увидел, что

именно? Это просто дверь, идиотка».

Отступив назад, она изучила её, чтобы понять, есть ли что-нибудь, что могло бы объяснить, почему её инстинкт полицейского истошно вопит. На дереве не нашлось ни следов от царапин, ни пятен крови. Нет ничего, кроме старой деревянной двери. Она проверила телефон: один пропущенный звонок и голосовая почта. Энни в последний раз огляделась, прежде чем пошла так быстро, как только могла от старого дома и прежде, чем её затянуло в совершенно другой мир. Когда она отошла на приличное расстояние, ей захотелось обернуться. Она так и сделала, и увидела туманную белую фигуру, махавшую ей из окна спальни Элис; только легкое движение руки. Энни моргнула и снова посмотрела в окно, но оно казалось пустым, заброшенным, как и весь дом.

15 декабря 1887 года

Сегодня состоялось оглашение завещания. Все происходило совсем не так как после смерти леди Ханны. Тогда оставались только Эдвард, его светлость и мистер Эрнест, семейный адвокат. Сейчас мистер Эрнест сообщил всем слугам его светлости, что они должны присутствовать при оглашении. Эдвард был не в восторге, он сам сказал мне об этом, потому что это личное дело, как он выразился.

Все утро он не мог усидеть на месте и в волнении ходил взад и вперед по гостиной, ожидая, когда придет время. Брат его светлости прибыл рано, и они прошли в кабинет, где провели следующий час, разговаривая вполголоса. Кухарка нервничала и так сильно теребила передник, что Гарольд велел ей пойти и надеть новый, потому что она его сильно помяла. Дважды я видела, как она шептала что-то на ухо Гарольду, а потом смотрела в мою сторону. Уверена, они в курсе моего nepозволительного романа с Эдвардом, а если и нет, то скоро узнают, потому что Эдвард сказал мне вчера вечером, когда мы были вместе в его постели, что он объявит о нашей помолвке после оглашения завещания. Я очень нервничаю из-за этого, потому что знаю, что никогда не буду достаточно хороша для него. Я сказала ему, что не могу предложить ему ничего, кроме своей любви, и он ответил, что это все, что он когда-либо хотел от меня.

Вчера вечером он достал маленький подарок, завернутый в очень красивую бумагу. Я покраснела и сказала, что не хочу, чтобы он мне что-нибудь покупал, но он рассмеялся и настоял, чтобы я открыла подарок. Я развернула его и ахнула, увидев крошечную коробочку, потому что внутри оказалось золотое с бриллиантами кольцо леди Ханны, которое она всегда носила на безымянном пальце. Оно ярко сверкало в свете свечей, и я почувствовала, как по щекам потекли слезы. Эдвард вынул кольцо из коробочки, нежно взял меня за руку и надел на палец, улыбнувшись: оно сидело идеально. Я сказала, что никогда не смогу принять его, но Эдвард заглушил мои протесты страстным поцелуем. Он сказал, что его мать не хотела бы, чтобы кто-то еще в мире носил его, а потом попросил меня стать его женой. Мне кажется, что я плыву по воздуху. Я буду хозяйкой этого дома. Мои мечты о том, чтобы наполнить дом любовью и смехом детей, могут в скором времени осуществиться. Я сказала Эдварду, что надену кольцо только после завтрашнего чтения, и он согласился, что лучше подождать до тех пор.

Я вошла в библиотеку, где все уже ждали. Никто не кашлял, было так тихо. Эдвард вошел последним и занял свое место в передней части комнаты. Мистер Эрнест пошелестел бумагами, откашлялся и начал читать. То, что он говорил дальше, стало таким потрясением, что я чуть не упала в обморок, и Гарольду пришлось усадить меня на стул. Дом, земля и деньги должны быть разделены поровну между Эдвардом и мной.

Кухарка ахнула так громко, что эхо разнеслось по комнате. Я настолько удивилась, что едва сдерживала желание спрятать лицо от стыда. Все глаза были устремлены на меня, и мне ничего так не хотелось, как выбежать из комнаты, спрятаться в своей крошечной спальне и закрыть за собой дверь.

Хуже всех был Эдвард. Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и его глаза показались мне самыми черными, какие я когда-либо видела. В них плескались водовороты гнева и ненависти, но потом он улыбнулся и поздравил меня. Он подошел, взял меня за руку и сказал всем, что сегодня действительно день Элис Хьюз, потому что мы собирались объявить о свадьбе, надел мне на палец бриллиантовое кольцо своей матери и поцеловал в губы на глазах у всех. Я пришла в ужас, потому что сейчас было не время и не место. Мои щеки запылали, комната поплыла, ноги подкосились, и тогда Эдвард подхватил меня на руки и понес в гостиную, велел всем оставить нас в покое. Я не открывала глаз, потому что понятия не имела, что ему сказать. Как это случилось? Как я из дочери экономки превратилась в хозяйку дома? Эдвард шепнул мне на ухо, что я не должна волноваться, и он обо всем позаботится. Его губы коснулись моей щеки, и он оставил меня в покое, а сам вернулся, чтобы рассказать всем о предстоящих изменениях.

1 августа 1888 года

В доме все стало совсем по-другому. Я была так занята, что совсем забыла о своем дневнике, и только когда искала что-то в своей спальне на чердаке, нашла его и легла на кровать, чтобы перечитать. Я принесла его в спальню и заперла в тумбочке у кровати, чтобы продолжать писать, когда у меня будет время. Так много всего произошло со времени моей последней записи. Мы с Эдвардом поженились в апреле, через год после того, как впервые занялись любовью. Это была небольшая церемония, потому что единственная семья, которая у меня есть, — это семья моих бывших сослуживцев.

За год я пережила столько смертей и трагедий, что порой это бывает невыносимо. Люди говорят, что смерть забирает троих, и я боюсь, что они не ошибаются. Сначала была моя мать, потом леди Ханна, а потом его светлость. Слава богу, что есть Эдвард. Хотя он проводит больше времени в Лондоне в медицинской школе, чем здесь, я знаю, что однажды он станет великим врачом. Он сказал, что сейчас работает над так называемым приемным покоем в больнице, куда бедные, несчастные люди могут прийти, чтобы получить лечение от любых болезней и недугов, даже если у них нет денег, чтобы заплатить. Во время нашего последнего телефонного разговора он сказал, что у него ежедневно открываются глаза и что он никогда не встречал столько пьющих женщин, которые продают свое тело мужчинам по цене дешевого джина.

Я мечтаю, чтобы он вернулся домой, когда закончит учебу, и мы сможем открыть в городе заведение для лечения всех бедных людей, которым не так повезло, как нам. Эдвард обещал вскоре отвезти меня в Лондон, чтобы я познакомилась с его друзьями-врачами и осмотрела больницу, в которой он так много работает.

У кухарки появилась новая помощница, потому что Милли бесследно исчезла, когда Эдвард в последний раз был дома. Она не оставила записки и не дала понять, что хочет уйти, так что это стало для всех нас большим потрясением. Милли была в доме, когда мы пожелали друг другу спокойной ночи, а утром мы обнаружили, что она пропала. Это очень странно, но кухарка непреклонно уверена, что в этом деле замешан молодой человек, и считает, что Милли могла сбежать. Я надеюсь на это, потому что это кажется гораздо более романтическим шагом, чем мой страх, что с ней случилось что-то ужасное.

Эдвард продолжает настаивать на том, чтобы мы взяли новую экономку, но я много раз говорила ему, что в этом нет необходимости и что я вполне способна управлять этим домом, не полагаясь на постороннюю помощь. Мне наверно стоит сказать ему, что просто не хочу, чтобы кто-то заменил мою мать, но, похоже, сейчас не самое подходящее время.

После нашей свадьбы Альфи ушел в армию. Я знаю, что для него это было слишком, и что он не мог видеть Эдварда моим мужем. Как бы я хотела, чтобы он жил сейчас здесь, потому что я так скучаю по нему, а Эдвард редко появляется дома, чтобы составить мне компанию.

В последний раз, когда Эдвард приезжал домой, он пребывал не в лучшем настроении; был очень тихим и довольно угрюмым. Он вернулся в Лондон в ужасном настроении, и я не имею ни малейшего представления, почему. Понимаю, он столько пережил за такое короткое время и очень скучает по родителям. Его любовные ласки были настолько грубыми и непохожими на него, что он оставил мне синяки на запястьях и следы укусов на груди, что было очень болезненно. На следующей утро после того, как он увидел следы, которые оставил, он извинился, плача и умоляя меня о прощении. Я простила его, потому что не хочу на него сердиться. Я так его люблю.

28 августа 1888 года

Эдвард уехал в Лондон сегодня после ужасной ссоры. Он вернулся домой два дня назад, чтобы сделать мне сюрприз. Он принес мне самый красивый букет белых лилий, моих любимых цветов, и жемчужное ожерелье с изящной бриллиантовой застежкой. Отнес меня в постель, где мы провели два дня, занимаясь любовью и разговаривая. Он был в таком хорошем настроении, что я подумала, что сейчас самое время упомянуть о моей тоске по ребенку; я не думала ни о чем, кроме его последнего визита домой, и ждала подходящего момента, чтобы сказать ему.

Но он взорвался от ярости, когда я упомянула о ребенке. Швырнул вазу в стену и сорвал одну из любимых картин леди Ханны. Затем выскочил из гостиной и спустился в подвал. Гарольд сказал мне, что он взял с собой графин виски и стакан. Я хотела пойти к нему, но решила оставить в покое, пока он не успокоится. Я думала, что он будет рад стать отцом. Как я могла так ошибиться? Куда подевался мой очаровательный Эдвард? Вместо него снова появился черноглазый, подлый и обидчивый Эдвард двухлетней давности.

Когда он, наконец, вернулся ко мне, то был настолько пьян, что едва мог говорить. Его кулаки не сильно пострадали, хотя он сильно ударил меня по лицу, настолько, что у меня заплыл глаз, и я убежала и провела ночь в своей старой спальне, молясь, чтобы он не пришел искать меня.

Он не пришел поговорить со мной перед отъездом, но я надеюсь, что, когда он вернется в Лондон и подумает о своем ужасном поведении, он напишет и извинится за свою вспышку. Конечно, он должен понимать, что, если мы станем родителями, это сделает нашу жизнь полной.

1 сентября 1888 года

Завтракая в столовой, я прочитала в «Таймс» об ужасном убийстве, которое произошло в той части Лондона, которая называется Уайтчепел. Было найдено тело женщины по имени Полли Николс с перерезанным от уха до уха горлом. Там говорилось, что у женщины также имелись ужасные раны на животе, а когда её нашли, на горле у неё был чистый белый носовой платок. Я так рада, что живу в таком красивом, уединенном доме, окруженном нашим собственным лесом и довольно далеко от ближайшего города.

Здесь, слава богу, ничего подобного не происходит.

Газета описывала эту женщину как «проститутку». Мне придется спросить Эдварда, что это значит. Мне кажется, я догадываюсь, но не хотелось бы ошибаться. Я могла бы спросить кухарку, но она бросила бы на меня один из своих взглядов, а я не выношу, когда она смотрит на меня свысока.

Эдвард, наконец, позвонил мне сегодня днем, чтобы извиниться за свое ужасное поведение, когда он был дома в последний раз. Он попросил у меня прощения за то, что причинил мне столько боли после нашей последней ссоры, и спросил, все еще ли я злюсь на него. Я рассмеялась и сказала, что не могу долго на него сердиться. Упомянула о газетной статье, и он сказал, чтобы я не беспокоилась о том, что происходит в Лондоне, потому что это далеко от аббатства Вуд, и это большой город, полный странных людей. Он объяснил, кто такая проститутка, и я оказалась права. Эдвард сказал, что таких женщин, ему приходится ежедневно лечить в приемном покое, и от этого мне стало еще грустнее. Бедная женщина вела ужасную жизнь, и закончила её самым ужасным образом. Конечно, ей стоило уйти в лучшее место. Когда молилась сегодня вечером, я молилась за её душу. Прежде чем лечь в постель, я почему-то никак не могла выкинуть из головы образ Полли Николс, и прошло много времени, прежде чем я заснула.

9 сентября 1888 года

Завтракая, я снова прочла в газете, что в Уайтчепеле самым отвратительным образом убили еще одну женщину. Энни Чапмен перерезали горло, как и в прошлый раз. Далее в отчете описывались другие её ужасные раны, и у меня кровь застыла в жилах при мысли о боли и страданиях, которые перенесли эти бедные женщины. Я понятия не имею, почему это так на меня влияет. Может быть, потому, что знаю, что Эдвард в Лондоне и имеет дело с такими бедными женщинами, и это как бы связывает меня с ними. Эту женщину тоже нашли с чистым белым платком на шее. Может убийца чувствовал себя виноватым в том, что сделал, и таким образом пытался скрыть это? К счастью, я никогда этого не узнаю. Мне придется спросить Эдварда, живет ли он где-нибудь поблизости от этого ужасного Уайтчепела. Надеюсь, что это не так, потому что кажется, как будто люди, живущие в этом месте, имеют очень мало денег. Эдварду не нужно беспокоиться об этом, потому что ему повезло, что у него их много.

Весь день я чувствовала себя больной и усталой, но не знаю, то ли оттого, что эти убийства так на меня влияют, и я не могу выбросить их из головы, то ли оттого, что я чем-то больна. Тошнота не покидает меня, и я все время чувствую себя такой опустошенной.

15 сентября 1888 года

Должно быть, нечистая совесть одолела Эдварда, потому что сегодня он неожиданно вернулся домой. Я все еще чувствую себя не лучше, и за ужином он хотел знать, почему я ковыряюсь в еде и не ем. Он читал мне лекции о последствиях плохого питания. Сказала ему, что плохо себя чувствую, и он настоял, чтобы я рассказала о своих симптомах, и проверил пульс и температуру. Он не думал, что у меня что-то серьезное, но настоял, чтобы мы первым делом вызвали доктора Смита, чтобы убедиться, что все в порядке. Я просила его перестать суесться, но он не слушал.

Когда мы сидели в библиотеке и обсуждали наши планы на будущее, он сказал, что не может перестать думать о том, каким жестоким он был во время своего последнего визита домой. Он снова извинился, но ни слова не сказал о моем желании иметь ребенка.

Эдвард отпустил прислугу на вечер, так что дом оказался в нашем полном распоряжении, что было редким удовольствием. Какое-то время все было так, как раньше, и мы занимались любовью так нежно, как и много месяцев назад. Потом он отнес меня наверх, где мы лежали в объятиях друг друга, пока не уснули.

18 сентября 1888 года

Сегодня Альфи вернулся домой в отпуск из армии, и я не могла скрыть своего волнения, увидев его снова: мне так его не хватало. Мы с кухаркой и Гарольдом ждали его снаружи. Когда лошадь и экипаж остановились перед домом, я сбегала по ступенькам, повисла у него на шее и крепко обняла. Он обнял меня в ответ на короткое время, а затем отступил назад, как будто обжегся. Я обернулась и увидела, что Эдвард наблюдает за мной из окна бильярдной, и почувствовала, как мои щеки вспыхнули. Эдвард рассердился. Я поняла это по тому, как он держался прямо и напряженно. Я почувствовала, как мой желудок сжался.

Гарольд помог Альфи с чемоданом, а я отступила, чтобы найти Эдварда. Его нигде не было видно. Кухарка сообщила, что он снова в подвале. Я дошла до двери в подвал и остановилась. По сей день не могу спуститься туда, подвал все еще пугает меня, поэтому я оставила Эдварда в покое. В последний раз, когда я спросила его, чем он там занимается, он ответил, что разбирает вещи родителей и не хочет, чтобы я ему мешала. Он объяснил, что слишком много воспоминаний принадлежит ему одному. Я вернулась на кухню и села за стол. Кухарка поставила передо мной тарелку со свежееиспеченными имбирными пряниками, и впервые за неделю я почувствовала, как мой желудок урчит от голода. Имбирные пряники — любимое лакомство Альфи, хотя, если бы вы спросили её, готовила ли она их специально для него, она, без сомнения, отрицала это. Затем она поставила на стол большой оловянный чайник и множество чашек и блюдец. Альфи и Гарольд вошли, а я была хозяйкой и разливала чай. Мы все слушали рассказы Альфи о далеких местах и смеялись, потому что он был таким забавным. Даже Гарольд, который обычно ни на кого и ни на что не обращал внимания, казался заинтригован.

Понятия не имею, как долго мы там просидели, когда в кухню вошел Эдвард. Он кивнул Альфи и попросил меня пройти с ним в малую столовую. Я извинилась и последовала за ним. Я знала, что он зол на меня, и была в ужасе от того, что должно последовать. Я всегда знала, что он ревнует меня к Альфи, но понятия не имела, насколько сильно. Он захлопнул дверь и потребовал, чтобы я никогда больше не ходила на кухню; он сказал, что это место для слуг, а не для Хозяйки Дома. Он расхаживал взад-вперед по комнате. Вдруг Эдвард резко остановился и повернулся ко мне: глаза у него были черные. Потом он сказал, что если еще раз застанет меня за разговором или прикосновением к Альфи, то будет бить до тех пор, пока ни один человек на этой земле больше не посмотрит на меня. Я испугалась, потому что знала, что его угрозы реальны. Я извинилась и попыталась объяснить, что Альфи был мне как брат, и мы выросли в этом доме только в компании друг друга. Эдвард ударил меня так сильно, что моя голова откинулась назад, а лицо начало гореть. Он схватил меня за волосы, которые я так долго укладывала этим утром, и дернул так сильно, что слезы потекли по моему лицу. Когда он отпустил меня, я выбежала из комнаты, поднялась по лестнице в свою спальню на чердаке и захлопнула дверь. Бросилась на кровать и плакала, пока не уснула. Эдвард никогда не искал меня, и за это я была ему благодарна.

28 сентября 1888 года

Эдвард не разговаривал со мной уже больше недели. Атмосфера в доме ужасная. Доктор звонил сегодня утром, чтобы сказать мне, почему мое состояние не улучшается.

Он сказал, что я беременна. Не знала, смеяться мне или плакать. Испытав огромное облегчение, что не была серьезно больна, я все-таки боялась сказать об этом Эдварду. Конечно, он перестанет сердиться на меня, когда узнает, что станет отцом, потому что нет большего дара, чем дар новой жизни. Надеюсь, что это вернет Эдварда, по которому я так скучаю, Эдварда, который любит меня и не хочет причинить боль.

Не смогла удержаться и бросилась к нему, чтобы сообщить хорошие новости. Я нашла его в кабинете, он сидел, склонив голову, и писал письмо. Он даже не взглянул на меня, так был поглощен своим письмом. Я кашлянула и испугала его, потому что он поднял глаза и сунул бумагу под промокашку. Войдя, закрыла за собой дверь. Он спросил, чего я хочу, и я рассказала ему нашу замечательную новость. Я ожидала, что он подхватит меня на руки и поцелует. Вместо этого он поднялся со стула, краска сошла с его лица, превратив его в мертвенно-белую маску, его черные глаза сверкнули, и он молча прошел мимо меня из комнаты. Я не знаю, что у него на уме. В одно мгновение он счастлив и добр, в следующее — безумен и жесток.

Интересно, как бы все сложилось, если бы я вышла замуж за Альфи и рассказала ему эту новость? Точно знаю, что он подхватил бы меня и закружил по комнате, крича от радости. Милый счастливый Альфи, который и пальцем не пошевелит, чтобы прихлопнуть муху, и скорее умрет, чем ударит меня, в отличие от Эдварда, которому, я думаю, доставляет огромное удовольствие причинять мне боль.

Боюсь, что Эдвард, за которого вышла замуж, был иллюзией, но я понятия не имею почему. Завтра он возвращается в Лондон, поэтому я занялась упаковкой его чемодана и сумок. Спросила Гарольда, не знает ли он, где Эдвард, и он ответил, что тот спустился в подвал. Я улыбнулась, поблагодарив его, потому что не хочу, чтобы кто-нибудь знал о трудностях между Эдвардом и мной, это моя проблема и только моя.

29 сентября 1888 года

Как глупо было думать, что, перспектива стать отцом положит конец его жестоким вспышкам. Прошлой ночью он грубо взял меня, и было так больно, что я боялась потерять ребенка. Он продолжал кусать меня и так сильно сжимал мои руки, что сегодня я вся покрыта синяками, отметидами на руках и на груди. Я так боялась за ребенка внутри себя, что не сопротивлялась, а лежала, и слезы безмолвной печали катились по моим щекам. Затем он спустился вниз и выпил так много этого ужасного виски, который он так любит, что, когда он вернулся, от него разило алкоголем. Он был так пьян, что рухнул на кровать полностью одетым и заснул. Его храп был таким громким, и он вызвал у меня такое отвращение, что я прокралась из нашей супружеской постели в свою старую спальню.

Как же мне хотелось снова стать горничной! Раньше я думала, что никогда не закончу свою работу по дому и что со мной так плохо обошлись. Ха! Как мало я знала? Таскать тяжелые ведра с мыльной водой, чтобы вымыть ступеньки, и проводить весь день на четвереньках, натирая полы до блеска, — мысль о такой жизни привлекает меня гораздо больше, чем быть избитой женой хозяина дома.

Эдвард встал сегодня утром и не сказал мне ни слова: на этот раз никаких извинений за свое поведение. Гарольд запряг лошадь в экипаж, а я наблюдала из окна классной комнаты, как Эдвард забрался внутрь и даже не обернулся, чтобы посмотреть, там ли я.

У меня до сих пор перехватывает дыхание, когда я смотрю на него, потому что он такой красивый мужчина. Иногда мне приходится щипать себя, чтобы убедиться, что моя жизнь реальна. Я вспоминаю прошлый год, когда все было так прекрасно, и он не знал

ничего, кроме страсти ко мне. Мне так этого не хватает. В глубине души я знаю, что люблю его, хотя в данный момент и боюсь. Я понимаю, что он, возможно, все еще скорбит и ему тяжело. Несмотря на все, что он продолжает делать со мной, я все еще чувствую чувство долга по отношению к нему, потому что он мой муж.

Я спустилась вниз, на кухню, зная, что теперь, когда он ушел, это будет безопасно. Подойдя к двери, я услышала, как кухарка сплетничает с Альфи о том, что дела у дочери экономки теперь идут не так хорошо. Я склонила голову и пошла прочь, не желая больше слушать её злобные сплетни. Не хотела видеть жалость или даже презрение на лице Альфи и не хотела слышать, как они говорят то, о чем думают: «Кем ты себя возомнила, Элис Хьюз?»

Понятия не имею, что мне делать со своим затруднительным положением, и мне не к кому обратиться. Я только надеюсь и молюсь, что, как только Эдвард успеет все обдумать в Лондоне, он успокоится и позвонит мне, чтобы попросить прощения.

Я бы все отдала, чтобы довериться Альфи, как раньше, но он занят, всякий раз, когда я захожу в комнату. Кухарка сообщила мне, что завтра он возвращается в армию.

Прошлой ночью мне снилась жизнь с Альфи. Я знаю, что он любит детей, потому что он говорит о своих сестрах с большой нежностью. А я заперта в этом прекраснейшем доме с человеком, который не любит меня, и, боюсь, ненавидит больше всего на свете. Я могу только благодарить Эдварда за то, что он проводит так много времени в Лондоне, потому что мне страшно подумать, во что превратилась бы моя жизнь, если бы он все время жил здесь.

Не в силах больше это выносить, я отправилась искать Альфи. Он был снаружи, в оранжерее, ухаживал за растениями, помогая садовнику Томасу. Он посмотрел на меня впервые за несколько дней, и я увидела, как на его лице отразился шок. До этого момента я не осознавала, насколько ужасно выгляжу. Он спросил меня, что я делаю, разговаривая с ним, когда очевидно, что Эдвард — он почти выплюнул это имя — запретил мне. Так много хотелось ему сказать, но вместо этого я заплакала, как жалкая маленькая девочка. Альфи поставил лейку и подошел ко мне. Он помолчал, не зная, что делать, но потом обнял меня и крепко прижал к себе. Я чувствовала себя глупо, но не могла остановиться. Все, что я держала в себе, казалось, выплеснулось наружу в этих слезах. Я положила голову ему на грудь.

Через некоторое время он подвел меня к нашей сломанной скамейке, и мы снова сели на неё, и я излила ему свою душу. Рассказала о побоях, которые нанес мне Эдвард; он заставил меня закатать рукава, чтобы посмотреть на синяки на руках. Он был так зол на Эдварда, но его глаза все еще оставались спокойно-голубыми. Он нежно поцеловал мои истерзанные руки, и мои глаза снова наполнились слезами. Я сказала ему, что жду ребёнка, которого Эдвард не хочет, и рассказала о своем желании снова оказаться в прислуге. Это рассмешило Альфи, и он сказал, что я никогда не была создана для того, чтобы прислуживать. Он говорил, какая я красивая и как он любил меня с самого первого дня, когда я вошла в дом, когда мне было девять лет, а ему двенадцать. Вспомнил, что я пряталась за длинными юбками матери и в тот день у меня по щекам текли слезы, потому что я упала на гравийную дорожку и поранила колено. Давно забытые воспоминания нахлынули на нас, и мы сидели там несколько часов, разговаривая, пока оба не проголодались, и нам не пришлось вернуться в дом. Альфи сказал, что ему нужно вернуться в армию, но, когда он вернется домой, он поможет мне собрать вещи и уехать с ним куда-нибудь как можно дальше от

аббатства Вуд. Он пообещал, что будет любить ребенка, как своего собственного, потому что тот часть меня. Мы скажем людям, в том месте куда переедем, что мы женаты, и никто не узнает ничего другого, потому что это наш секрет.

Впервые за несколько месяцев я почувствовала, что моя жизнь может иметь счастливый конец, как в сказках, которые я читала. Альфи поднял меня со скамейки и поцеловал. Это было чудесно, и казалось, что наши губы всегда должны быть вместе, как две части головоломки. Копыта лошади в отдалении заставили нас отскочить друг от друга, и я испугалась, что Эдвард вернулся. Побежала из оранжереи обратно в дом, мой желудок сжался в тугий узел. Я ждала в библиотеке, высматривая, кто приехал. К моему большому облегчению, это оказался бакалейщик, делавший еженедельную доставку для кухарки. Много позже я нашла Альфи и заставила его пообещать никому не говорить о наших планах, потому что, если Эдвард узнает, он убьет нас обоих, в этом я не сомневаюсь. Альфи взял мою руку и поднес к губам. Нежно поцеловав её, он пообещал, что это будет нашей тайной до того дня, когда мы уедем и никогда не вернемся.

Когда я пишу это, на сердце у меня становится намного легче. Теперь, когда я раскрыла свою душу, знаю, что Альфи позаботится о нас обоих, и мне не придется бояться за жизнь моего будущего ребенка с ним. Я строю планы и впервые чувствую, что есть надежда. Я соберу только самые важные вещи, которые мне понадобятся, и положу их в старый мамин сундук в моей комнате на чердаке. Мне придется спросить мистера Эрнеста, как снять оставленные мне деньги, но не буду этого делать, пока не узнаю дату, когда Альфи приедет за мной, на случай, если он предупредит Эдварда, хотя я чувствую, что смогу купить его молчание, потому что он странный маленький человек.

30 сентября 1888 года

Альфи уехал сегодня утром, и вместе с собой он забрал мое сердце, и не только тот маленький кусочек, который всегда принадлежал ему. Я наблюдала за ним из окна классной комнаты, так как не хотела, чтобы кухарка видела, как машу ему на прощание, потому что она не может удержаться от пустых сплетен. Какая ирония — так расставаться мы должны были вчера с Эдвардом. Вместо этого, после его отъезда, я испытала только облегчение, что больше не буду испытывать боли до его следующего визита домой.

Когда экипаж тронулся, Альфи повернулся к окну. Он послал мне воздушный поцелуй, который я поймала и тут же ответила. Он одарил меня той мальчишеской улыбкой, которую я так люблю, и мое сердце наполнилось радостью. Мне так повезло, что он все еще хочет любить меня, даже несмотря на то, что я впустила Эдварда в свою жизнь, когда все это время это должен был быть он. Я так благодарна ему за то, что он нашел в себе силы простить меня. Я сделаю его самым счастливым человеком на земле и буду заботиться о нем, как он того заслуживает. Я ни разу не видел, чтобы глаза Альфи потемнели от гнева и ненависти. Они всегда остаются чистой голубизны; такие тихие и нежные, как самое спокойное море.

Глава 20

Дерек ехал в город в полицейский участок, изрядно нервничая. Он припарковался на общественной стоянке напротив и сунул деньги в автомат, оплатив парковку. Неизвестно сколько пройдет времени, прежде чем он сможет с кем-нибудь поговорить. Подойдя к главному входу и, набравшись храбрости, он вошел внутрь. К полу был привинчен ряд ярких синих пластиковых стульев. На них сидели две молодые девушки, которые ссорились из-за потерянного телефона. Он подошел к стеклянной стойке и нажал кнопку вызова. Тут же

вошла женщина с улыбкой на лице, на бейдже было написано «Лина». Дерек улыбнулся в ответ.

— Здравствуйте, моя дорогая, могу ли я поговорить с каким-нибудь офицером полиции наедине? Мне очень жаль, но я не могу сообщить вам, в чем дело.

Она кивнула.

— Все в порядке, не волнуйтесь, я запишу ваше имя и попрошу кого-нибудь подойти и поговорить с вами. — Дерек сел как можно дальше от девушек: они все еще спорили. Всего через десять минут молодая женщина открыла тяжелую деревянную дверь рядом с ним и произнесла его имя. Дерек встал и улыбнулся, затем последовал за ней через дверь в маленькую комнату для допросов со столом, четырьмя стульями и крошечным окном.

— Мистер Эдмондсон, меня зовут Салли. Я офицер общественной поддержки. Не хотите рассказать мне, в чем проблема?

— Ну, это будет звучать так, будто я сошел с ума, и поверьте, мне неловко приходить сюда и говорить об этом, но я не сумасшедший, и мне действительно нужно рассказать кому-нибудь об этом, а вы, моя дорогая, вытянули короткую соломинку. Я встретил женщину, которая нуждается в помощи, но я ничего о ней не знаю, кроме того, что её зовут, вероятно, Энни. Видите ли, я медиум-экстрасенс, и на прошлой неделе она пришла на собрание в спиритическую церковь. Я получил сообщение от своего духа-наставника о ней, и оно было серьезным.

Салли записала все это на клочке бумаги.

— Продолжайте, мистер Эдмондсон, я вас слушаю.

— Ну, я не могу выбросить её из головы и знаю, что произойдет что-то ужасное. Мне нужно найти её, чтобы помочь. Мне кажется, я запомнил номер её машины или часть его. Если я дам номер вам, сможете найти её, убедиться, что с ней все в порядке, и передать сообщение от меня? Я понимаю, что прошу слишком многого, но не могу не подчеркнуть, насколько это важно, её жизнь может быть в опасности.

— Я могу пробить номер машины и получить её имя и адрес, но, боюсь, не смогу сообщить вам эту информацию, сэр, это конфиденциально. Но могу попросить районного офицера позвонить и передать ей ваши контактные данные. Так будет нормально? Мне очень жаль, но это лучшее, что я могу сделать.

Напряжение, сжимавшее его грудь последние несколько дней, немного спало.

— Она ездит на красном «мини» с черным мягким верхом, на капоте две гоночные полосы, а регистрационный номер вроде как «ЭНН—1Е».

Офицер резко встала.

— Если вы не возражаете, сэр, я пойду и наведу кое-какие справки. Это не займет много времени.

Салли вышла из комнаты для допросов и побежала прямо к офису уголовного розыска, ворвавшись в дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног Уилла, стоявшего с другой стороны.

— Господи, Сэл, что ты пытаешься сделать? Прикончить меня.

— Извини, Уилл, но в допросной странный посетитель. Он пришел, чтобы попросить нас разыскать женщину из спиритической церкви, с которой он познакомился на прошлой неделе.

— Какая чушь, похоже, эта работа как раз для тебя, Сэл. Я по уши увяз в пропавших, мертвых девушках и всем таком.

Она оборвала его:

— Уилл, он только что дал мне описание машины Энни Грэм и её номера, это личная машина, которую она купила себе в прошлом году.

Уилл почувствовал, как пирог и чипсы, которые он ел раньше, пытаются пробиться обратно. Оттолкнул Салли и бросился в комнату для допросов: она оказалась пуста. Он вышел в приемную. Там сидели две девушки и смотрели друг на друга, но больше никого. Он вышел на улицу, чтобы осмотреться, но уже далеко за полдень, и там было много народу, к тому же он понятия не имел, как выглядит этот человек.

— Черт, черт, черт.

Обе девушки посмотрели в его сторону и усмехнулись. Салли держала внутреннюю дверь открытой, чтобы Уилл мог вернуться.

— Я оставила его всего на минуту, он не мог уйти далеко.

— Достань записи с камер наблюдения из приемной и попроси криминалистов распечатать снимки. Мы должны опознать его и быстро. Очень странное совпадение, когда у нас одна пропавшая девушка, одна мертвая, и он приходит узнать, где живет один из наших офицеров.

— Уилл, он сказал, что боится за её безопасность, что она в смертельной опасности. Он показался мне порядочным парнем, только немного странным.

— Ага, и Тед Банди тоже, и он убил, по меньшей мере, двадцать восемь женщин.

Они оба прошли в приемную, где Лина перемотала запись с камер видеонаблюдения, на которой мужчина сидел на стульях. Она поставила на паузу, и Уилл прищурился.

— Нет, никогда в жизни его не видел. Но нам нужно найти его, и как можно скорее. — Он начал набирать номер Энни, но тот снова переключился на голосовую почту, и Уиллу пришлось сдержаться, чтобы не швырнуть телефон в стену и не разбить его вдребезги: совершенно бесполезно.

Дерек вернулся к своей машине. Как только офицер вышла из комнаты, у него в кармане завибрировал телефон, и он понял, что это Энни. Не желая больше тратить время милой женщины, он вышел из участка и пошел обратно на парковку, не обращая внимания на окружающий мир. Голос в его голове звучал так тихо, что ему пришлось сосредоточиться, чтобы расслышать, что она сказала. Холодок пробежал по его телу. Что бы это ни было, оно началось.

Глава 21

Элис знала, что дом снаружи превратился в разрушающуюся развалину. Без любви и заботы фасад казался печальным. Внутри, однако, была другая история. С каждым днем атмосфера накалялась все сильнее. Как будто по нему пробежал невидимый электрический заряд. Тени, наполняющие дом, становились все чернее и плотнее. Если бы вы захотели, то могли бы услышать шум, и он доносился из подвала.

Наверху одинокий белый фантом Элис бродил по коридорам, изо всех сил стараясь утешить недавно ушедшую душу девушки, которую так внезапно и без всякой причины вырвали из её жизни. Элис должна показать Энни, что здесь происходит. Когда она впервые вошла в дом, Элис почувствовала такую сильную связь с ней. Она изо всех сил старалась показать ей, каким был этот дом раньше: в классной комнате она положила свой дневник, который прятала более ста лет. Элис была недостаточно сильна, чтобы остановить монстра во второй раз, и её мучило, что зло стало намного сильнее добра. Все, чего Элис когда-то

хотела от жизни, — это быть счастливой и помогать другим. Вместо этого она вышла замуж за маньяка, убийцу. Когда она нашла в себе силы положить конец его безумию, воспоминания об этом мучили её всю оставшуюся жизнь, и она никогда по-настоящему не находила счастья, которого заслуживала.

В глубине души Элис с самого начала знала, что с Эдвардом что-то не так. Она любила его так сильно, но ему этого было недостаточно. Она знала, что он все планировал до последней детали. В последующие дни после его смерти ей все стало гораздо яснее. Осознание, что он использовал её из-за того, что ей оставили половину наследства, причиняло сильную боль. Вместо того чтобы отвернуться от неё, он обманул её ради собственной выгоды. Она узнала, что леди Ханна не упала сама, это любящий сын Эдвард толкнул её, обрекая на смерть. Он подстроил гибель всех. У Элис не было ничего, кроме сожалений на всю жизнь, но она надеялась, что на этот раз ей удастся что-то изменить. Она ни за что не позволит Эдварду мучить и убивать снова и снова; его нужно остановить.

Энни так походила на Элис, но она понятия не имела, что поставлено на карту. Именно она положит конец всему этому навсегда. Элис чувствовала, как она становится все незаметней. Это странно, она никогда не думала о призраках, когда была жива, но здесь она попала в ловушку в доме, где она умерла навсегда, а злой дух Эдварда всегда скрывался вокруг. Он держался в подвале, в тени, редко набираясь смелости подняться наверх, на свет. Ему нравилось жить в темноте, заново переживая свои злодеяния. Элис больше не боялась его, но он заставлял её чувствовать себя неловко, и она исчезала как можно дальше, когда чувствовала его присутствие. Он тоже был равнодушен к этой женщине: он прятался и наблюдал за ней. Элис полагала, что если она чувствует связь с ней, то он должен чувствовать угрозу с её стороны. Элис удалось помешать ему, причинить ей реальный вред, но это оказалось так тяжело, и ей необходима помощь. Ей нужно, чтобы кто-то пришел и изгнал Эдварда навсегда, отправив его душу в ад, где ему и место. Он не должен бродить вокруг, причиняя сердечную боль и опустошение. Если её связь с Эдвардом будет окончательно разорвана, возможно, она воссоединится с Альфи. Элис вздохнула, и её образ исчез, когда по дому пробежал легкий шепот.

Глава 22

Энни вернулась на ферму, её дурацкий телефон остался без сигнала, а она отчаянно хотела услышать голос Уилла, любой голос подошел бы — даже Джейка. Ей нужен кто-то, кто сказал бы, что она не сходит с ума, пока еще нет. Всю свою жизнь она верила, что у всего происходящего есть разумное объяснение, ей просто нужно понять, с чем она столкнулась в этот раз. Ей очень хотелось позвонить Бену, но он забеспокоится и вернется домой, а она эгоистично этого не хотела. Не похоже, чтобы он действительно мог чем-то помочь.

Зайдя на кухню, она сбросила резиновые сапоги, достала из холодильника молоко и приготовила себе кружку горячего шоколада: ничего другого в такую промозглую погоду не хотелось. Её план состоял в том, чтобы найти один из батончиков «Марс», которые она спрятала на всякий случай в глубине шкафа, взять дневник и читать его, пока не закончит. Может быть, Дерек перезвонит, и она сможет положить всему этому конец и жить долго и счастливо. Когда она опустилась на диван, зазвонил телефон. Она ответила и не была разочарована, услышав голос Уилла.

— Привет, это я, звоню, убедиться, что с тобой все в порядке.

— Думаю, да, но что случилось?

— Я беспокоюсь за тебя. Происходят плохие вещи. Девушка, пропавшая прошлым вечером... её тело нашли сегодня утром; я только что вернулся со вскрытия. И ты все знаешь о Дженне, поэтому думаю, что наш парень равнодушен к аббатству. Никаких шансов на то, что она сама вернется.

Энни решила во всем признаться и рассказать ему о том, что случилось.

— Уилл, здесь происходит что-то странное, но это не имеет никакого отношения к тем девушкам, и я не знаю, как это объяснить, чтобы не прозвучало так, будто я чокнулась. Расскажу больше, когда у тебя будет возможность приехать, но я пыталась связаться с одним медиумом, которого встретила несколько дней назад.

— Его зовут Дерек Эдмондсон?

— Откуда ты это знаешь?

— Он приходил в участок утром и просил Салли найти тебя и передать сообщение.

— Как он узнал, кто я? Он не знает моего имени. О, подожди, мог и знать, я оставила ему голосовое сообщение.

— Он описал твою машину и регистрационный номер. Послушай, Энни, мне нужно его найти. Какое совпадение, он приезжает из другого города, и у нас вдруг появляется маньяк, убивающий девушек. Сделай мне одолжение, ладно? Пожалуйста, приезжай в город, я встречу тебя у вокзала и отвезу к себе домой или к Джейку, если хочешь. Если ты слишком упряма, чтобы сделать это, тогда запри двери, проверь дом и жди, когда я или Джейк придем к тебе. Что бы ты ни выбрала, никому не открывай дверь. Лично я предпочел бы, чтобы ты немного пожила у меня, пока мы не поймем этого парня.

— Я не могу уйти, Уилл. Я должна присматривать за Тесс и цыплятами, я должна быть здесь. Со мной все будет в порядке. Я останусь внутри и, если увижу, что сюда направляется какой-нибудь собачник, позвоню тебе.

Уилл вздохнул.

— Ты очень упрямая, ты же знаешь, правда? Я приеду, как только смогу, но это может занять некоторое время.

— Да, упряма, но если это тебя утешит, то я не могу дождаться встречи с тобой.

— Не выходи на улицу, я серьезно. И запри дверь.

Она закончила разговор улыбаясь. Уилл мало что знал, но она сомневалась, что все может стать еще хуже. Она систематически проверяла каждую дверь и окно, сомневаясь, что это будет иметь хоть какое-то значение при том, что она испытывала в глубине души. На самом деле, она боялась, что может запереть что-то внутри себя. Наверху было так же холодно, как и внизу этим утром, и она вздрогнула. «Да ладно тебе, Энни, все, что тебе нужно, — это записаться к врачу, и чем скорее, тем лучше». Но на всякий случай она наполнила сумку всем, что могло ей понадобиться в экстренной ситуации, и, стащив её вниз по лестнице, запихнула в шкаф внизу. Даже после сегодняшнего утра здесь казалось безопаснее, потому что, если что-нибудь случится наверху, сбежать будет гораздо труднее. На двери, ведущей на лестницу, был замок, и она задвинула засов.

На кухне Энни порылась в ящиках в поисках фонарика и нашла два. Проверила их, убедившись, что они работают. Нет никакого шанса, что её снова застанут врасплох. Она засунула один под подушку на диване, а другой положила на кофейный столик, а затем взяла коробку с лампочками из кладовки и принялась щелкать выключателями и менять лампочки, которые не работали. Когда весь нижний этаж был залит светом, она почувствовала себя намного лучше. Энни подумала о том, чтобы сходить в сарай и взять пару

молотков на всякий случай, или это уже перебор? Лучше пользоваться предметами домашнего обихода, чем ножом, если придется, вот что она говорила всем избитым женщинам, с которыми имела дело ежедневно. Гораздо больше аргументов в суде — самозащита, ваша честь. Но ей было плевать, на неё не нападут дважды: если ей понадобится использовать нож, она это сделает. Кроме того, у камина лежала тяжелая медная кочерга на случай, если ей придется защищаться от убийцы, появившегося в этих местах. Энни пришло в голову, что с ней, вероятно, все будет в порядке, потому что в зрелом возрасте тридцати двух лет она выбивалась из возрастной категории жертв, по крайней мере, на десять лет.

Усевшись, она взяла свой горячий шоколад, который уже остыл, и поставила его обратно. Она решила дождаться прихода Уилла, а потом найти в буфете самый большой бокал и наполнить его до краев.

Тесс залаяла и вскочила, чтобы выглянуть в окно. Словно рыцарь в сверкающих доспехах, Дерек шел по дорожке к её машине. Энни не знала, откуда у неё появилась эта уверенность, но она чувствовала, что он из хороших парней, и, вероятно, слишком стар, чтобы убивать и водить за нос полицию. Кроме того, у неё нет выбора, она не знала других медиумов, которые были бы готовы помочь ей. На самом деле она вообще ничего не знала. Игнорируя все предыдущие советы Уилла, она отперла дверь и вышла наружу.

— Привет, значит, вы получили мое сообщение? Как вы узнали, где меня найти?

Дерек шагнул вперед и протянул руку.

— Честно говоря, я не был совсем уверен. Не могли бы мы начать все сначала? Дерек Эдмондсон. Мне кажется, я очень рад с вами познакомиться. А ваше имя?

— Энни Грэм. — Она взяла его за руку и пожала её, как будто они старые друзья.

— Не могу толком объяснить, но после того, как я выслушал ваше сообщение, мне захотелось прогуляться по этим лесам — такое иногда случается, — так и сделал, и вот я здесь. Я увидел машину за деревьями и пошел по тропинке.

Энни была поражена, но благодарна ему за то, что он нашел её. Она пригласила Дерек войти.

— Не желаете чашечку чая?

— С удовольствием, спасибо. Есть некоторые вещи, которые мы должны прояснить. Не хотите рассказать мне в точности, что происходило от начала и до конца?

— С чего мне начать? — Она рассказала ему обо всем, что случилось. — Честно говоря, мне кажется, я схожу с ума. У меня черепно-мозговая травма, и думаю, врачи еще не поняли, насколько серьезно повреждение мозга.

Дерек рассмеялся.

— Ага, тогда это все объясняет. Иногда серьезная травма головы может привести к пробуждению дремлющей части вашего разума, которая гораздо более восприимчива к вещам, происходящим на другом уровне. Многие называют это шестым чувством.

Впервые за несколько дней плечи Энни расслабились, и она вздохнула с облегчением.

— О, слава богу. Все началось, когда я вошла в пустой особняк неподалеку отсюда. Когда оказалась внутри, меня посетило самое удивительное чувство дежавю. Мне казалось, что я жила здесь очень давно. Сегодня утром я проснулась в ледяной холодной комнате и наткнулась на огромный черный фантом на кухне, который принял форму человека. Я чувствую, что за мной все время наблюдают, и иногда это кажется нормальным, но иногда это чертовски пугает.

— О, дорогая, это нехорошо, совсем нехорошо. Это черный фантом что-нибудь говорил или делал?

— Ну, он попытался открыть дверь, которую я держала, но тут появился шар яркого белого света, и женский голос велел ему уйти, поэтому он зарычал на неё, но ушел. Мне кажется, я знаю, кто эта женщина, но иногда мне мерещится, что я и есть та женщина из прошлого. Я запуталась, и вы первый, кому я рассказала об этом, на случай, если они наденут на меня смирительную рубашку и увезут.

Дерек улыбнулся, и его морщинистые зеленые глаза загорелись.

— Нет, дорогая, вы не сходите с ума. Это звучит так, как будто вы испытываете множество вещей, все из которых, как доказано, существуют, хотя я никогда не встречал никого, кто за такой короткий промежуток времени видел так много. Добро пожаловать в мир экстрасенса. В некоторых случаях это может стать даром, который останется с вами на всю оставшуюся жизнь: я разговариваю с мертвыми людьми с тех пор, как мне исполнилось девять лет. Или же окажется временным явлением. Как бы то ни было, ваша жизнь уже не будет прежней, это я вам гарантирую.

Энни хотелось верить каждому его слову, в них было столько смысла, но циничная часть её считала, что он несет полную чушь. Её так и подмывало рассказать ему о дневнике, но внутренний голос подсказывал ей другое. *«Это только для твоих глаз. Когда придет время, сможешь делать все, что пожелаешь, но пока держи его в тайне».*

Дерек наблюдал за ней.

— Что держать в тайне?

— Вы тоже это слышали?

Он кивнул и начал рассказывать о чудесах имеющегося дара. Следующие тридцать минут Энни слушала его как замороженная, пока краем глаза не заметила полоску ярко-желтого света,двигающуюся между деревьями к тропинке. Джейк махал ей рукой. Она повернулась к Дереку и увидела, как краска отхлынула от его лица при виде большого, крепкого полицейского.

Он встал.

— Что ж, на этот раз было приятно познакомиться по-настоящему. Думаю, мне пора идти, раз уж я отнял у вас достаточно времени.

— Знаю, что он выглядит страшно, но, честно говоря, он очень милый и он мой лучший друг, которого послали проверить меня.

Дерек немного расслабился, когда Джейк вошел в кухню.

— Тук-тук. Знаешь, что твой новый парень Уилл прислал меня сюда, чтобы я побыл твоим личным телохранителем, пока он не закончит работу? Заметь, я не жалуясь, пока ты ставишь чайник: умираю от жажды и голода. У тебя есть какая-нибудь еда, которую ты можешь приготовить и которую не сожжешь, пока она не станет непригодной для употребления человеком?

Энни рассмеялась. Сильно обрадовавшись его приходу, она обняла его. Он сжал её в ответ слишком сильно, но ей было все равно; она чувствовала себя в безопасности и тепле.

Дерек направился к двери.

— Мне пора идти. Мы могли бы встретиться завтра в церкви, если вы свободны, и попытаться провести сеанс вместе. Это может помочь докопаться до сути всего.

Энни не осмеливалась взглянуть на Джейка. Она поблагодарила Дерек и снова пожала ему руку.

— Я позвоню вам утром и дам знать.

Он вышел во двор.

— Буду ждать с нетерпением и, пожалуйста, не стесняйтесь звонить, если вам понадобится поговорить со мной. Будьте осторожны, Энни.

Она смотрела, как он идет по тропинке и исчезает за деревьями. Громкий смех Джейка наполнил кухню и донесся из-за двери. Она вернулась в дом и увидела, как он согнулся пополам.

— Что смешного?

Его лицо приобрело множество оттенков красного, он пробормотал:

— Зачем тебе вообще понадобилось идти в церковь, и что он имел в виду под сеансом? Я не думаю, что Уилл слишком обрадуется, если ты так скоро начнешь встречаться со странными стариками, особенно в церквях. Энни, я в шоке. Что на тебя нашло?

Она сильно толкнула его в грудь.

— Я иду в церковь не для того, чтобы заниматься с ним сексом, идиот. О, забудь, не могу тебе этого объяснить, ты никогда не поймешь: это сложно.

— Почему бы тебе не попробовать. Раз уж мне пришлось бросить все дела, чтобы весь день нянчиться с тобой, я не против хорошенько посмеяться.

Глава 23

Он был одержим женщиной с фермы. Не мог выкинуть её из головы: днем и ночью она присутствовала в его мыслях. Не помогало и то, что она немного походила на Джули, единственную женщину, на которой он собирался жениться, пока его мать не испортила и это. Джули была такой тихой и милой, и он так сильно её любил. Они не могли себе позволить купить собственный дом, и она переехала к нему и его матери, но должна была спать в комнате для гостей, потому что его мать не позволяла ничему греховному происходить под её крышей. Мать все придиралась и доставала Джули, пока не довела ту до нервного срыва, а потом Джули бросила его. Она просто собрала свои вещи и ушла: ни записки, ни чего-либо еще, даже не попрощалась. В ту ночь он впервые подумал об убийстве матери. Ему было так плохо и больно, что еще несколько месяцев он не мог прийти в себя.

Когда медиум так откровенно заговорил с женщиной, он был потрясен. За все годы, что сидел там, как послушный сын, слушая чушь, которую обычно несли, он никогда не слышал ничего, что не было бы завернуто в красивую обертку. Он просто прилип к своему стулу, наблюдая за обменом репликами между ними. Когда медиум выскочил за дверь вслед за женщиной, он перепугался до смерти. Извинившись, поднялся наверх, чтобы посмотреть в маленькое окошко, выходящее на автостоянку. Он сделал пару фотографий на телефон, заинтригованный хорошенькой женщиной в синей шапке, а затем спустился вниз и сел рядом с матерью. Медиум вернулся внутрь и попытался продолжить сеанс, но уже ничего не вышло, напряженная ранее атмосфера ослабла, как будто кто-то перерезал силовую кабель. Медиум передал несколько сообщений каким-то старым дорогушам, но не мог сосредоточиться и после тридцати минут спотыканий извинился, сказав, что чувствует себя плохо, и ушел.

Он пошел на кухню, чтобы помочь заварить чай, как делал это каждую неделю, и послушать обрывки разговоров, чтобы выяснить, знает ли кто-нибудь эту таинственную женщину. Он услышал, как одна женщина сказала, что узнала её, и его сердце забило быстрее. Его дрожащие руки умудрились пролить кипящую воду на столешницу, едва не задев Эдит, которая ушла, качая головой. Он вытер пролитую жидкость, прежде чем вошла

мать и смутила его своими резкими замечаниями.

Когда понял, что женщина с фермы — это и есть женщина из церкви, он пришел в восторг: судьба наконец-то осветила ему путь. Он решил пойти в супермаркет, где всегда много народу, и попробовать распечатать фотографии со своего телефона. Ему пришлось встать в очередь, чтобы воспользоваться фотоавтоматом. Когда подошла его очередь, он встал у автомата и начал тыкать, куда придется, он никогда раньше не пользовался им и понятия не имел, как тот работает. Девочка-подросток подошла и воспользовалась автоматом рядом с ним, за две минуты распечатала свои фотографии и была готова уйти.

— Прости, ты не могла бы мне помочь? Я не очень хорошо разбираюсь в этих вещах и понятия не имею что делать.

Она не произнесла ни слова, только улыбнулась ему и скинула его фотографии на экран. Если ей и показалось странным, что все они были немного расплывчатыми и изображали одну и ту же женщину в разных ситуациях, она ничего не сказала.

— Вот так, просто нажмите кнопку «печать», и все. Вы можете заплатить за них в киоске вон там или на одной из касс, когда будете платить за покупки. Просто дайте им эту квитанцию. Или, если вы такой же скупердяй, как я, можете просто уйти с ними. Они никогда не узнают, заплатили вы или нет, не сработает сигнализация или что-то в этом роде.

Он поблагодарил её за помощь и встал в очередь за сигаретами. Он никогда ничего не крал, кроме шарфа, и не собирался этого делать. Он смотрел, как девушка вышла из магазина, сжимая в руках украденные фотографии. Она оказалась права, ни один человек даже не взглянул на неё. Он заплатил за фотографии и вышел из здания, держа под мышкой номер местной газеты. От заголовка «УБИЙЦА НА СВОБОДЕ» в газете стало так жарко, что казалось, будто она прожигает ему кожу. Он улыбнулся. Впервые за свою ничтожную жизнь он попал в заголовки газет. Он был недостижим.

Возвращаясь домой, он думал о женщине на ферме и о том, что именно он хотел бы с ней сделать.

Глава 24

Энни не собиралась объяснять Джейку, что у неё случился всплеск экстрасенсорных способностей. Он нашел бы это забавным и сказал бы ей, что такое больше похоже на приступ шизофрении и что ей нужна медицинская помощь. Она сварила две кружки кофе и достала из буфета пачку шоколадных палочек. Джейк снял бронежилет, затем ветровку и черную флисовую кофту. На нем остались только облегающая черная рубашка-поло и армейские штаны.

— Боже, ты выглядишь потрясающе в черном. Мне нравится твоя новая рубашка.

Он напряг свои выпуклые бицепсы.

— Вам нравится, мисс Грэхем? Ну, ты можешь потрогать, но не слишком возбуждайся. Мне бы не хотелось, чтобы Уилл думал, что у него появился серьезный конкурент.

Она провела пальцами по его рукам и груди.

— Алексу чертовски повезло.

Джейк рассмеялся и повернулся, трясая задницей в лучшем стиле Бейонсе.

— Я и сам иногда удивляюсь. Ты же знаешь, я много лет пытался наладить отношения с девушками, но у меня ничего не получилось.

— Да, но это было до того, как ты встретил меня.

Он фыркнул.

— Благослови тебя господь, я действительно люблю тебя, Энни, и ты на самом деле

особенная, и все такое, и, может быть, если бы я не жил с горячим богатым мужчиной, я бы поддался искушению.

Она ударила его по руке.

— Ты такой джентльмен, Джейк. Мне нравится, когда ты меня так нежно отшиваешь.

Уилл сказал, что они нашли тело девушки, но это была не Дженна.

Джейк рухнул на диван.

— Такое вот дерьмо, бедную девушку оставили мертвой и обнаженной, если не считать пурпурного шарфа, обернутого вокруг её шеи, который, по словам Уилла, прижимал её голову к телу, а Дженна Уайт все еще не нашлась. Надеюсь, я первым поймаю больного ублюдка, потому что не буду предупреждать его, а потом надевать наручники, сначала я выблюю из него все дерьмо, а лишь потом арестую. — Она плюхнулась рядом с ним, и он обнял её. — Я скучал по тебе. Ты похожа на надоедливую сестренку, но, может быть, и нет. Не думаю, что младшая сестра будет заводиться каждый раз, когда её брат снимает куртку.

Они оба рассмеялись, и Энни почувствовала, как её глаза становятся тяжелыми. Зная, что в безопасности, она позволила им закрыться и задремала.

Джейку удалось дотянуться до пульта и включить телевизор. Ему платили за то, чтобы он присматривал за ней, и он не мог придумать другой работы, которую предпочел бы этой. Энни выглядела измученной, её голова была в беспорядке, а под глазами виднелись большие черные круги, но, вопреки распространенному мнению, он сумел сохранить эти наблюдения при себе. Его рация затрещала, когда он получил вызов. На экране высветился позывной Уилла.

— Здорово, Уилл, чем могу быть полезен?

Последовала небольшая пауза.

— Тебе удалось подняться к Энни?

— Да, я сижу на диване, обняв её, а она уткнулась головой мне в колени, — Джейк улыбнулся резкому вздоху на другом конце рации.

— Круто, пока с ней все в порядке. Пожалуйста, останься с ней, пока я не приеду туда, чтобы сменить тебя. Ты не возражаешь?

— Я же сказал, все в порядке. Побуду с ней, сколько захочешь. О боже, она славная, ты даже не представляешь, чего тебе не хватает, приятель. — На этом Джейк закончил разговор.

Он сидел в кресле в своей спальне, глядя в окно, пока не услышал, как мать выключила телевизор внизу и заперла входную дверь. Подняв руку, он посмотрел на часы. Было еще рано, она, должно быть, устала. Её ночной ритуал включал в себя стук в каждую дверь и окно, чтобы убедиться, что они в безопасности. Как только она медленно поднималась по лестнице и проводила свои пять минут в ванной, она проходила мимо его двери и кричала: «Спокойной ночи, господи благослови», заставляя его каждый раз съеживаться. Почему-то он не думал, что Бог когда-нибудь снова благословит его, особенно после тех ужасных вещей, которые он совершил.

Огонь вспыхнул в нем два часа назад. Решив не поддаваться, он сидел, приклеенный к креслу. Образы беспомощных жертв и разврата бушевали в его мозгу, вызывая отвращение и желание. Он не понимал, как что-то настолько болезненное и отвратительное могло вызвать в нем такое возбуждение. Он смотрел на металлическую вывеску возле газетных киосков, наблюдая, как она раскачивается на ветру. Гипнотический эффект на какое-то время

очистил его разум, но потом хозяин вышел и опустил металлические ставни, затащив вывеску обратно в магазин, и теперь ему не на чем было сосредоточиться.

Ему нужна эта женщина с фермы.

Экран компьютера светился на столе, и он подумал о том, чтобы выйти в интернет и некоторое время понаблюдать за маленькой шлюхой, вдруг она сможет отвлечь его от крови и смерти, которых он так жаждал. Он представил себе улыбающееся лицо Дженны, и ему стало еще хуже. Он был в таком смятении, что встал, поймал свое отражение в зеркале и уставился на него. Он не помнил, чтобы у него было такое суровое лицо.

Голос прошептал ему:

«Почему бы тебе не нанести визит нашему другу, ты знаешь, что хочешь?»

Он вздрогнул. Не в силах сдержаться, оделся и выскользнул из комнаты. Громкий храп, доносившийся из спальни матери, заглушил звук открывающейся входной двери. Он подъехал к небольшой автостоянке напротив развалин и припарковался рядом с общественным туалетом: его машина была там единственной. Вытащив из бардачка собачий поводок — кто бы мог подумать, что что-то из лавки «все за фунт» окажется таким полезным? — взял свой рюкзак с переднего сиденья и сунул нож внутрь вместе с остальными тщательно собранными вещами: фонариком, веревкой и скотчем.

Он подумал о комнате в подвале особняка, его комнате. В первый раз он обнаружил, что его тянет к креслу-качалке в углу. Он долго сидел там, счастливый оттого, что оказался здесь. Через некоторое время он начал рыть руками землю под стулом и нашел нож. Потертая деревянная ручка так хорошо лежала в его ладони, словно была сделана специально для него. Он чувствовал, что эта комната принадлежала молодому мужчине с фотографии, и теперь она принадлежала ему. Дженна стала приятным дополнением. Он хотел показать женщине с фермы комнату, но нужно было как-то заманить её туда. Но это всего лишь вопрос времени. Он знал, что такая возможность представится, и почувствовал волнение, когда добрался до старой тропы с крутыми ступенями из песчаника, которые после долгого подъема вели в лес.

Джейк приподнял голову Энни, которая почти покоилась у него на коленях, подложил под неё подушку и пошел искать, что-нибудь поесть. Он уже наполовину съел огромный бутерброд, в котором было все съедобное из холодильника и шкафов, когда луч автомобильных фар осветил кухню. Джейк открыл дверцу и увидел, как Уилл пытается выбраться из машины.

— Когда ты в последний раз ел? Выглядишь дерьмово, приятель. — Он протянул Уиллу половину бутерброда.

— Спасибо, но хотелось бы узнать, что в нем.

— Поверь мне, лучше не знать. Просто ешь, это вкусно.

Уилл взял его и откусил.

— Как там Энни?

— Спящая красавица крепко спит на диване. Мне пришлось перебраться на кухню, чтобы она не подумала, что я — это ты, когда проснется.

На этот раз Уилл слишком устал, чтобы проглотить наживку.

— Спасибо, Джейк. По Дженне по-прежнему ничего нет. Я велел полицейским обыскать все дома и фермы в округе: все в радиусе трех миль осмотрели.

— Рано или поздно она появится, так или иначе. Я, пожалуй, пойду. Моя смена

официально закончилась три часа назад. — Джейк снова принялся одеваться. — О, и я сожалею о сегодняшнем утре, было слишком рано для таких новостей.

— Нет, ты был прав. У меня паршивый послужной список с женщинами, но есть что-то в Энни, что заставляет меня хотеть завернуть её в пузырчатую пленку и держать в безопасности.

Джейк рассмеялся.

— Ну что ж, удачи тебе с ней, она не типичная девчушка. Хотя думаю, что даже такие физически крепкие девушки, мечтают о том, чтобы их покорили. Только не морочь ей голову. — Он вышел во двор и направился по тропинке к машине, которую оставил возле больших деревянных ворот у входа в лес.

Энни неторопливо прошла на кухню, протирая глаза.

— А где Джейк?

— Ему пришлось пойти и сменить штаны. Он сказал, что ты их обслюнявила. — Уилл подмигнул ей, и она улыбнулась.

— Упс. Привет, как дела?

— Я безумно устал и умираю с голоду. Джейк отдал мне половину сэндвича, который сделал, но я был слишком напуган, чтобы заглянуть внутрь. Хотя было вполне съедобно.

Энни принялась вытаскивать из шкафа кастрюли и сковородки.

— Я могу приготовить пасту без особых травм. Подойдет?

— Идеально. — Уилл плюхнулся на кухонный стул и, пока Энни готовила, рассказывал ей о событиях дня.

Он оказался на волосок от разоблачения, когда поднимался по последней крутой ступеньке лестницы, ведущей к главной тропинке через лес. Самый крупный полицейский, которого он когда-либо видел, шел по дорожке, громко рассказывая по телефону о том, что мечтает выпить чаю. Он отступил в сторону, за куст остролиста, не смея дышать. Через десять минут он собрался с духом и двинулся. Вокруг больше не было полиции, поэтому он немного расслабился, пока шел по тропинке. Добравшись до дома, он привычным путем направился к сеновалу, чтобы понаблюдать. Женщина была занята приготовлением еды на кухне, время от времени поворачиваясь, чтобы поговорить с мужчиной, который сидел за столом. На ней не было синей шапки, и когда она повернулась спиной к окну, он увидел ужасную рану на затылке.

Он вздрогнул, чувствуя себя виноватым за то, что хотел причинить ей еще больше боли, чем она уже испытала. Это было больше похоже на его обычное «я», и на мгновение он понял, что не хочет быть убийцей. Так что же он делает, преследуя незнакомую женщину? Так неправильно, он знал это. А потом, словно по щелчку пальцев, его настроение изменилось, и ему стало все равно, что правильно, а что нет.

Он увидел, как она достает из холодильника бутылку вина, наливает два бокала, и почувствовал укол надежды. Если бы они напились, их было бы легче одолеть. Проблема в мужчине: если он нападет на него первым и вырубит, то сможет справиться с ней. Один удар по голове, и она потеряет сознание, и тогда они разберутся.

Он начал напевать какую-то странную песню из далекого прошлого, песню, слова которой он не мог вспомнить, но все равно знал мелодию.

Они молча поели, а потом взяли бокалы и сели на диван. Уилл застонал, удобно устроившись, боялся только, что впадет в кому на следующие двенадцать часов. Энни села рядом с ним. Она все еще чувствовала запах его лосьона после бритья, но очень слабый. Майк никогда не пользовался им, хотя она покупала ему его каждое Рождество.

Если бы кто-нибудь спросил её, что она чувствует сейчас, она не смогла бы объяснить, как за такой короткий промежуток времени она окончательно влюбилась в Уилла.

Он толкнул её локтем.

— Скажи мне, если я лезу не в свое дело, но я больше не могу этого выносить. Что случилось с твоей головой?

Она сделала глубокий вдох и задержала дыхание, чтобы выдохнуть.

— Хочешь сказать, что не слышал сплетен в участке; мне трудно в это поверить. Должно быть, это самая горячая тема года.

— Да, можно так подумать, но, как ни странно, это оказался самый тщательно хранимый секрет года. Я думаю, что Кав, должно быть, угрожал всем, кто вовлечен в работу любимого всеми района в течение следующих десяти лет. Я пытался расспросить Салли, но она только сказала, что дала клятву хранить секреты Энни тайному обществу, и даже старый добрый Джейк сдержался, так что, похоже, у тебя очень верные друзья и коллеги.

Энни сморгнула набегавшие слезы; она превращалась в настоящую неженку.

— Ну, раз уж ты так любезно меня попросил, я начну с самого начала.

Глава 25

Майк не хотел больше оставаться в этом месте, полном отбросов. Он никогда раньше не бывал в хостеле для выпущенных на поруки и не хотел возвращаться туда снова. Да, он ударил жену бутылкой по голове, но она сама виновата, и к тому же она сломала ему нос. Никто бы даже не обратил на это внимание, и если бы не тот факт, что она работала в полиции, его бы здесь вообще не было.

Он поднялся в свою комнату, настолько крошечную, что их садовый сарай дома выглядел больше. Наполнил свою сумку тем немногим, что у него было, и выбросил её из окна на траву. Затем спустился вниз и вышел через парадную дверь, как будто в этот момент должен был уходить.

Он никогда раньше не был в Карлайле, но ему удалось довольно легко найти дорогу к железнодорожной станции. Всю дорогу оттуда до Ланкастера он провел в туалете, чтобы избежать встречи с охранником. В Ланкастере он наскреб достаточно мелочи, чтобы купить билет, и через час уже сидел в своем садовом сарае, и ждал, чтобы убедиться, что Энни нет дома или что она не вернется в ближайшее время. Она, скорее всего сейчас у тех двух геев, с которыми предпочитает проводить время. Что ж, он покажет ей, что изменился. Что чуть не потеряв, он понял, что не может жить без неё, и собирается относиться к ней так, как она того заслуживает. Ему было одиноко без неё, и, если повезет, она просто снимет обвинения, и они смогут начать все сначала, может быть, уедут отдохнуть куда-нибудь за границу.

Через некоторое время он снял с крючка в сарае запасной ключ от двери и теперь сидел на своем диване, попивая дешевое пиво, в котором было больше воды, чем алкоголя. Когда он открыл дверь, в воздухе стоял затхлый запах, так что, похоже, её давно не было дома.

Из-за характера нападения его даже не пускали в один город с ней. Почему он должен оставаться в дыре, полной педофилов? Он не понимал, почему именно его выгнали из собственного дома. Как только персонал в хостеле временного содержания сообщит, что он пропал, первым местом, которое проверят, станет их дом, но, если он будет держать свет

выключенным и шторы закрытыми, его не обнаружат. Им нужна веская причина, чтобы выбить дверь, а он не думал, что его жена так уж важна.

Войдя в кухню, он задумался, кто же все-таки смыл кровь — её было так много. Он взял пакет с пивом, который оставил у задней двери, и отнес его в гостиную, на этот раз, не потрудившись снять ботинки. Вместо этого он с удовольствием ходил в них по новому ковру. Теперь все это не имело значения. Он откинулся на спинку дивана и отхлебнул из банки худшего пива, которое когда-либо пробовал.

Его глаза привыкли к темноте, и он смог разглядеть очертания рамки, в которой была их фотография с первого отпуска на Гавайях. Он подошел к камину, поднял её и разбил об каменный угол. Осколки стекла хрустнули под его ногой, он бросил рамку на пол и втоптал их в её улыбающееся, счастливое лицо. На изображении появилось много крошечных порезов, и вскоре лицо жены стало не более чем контуром. Хотелось бы ему, чтобы эта картина в его сознании стерлась так же легко.

Он тут же пожалел об этом. Если он хочет вернуть её, ему нужно научиться сдерживать себя. Он не мог смириться с мыслью, что она будет одна. Парни в участке еще те похотливые кобели; он знал репутацию копов. Достав из кармана телефон, он набрал её номер. Телефон даже не зазвонил, просто перешел на голосовую почту, и её мягкий голос сказал оставить сообщение. Он замолчал, собираясь что-то сказать, но вместо этого прервал вызов.

Поморщился, допивая последние капли пива из банки, но все же потянулся к пластиковому пакету и вытащил еще один. Сегодня он впервые за много дней будет спать в своей постели. Он набирал её номер снова и снова, пока его палец не онемел, а мозг не устал слышать её голос.

Энни пошла на кухню за стаканом воды; вино ударило ей в голову. Её телефон загорелся на столе, мигая, чтобы оповестить, что она пропустила звонок. С любопытством посмотрев, кто звонит так поздно, она запаниковала, желчь подступила к горлу. Семнадцать пропущенных звонков от Майка. Её ноги дрожали, и она ухватилась за угол стола, чтобы не упасть. Энни не видела Уилла, пока не обернулась.

— Энни, в чем дело? У тебя такой вид, будто ты увидела привидение.

Она сунула телефон в карман.

— Ничего. Меня просто немного подташнивает; вино и болеутоляющие — не лучшее сочетание. Я пока перейду на воду.

Уилл поверил, и от этого ей стало еще хуже. Энни не хотела причинять ему больше беспокойства, чем уже есть, и знала, что рано или поздно ей придется встретиться с Майком лицом к лицу, но она хотела сделать это на своих условиях. Муж так давил и запугивал её последние пять лет, что она удивлялась, почему долго оставалась с ним. Она не нуждалась в том, чтобы кто-то сражался в её битвах, ей стоило самой разобраться, прежде чем дошло до этого.

Телефон завибрировал у неё в кармане, она достала его и выключила. Ей так и не пришлось в голову, как именно Майк достал свой телефон из кухонного ящика, потому что Джейк сказал ей, что после ареста его отправили жить в хостел временного содержания в Карлайле.

Глава 26

Он смотрел и ждал, пока не почувствовал, что больше не выдержит. Задвижка на кухонной двери задвинулась больше часа назад, и свет потускнел. Похоже, ему придется

подождать до следующего раза. Хотя он и был хладнокровным убийцей, понятия не имел, как проникнуть в запертый дом — он все-таки не был закоренелым преступником. Прокрадываясь мимо сарая, он решил вернуться домой. Это, наверное, лучшая идея, посетившая его в последние двенадцать часов. Ему было холодно, и он все время дрожал, но голова его горела и была горячей на ощупь: должно быть, он чем-то заболел. Лучше пойти домой, накачать себя парацетамолом и лечь спать.

Какая сегодня прекрасная ночь. Полная и яркая луна освещала тропинку. Вдалеке он увидел вспышку белого света между деревьями и почувствовал, что не один. Он снова вздрогнул. Его разум играл с ним злые шутки, заставляя видеть разные вещи. Из леса не доносилось никаких звуков, и казалось невозможным, чтобы кто-то прошел через подлесок посреди ночи, не издав ни звука. Он никого не встретил на тропинке, которая вела обратно к дороге, и недалеко от автостоянки сунул поводок в карман: нет нужды притворяться, когда все уже спали.

Въехав на свою улицу, он заметил, что свет в его спальне пробивается сквозь щель в занавесках. Он помнил, что выключил его, когда уходил. Медленно, чтобы не шуметь, открыл входную дверь. Скрип над головой сказал все, что нужно знать: мать рыскала в его спальне.

Сбросив туфли, он тихо поднялся вверх по лестнице, избегая третьей ступеньки сверху, которая скрипела. Остановился на верхней ступеньке. Все ясные мысли покинули его разум и сменились клубящимся черным туманом. На этот раз она зашла слишком далеко.

Дверь в его комнату оказалась закрыта. Сжав руки в кулаки, он толкнул её. Мать повернулась к нему с обвинением в глазах. Костлявыми пальцами она сжимала фотографии, и было очевидно, что она помнит женщину на них. Компьютер, который он забыл выключить, ожил, когда его нога ударилась об угол стола. На экране появилось изображение малолетней шлюхи с широко раздвинутыми ногами и без трусиков. Мать вздрогнула, отвращение на её лице довело его до крайности.

Он подошел к ней, и обхватил пальцами костлявое горло, сжимая так сильно, как только мог. Это не заняло много времени, прежде чем её глаза начали выкатываться из орбит. Она вцепилась в его руки в жалкой попытке отбиться, но была слишком слаба, чтобы что-то изменить: он слишком силен. Её губы зашевелились, когда она начала читать молитву, и он почувствовал, как в нем закипает гнев. Дрожа всем телом, он сжал горло так сильно, что почувствовал, как хрустнула подъязычная кость на её шее. Тело обмякло, и все было кончено. Он, наконец, сделал это, но слезы разочарования катились по его лицу и падали на морщинистые щеки его мертвой матери. Её глаза были открыты, и она смотрела на него; она все еще смотрела на него из могилы — какой ужас. Черный туман рассеялся, и все силы покинули его тело. Он положил её на кровать, колени подогнулись, и он опустился на пол, не сводя глаз с экрана компьютера.

Просидел так несколько часов, пока луна не исчезла и тело рядом с ним не остыло. Пути назад нет. Рано или поздно за ним придет полиция. Игра в самом разгаре, и теперь он должен был сделать свой ход. Что бы ни завладело его душой, оно не позволит ему остановиться. Он стоял и смотрел на женщину, которая в детстве вытирала ему слезы, когда он ударялся, и умирала в ужасе, зная, что родила чудовище.

Он отогнал от себя мысли о вине. Сейчас у него нет времени на эмоции; он отключил их и не думал, что когда-нибудь снова включит.

Нагнувшись, он неловко закинул её на плечо. Для хрупкой старухи она оказалась

гораздо тяжелее, чем он ожидал. Ему удалось пронести её вниз по лестнице и через узкую кухню. Он открыл дверь подсобного помещения и, протиснувшись, услышал глухой звук, эхом отдавшийся в маленькой комнате, когда её голова ударилась о дверной косяк. Он улыбнулся. Морозильник был единственным местом, куда он мог бы поместить её сейчас. Несчастная корова никогда не наполняла его продуктами. По крайней мере, теперь он использует его по назначению, пока не придумает, что делать с её телом.

Подняв крышку, он вытащил поднос сверху. Взял пакет с сыром и луковыми пирогами, единственное, что там лежало, и положил их сбоку. Затем начал опускать тело матери внутрь, что оказалось гораздо труднее, чем он себе представлял. После десяти минут борьбы, пока, наконец, смог запихнуть её, он закрыл крышку.

Напевая себе под нос, он взял пироги и отнес их на кухню. Закрыв дверь, на всякий случай сунул под ручку стул; он не хотел рисковать тем, что она вернется к жизни и сбежит. Включив духовку, он положил пироги на противень и засунул их внутрь. Сидя за столом, он ждал, пока они приготовятся. Забавно, что у него есть аппетит, учитывая, что он только что убил свою мать.

В доме впервые в жизни воцарилась настоящая тишина: к этому можно и привыкнуть. Таймер на плите зазвенел, и он достал пироги. Да, ему действительно стоило сделать это давным-давно, это бесконечно улучшило вкус его пищи. Он доел второй пирог, потом порылся в кухонном ящике и нашел немного парацетамола. Проглотил четыре глотка виски, который мать прятала в глубине кухонного шкафа. Потом достал из шкафа под раковиной черный мусорный пакет и поднялся наверх, чтобы разобрать постель. Он сложил все постельное белье в черный мешок и заново застелил кровать свежим. Затем поднял свою стопку фотографий, которые упали на пол, и начал наклеивать их на стены спальни, приберегая лучшие напоследок.

Несколько дней назад он заказал на сайте гигантский плакат с изображением своей любимой женщины. Он спрятал его на верхней полке своего гардероба. Достав и развернув, он встал на кровать и приколот его к потолку. Закончив работу, он лежал на кровати полностью одетый и смотрел на свою красавицу, пока утреннее солнце не начало просачиваться сквозь облака, и его дыхание не замедлилось, глаза не закрылись, и он не погрузился в глубокий сон.

Глава 27

Майк проснулся, чувствуя себя отдохнувшим впервые с тех пор, как его арестовали. Правду говорят, что нет места лучше дома. Он принял душ, побрился и оделся, выбрав новую рубашку, которую Энни купила ему на Рождество, но которую он не носил, и свои лучшие джинсы. Открыл один из многочисленных флаконов лосьона после бритья, который она тоже покупала ему, и побрызгался. Это было приятно, и он надеялся, что ей понравится.

Первым делом он позвонил в больницу, где ему сказали, что её выписали шесть дней назад. Теперь ему оставалось только выяснить, где она остановилась. Он просмотрел записную книжку, которую она держала у телефона. Номер её брата был написан красной ручкой на внутренней стороне обложки. Конечно, она упоминала, что он просил её присмотреть за его животными. Майк снял трубку домашнего телефона и набрал номер Бена. На десятом гудке Энни ответила, и он услышал её голос, она казалась сонной. Он положил трубку и выругался про себя. Что, если она решит выяснить, с какого номера звонили? Она поймет, что это он; никто больше не будет звонить из их дома. Он мог бы пнуть себя. Он ждал, не зазвонит ли телефон, но звонка не было. Надеюсь, она еще не до

конца проснулась, чтобы беспокоиться о звонившем, а если и нет, то это не имело особого значения, потому что он собирался нанести ей визит очень скоро. Он хотел удивить её и показать, как много усилий он приложил.

Проснувшись, Энни наполнила чайник: ей нужен кофе. Уилл последовал за ней на кухню.

— Я говорил тебе, как сексуально ты выглядишь в этих шортах?

Покраснев, она отвернулась от него. Он подошел и поцеловал её в затылок, ниже линии скоб.

— На самом деле, ты самая сексуальная женщина, с которой я когда-либо просыпался рядом и не занимался сексом.

Она отстранилась от него и открыла холодильник, чтобы достать молоко.

— Спасибо, Уилл. Ты хочешь сказать, что я единственная женщина, с которой у тебя никогда не было секса. Ты же знаешь, что нет нужды все время лгать, все в порядке. Я понимаю, что не в твоём вкусе, и ты не должен продолжать обращаться со мной, как с девицей в беде. Я не собираюсь психовать или съезжиться и умирать. Ты мне ничего не должен, и нянька мне не нужна, я сама могу о себе позаботиться.

Уилл взял её за локоть и повернул лицом к себе. Энни чувствовала себя глупо после этой маленькой истерики, но чувствовала необходимость высказаться. Она не понимала, чем его так привлекает. Он придвинулся ближе и наклонил голову к ней, его губы коснулись её мягкого розового рта. Энни попыталась вырваться, но не смогла — не хотела. Её внутренности словно горели. Руки сами потянулись к нему, и она вздохнула, когда Уилл подхватил её на руки, отнес на диван и уложил. Он замолчал, не зная, продолжать ли, но она протянула руки, обвила их вокруг его шеи и притянула к себе.

Бросив случайный взгляд на окно, она закричала. К стеклу было прижато лицо мужчины. Уилл вскочил и подбежал к кухонной двери, чтобы посмотреть, кто там: вокруг никого не было. На самом деле он не видел никого, но бледная Энни появилась позади него, вся краска сошла с её лица. Она не могла поклясться, но ей показалось, что мужчина ужасно похож на Майка. Но этого не могло быть, потому что ему запретили появляться в Барроу.

1 октября 1888 года

Я была так занята этим утром, разбирая свои вещи, что не присела до полудня, чтобы выпить чаю и почитать газету. Я взяла «Таймс», и заголовок привел меня в отчаяние. В Ист-Энде Лондона произошло не одно, а еще два убийства. И Элизабет Страйд, и Кэтри Эддоус были найдены с перерезанным горлом и другими чудовищными зверствами, совершенными против них. В газете говорилось, что тело первой жертвы оставалось еще теплым, когда его обнаружили, и что убийцу, совершившего это ужасное деяние, должно быть спугнули. Я почувствовала, как мое сердце пропустило удар, когда прочитала следующую строчку про найденный на этот раз красный носовой платок, лежащий поперек горла жертвы. Эдвард всегда настаивает на новых носовых платках, и я уложила в его чемодан несколько новеньких красных, купленных в галантерейном магазине, который открылся в городе. Я пришла в ужас, но продолжала читать. Поскольку убийцу потревожили, это привело к смерти еще одной несчастной женщины. Она была изуродована не так сильно, как предыдущая жертва.

Я напомнила себе, что Эдвард не единственный человек в Англии, у которого есть красные носовые платки, и он сам говорил мне, что Лондон — очень большой город. Я

должна благодарить свою счастливую звезду за то, что рядом со мной только Эдвард, а не какой-то сумасшедший убийца. Хотя, это и эгоистично, должна признать, что он достаточно отвратителен. У меня до сих пор остались синяки и отметины от его последнего визита домой. Я считаю дни, до того, как Альфи придет и меня спасет — мой собственный рыцарь в сияющих доспехах, — и тогда мы сможем начать жизнь, наполненную любовью и смехом, вместо дней, наполненных страхом и ненавистью.

Я не могу представить себе ничего такого, что эти женщины могли бы сделать, чтобы заслужить подобную ужасную участь. Как грустно и одиноко жить настолько безрадостной жизнью, а потом умереть таким образом. Я не понимаю почему, но чувствую, что у меня есть связь с этими женщинами. Может быть, потому, что я слишком хорошо знаю тяготы жизни рабочего класса. Я чувствую, как будто есть что-то, что от меня ускользает. Завтра пойду в церковь и зажгу свечи за каждую из этих четырех женщин, и пока буду там, буду молиться за их души, и свою тоже.

10 ноября 1888 года

«Таймс» снова полна историй о еще одном ужасном убийстве несчастной женщины: бедной Мэри Джейн Келли.

Эдвард так и не вернулся домой в эти выходные, как обещал, когда, наконец, позвонил мне на прошлой неделе, и я была благодарна ему за это. Я старалась говорить вежливо, потому что не хотела вызвать у него подозрения, что собираюсь уехать. Он снова позвонил в обеденный перерыв, и я спросила его, что он думает об убийствах, и он начал яростно высказываться о человеке по имени Джордж Ласк, который создал комитет бдительности и о котором писали в каждой газете. Эдвард сказал, что этому человеку больше нечем заняться, и он, вероятно, пытался скрыть тот факт, что в действительности это он ответственен за эти убийства. Все это было так странно, но я слушала его и просто соглашалась, когда думала, что он этого ждет.

Закончив возмущаться по поводу мистера Ласка, он сообщил мне, что я разрушаю его жизнь и что я всего лишь избалованная служанка, и он жалеет, что не оставил меня гнить в подвале, когда у него была такая возможность. Мои руки дрожали, когда я положила трубку обратно на рычаг. Почему он ведет себя как сумасшедший? Ему становится все хуже, и я так рада, что он не вернулся домой. Я решила, что если никогда больше не увижу этого человека, то это меня несколько не расстроит.

Весь день меня мучили мысли об Эдварде, а также перепуганные лица всех убитых женщин, на которых так жестоко напали. Не могла выбросить их из головы, они врезались в мою память. Я прошла в гостиную, где оставила на буфете кипу газет со всеми их ужасными историями. Что заставляло меня возвращаться к ним снова и снова? Разложив все газеты на огромном обеденном столе, я достала из ящика ножницы и начала вырезать каждую статью и складывать их рядом друг с другом. Их было так много, что мне потребовалось немало времени, но я резала и резала, пока не была полностью удовлетворена. Там были фотографии женщин, как живых, так и мертвых. Я вырезала фотографию письма, отправленного в Центральное информационное агентство. Она называлась «Письмо дорогому боссу». В ней автор издевается над полицией. Я положила его рядом с фотографиями жертв. Я не понимала, почему меня так болезненно увлекали эти убийства и почему я так поступала. Человек, ответственный за это, видимо настолько злой, раз использует такую жестокость по отношению к другому человеку, что это должен быть кто-то, кому доставляет огромное удовольствие причинять боль другим.

Ужасная мысль начала формироваться в глубине моего сознания. Я знала такого человека слишком хорошо. У него отвратительный характер и ужасная жестокость, у этого человека есть склонность к совершенно новым носовым платкам. Я понимала, что веду себя глупо, но эта мысль не выходила у меня из головы, и мне пришлось пойти к письменному столу, чтобы достать дневник, в котором я записывала дни рождения и важные даты, а также визиты Эдварда домой. Я просмотрела его и написала на листе бумаги список дат, когда Эдвард был дома, а затем проверила даты каждого убийства. Эдвард возвращался в Лондон за день до каждого убийства, и, что еще хуже, последние несколько раз он был зол и расстроен из-за меня, когда уезжал.

Тошнота начала подступать к горлу, и я не могла винить в этом ребенка, растущего внутри меня. Мне кажется, я знаю, кто этот убийца. Я слишком напугана, чтобы произнести его имя вслух. Не только ради моей собственной безопасности, но и ради безопасности всех вокруг. Я перечитывала каждую статью с холодным чувством ужаса, сковывающим мои внутренности. Совершенно ясно, что полиция понятия не имеет, что происходит и кто несет за это ответственность. Во всех газетах так много пишут об убийствах, что мне кажется, будто они ходят по кругу. Они были завалены таким количеством информации, что это мешает им смотреть на неё ясно.

Я вспомнила, как в последний раз, когда заходила к мужу в кабинет, он сунул листок бумаги под промокашку на столе и вышел из комнаты. Снова посмотрела на письмо и изучила почерк: он походил на почерк Эдварда. Я была так потрясена его содержанием, что даже не обратила внимания на почерк, когда прочитала его в первый раз. Я побежала в кабинет и подошла к письменному столу, боясь того, что могу там найти. Поднял промокашку, и вздох облегчения сорвался с моих губ, когда под ней не оказалось письма. Затем открыла ящики, чтобы найти его дневник, который, как я знаю, он ведет, когда бывает дома. Я не смогла найти его ни в одном из двух незапертых ящиков, хотя обычно Эдвард держит его в первом, под рукой, если понадобится. Вытащила второй, полный чистых листов писчей бумаги. Затем вынула из стола каждый ящик на случай, если дневник завалился за ними и попал в ловушку. Опустившись на колени, наклонила голову и увидела знакомую черную книгу, прикрепленную к нижней стороне стола. С величайшей осторожностью я сняла его. Я так боялась, что Эдвард войдет и поймает меня, хотя точно знаю, что он в Лондоне. После последнего телефонного разговора я не удивлюсь, если он явится без предупреждения, но, конечно, он, по крайней мере, даст знать Гарольду, у которого, я надеюсь, хватит ума предупредить меня.

Когда я открыла дневник, на пол упал сложенный лист бумаги. Развернув его, прочитала первую строчку письма: «Дорогой босс». Я в ужасе дернулась и уронила листок на пол. Я знала, что единственным объяснением тому, что у моего мужа есть рукописная копия письма, которое было отправлено в газету, было то, что он написал его сам: он хотел подразнить полицию и газеты. Испугавшись, я сунула его в дневник и закрепила его там же, где нашла.

Я все еще не хочу верить, что это правда, и не смею никому рассказывать о своих открытиях, пока не получу твердых доказательств своих убеждений. Это может быть огромным совпадением, но в глубине души я в это не верю. Я решила, что мне нужно спуститься в подвал и посмотреть, что он там делает часами напролет. Если Эдвард — монстр, которого все газеты называют «Джек Потрошитель», то его надо остановить. Мне нужно убедиться, что никого из прислуги нет в доме, когда спущусь туда, потому что

я не хочу, чтобы они каким-либо образом были вовлечены в это дело. О, как я боюсь этого подвала и как хочу, чтобы Альфи был здесь, чтобы помочь мне быть смелой и встретить то, чего я боюсь там, внизу. Теперь я понимаю, что все это время боялась именно Эдварда.

Я вернулась к фотографиям женщин. Больше всего меня привлекла Полли Николс. Приглядевшись, я замечаю между нами легкое сходство. Разве я бы выглядела по-другому, если бы у меня не было роскоши красивой одежды и горничной, которая каждый день укладывает мне волосы? Если бы я носила форму горничной, думаю, что была бы поразительно на неё похожа. Неужели Эдвард действительно ненавидит меня с такой страстью, что готов пойти и лишит жизни другую женщину, потому что она напоминает ему его жену? Боюсь, что ответ будет «да», и если это окажется правдой, то из-за меня этих женщин постигла самая ужасная участь, какую только можно себе представить.

Больше не могла смотреть на эти фотографии, мои руки так сильно дрожали. Я вышла в холл, чтобы позвонить в полицию, и сняла трубку, но тут же положила её обратно. А что, если это все мое буйное воображение? Эдварда арестуют, публично унижат, а потом повесят, и я не смогу жить, если это окажется неправдой, как бы сильно я его ни ненавидела. Мне стало так плохо, что пришлось пойти и немного полежать, чтобы собраться с мыслями: голова шла кругом. Я поднялась по лестнице для прислуги в свою комнату на чердаке. Не хотела возвращаться в спальню, которую делила с ним. Я взяла вырезки с собой на случай, если кто-нибудь из прислуги найдет их, и, оказавшись внутри, я толкнула стул к ручке, как раньше, и плакала, пока не заснула.

11 ноября 1888 года

Во сне меня преследовал на темных мощеных улицах Лондона человек в черном плаще и шляпе охотника на оленей. В руке он держал длинный тонкий нож, с которого капала кровь. Где-то вдалеке зазвонил телефон, и я понимала, что должна ответить, если это Эдвард, но не могла очнуться от кошмара. Вместо этого я бежала босиком так быстро, как только могла. Мой преследователь был намного быстрее, и разрыв между нами сокращался. Я чувствовала, как жар его глаз прожигает до самых глубин моей души. Споткнувшись, упала на землю, где обнаружила, что запуталась в гниющем трупе Мэри Келли. Мои руки чувствовали тепло, и когда я поднесла их к лицу, они оказались ярко-красными от её крови.

Должно быть, я закричала так громко, что проснулась. Я моргнула, чувствуя себя дезориентированной: был день. Зимнее солнце светило в мое крошечное окошко, и я лежала вся в поту. Чувствовала себя измученной, как будто действительно бежала по улицам Лондона, спасая свою жизнь. Я встала с кровати и уставилась на свое растрепанное отражение в треснувшем зеркале над умывальником. Мои длинные темные волосы спутались и прилипли к лицу, щеки покраснелись, а круги под глазами потемнели. Умывшись, я оделась и спустилась вниз, в тихий и пустой дом. Ни кухарки, ни Гарольда, никого-либо еще нигде не было видно. Я вспомнила, что Эдвард дал им выходной. В минуту редкой доброты он предложил заплатить за то, чтобы они все поехали на пароходе в Блэкпул на целый день. Вспомнила, как обрадовалась кухарка, и как я смеялась, когда она говорила, как добр хозяин — если бы только они знали правду.

Сегодня идеальный день, чтобы спуститься в подвал и найти доказательства, что Эдвард и есть этот страшный «Джек». У меня сводило живот при одной мысли о подвале, но выбора нет. Мне нужно посмотреть, что он там делает часами. Я порылась в кладовке

в поисках свечи и спичек. Потом подошла к двери в подвал и встала перед ней. Дрожжащими руками потянулась к двери, которая оказалась шершавой под моими пальцами. Я уже давно не спускалась туда, но, подумав об этих несчастных женщинах, поняла, что не могу отступить. Отодвинула засов и потянула дверь, но она не открылась, она была заперта. Расстроенная, сообразила, что ключ у Эдварда с собой: искать бессмысленно, и я не знала, есть ли запасной. Единственный способ проникнуть внутрь — через одно из маленьких окошек в задней части дома. Мне придется сломать одно и починить его до того, как муж вернется домой.

Я открыла дверь кладовки и вышла на пронизывающий холод. Рассмотрела ряд маленьких окон: все они были закрыты на задвижки. Я достаточно худа, чтобы пролезть через них, но я просто не хотела. Оглядевшись в поисках чего-нибудь, что могло бы разбить стекло, заметила каменный сад, который его светлость построил перед смертью. Я оторвала один из камней песчаника от остальных, поцарапав пальцы, но была полна решимости попасть внутрь. Он был достаточно тяжелым, поэтому я запустила его в окно и закрыла глаза. Звон разбитого стекла был таким громким, что эхом разнесся по лесу. Слава богу, что его слышали только птицы. Я обернула руку шалью и очистила раму от оставшихся осколков зазубренного стекла. Пролезла внутрь и обнаружила, что балансирую на шатком книжном шкафу. Внутри было так темно, что мне захотелось вылезти обратно и пойти в полицию, но образ Мэри Келли в моем вчерашнем сне не позволил мне этого сделать. Ради неё и остальных, я обязана узнать правду об Эдварде и, если все так плохо, как думаю, положить этому конец, прежде чем он причинит еще больше боли и страданий. Я спрыгнула на пол. Тот немногий свет, что проникал сквозь разбитое окно, давал мне возможность увидеть небольшой квадрат пространства. Я достала из кармана свечу и спичку и подожгла её. Стоя там, огляделась. Огромный подвал был полон коробок и неиспользуемой мебели. Со свечой, чтобы осветить себе путь, я осторожно, шаг за шагом, пробиралась через загроможденное темное пространство.

Что его так привлекало здесь внизу? Должно быть, что-то большее, чем мусор. Когда я подошла к дальней стене, пламя осветило маленькую деревянную дверь. Рядом с ней были сложены коробки и два сломанных стула. Заинтригованная, я поставила свечу на один из стульев и принялась оттаскивать коробки от двери. Единственным звуком, который я могла слышать, это пульсация крови в моей голове. Она заглушала стук тяжелых копыт лошади, бегущей рысью по длинной лесной дороге к дому. Тяжело дыша, я почувствовала усталость, потому что не ела со вчерашнего дня. Когда отодвинула коробки достаточно далеко, чтобы открыть дверь, я так сосредоточилась на содержимом этой комнаты, что не услышала, как открылась входная дверь, и Эдвард позвал меня. Я боялась того, что может встретить меня по ту сторону. Попробовала дернуть ручку, не смея поверить, что она повернется и откроется так свободно. Взяв свечу, шагнула через дверной проем в ад.

Стены были увешаны такими же фотографиями и газетными вырезками, что и те, которыми я увлеклась наверху. В дальнем углу стояло кресло-качалка. Рядом стоял маленький столик с шляпой Эдварда, которую он надевал на охоту. Я вздрогнула от этой мысли. Отвернулась от стены ужаса и тихо вскрикнула. Там находилась полка, на которой стоял ряд стеклянных банок. Банки были наполнены прозрачной жидкостью, но именно то, что плавало в них, заставило меня почувствовать слабость. Я не очень хорошо разбираюсь в анатомии человека, но знаю достаточно, чтобы понять, что вещи, плавающие внутри них, принадлежат человеческому телу. У меня закружилась голова, и мне пришлось сказать

себе, что сейчас не время и не место падать в обморок.

Громкий звук открывшейся двери подвала прояснил мою голову, и мое тело напряглось. Я слышала, как кто-то спускается по лестнице в темноту, и был только один человек, у которого имелся ключ. Огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы себя защитить, и увидела одну из старых садовых лопат Томаса, прислоненную к стене. Я шагнула к ней и тут услышала голос мужа.

«Выходи, выходи, где бы ты ни была. Я выиграю, потому что ты совсем одна».

Я понимала, что это абсолютная правда. На этот раз вокруг нет никого, кто мог бы услышать мой крик о помощи. Шаги приближались, пока он не оказался за дверью. Все мое тело дрожало. Я знала, что он собирается убить меня, и не хотела умирать в этой ужасной комнате так же жестоко, как другие женщины. Шагнула ближе к лопате, понятия не имея, что с ней делать, но это хоть что-то.

«Элис, я же сказал тебе, нет, я действительно запретил тебе спускаться сюда, и смотрите, что я обнаружил: ты в моей комнате».

Я так испугалась, что не могла найти в себе силы ответить ему. А он шагнул в дверной проем и загородил своим телом единственный выход. Знала, что он никогда не отпустит меня, и в этот момент поняла, что, чтобы защитить ребенка внутри меня, я буду бороться до смерти. Я не останусь здесь, где меня никто никогда не найдет. Я не собиралась становиться памятью больного и извращенного человека. Заставила себя сделать еще один шаг ближе к лопате. Когда я приняла решение, страх, который испытывала несколько минут назад, исчез и сменился ощущением мира и спокойствия. Я подумала о милом дорогом Альфи и моем ребенке: Эдвард не заберёт меня у них. Если чудовище убьет меня, то он сможет продолжать убивать невинных женщин, и кто его остановит? Ни один человек во всей Англии не знал о его мрачной тайне, о том, что Эдвард Хитон был самым подлым человеком, когда-либо ходившим по улицам.

Голос, исходивший изнутри меня, был сильным, и я не узнала его.

«Эдвард, или ты предпочитаешь, чтобы я называла тебя Джек? Как ты мог? Как ты мог убить этих женщин? Они не сделали тебе ничего плохого».

Его смех заполнил комнату.

«Элис, это была самая легкая часть. Все, что мне нужно было сделать, это представить, что они — это ты. Моя собственная мать предпочла тебя, служанку, своей собственной плоти и крови. Мне нравилось внимание, которое моя мать расточала мне до того дня, когда ты появилась и украла её сердце. Все, чего я хотел, — это чтобы она принадлежала только мне. Ты думаешь, я чувствовал себя виноватым, когда столкнул её с лестницы? Немного, но потом это чувство прошло, и мне понравилось, что я контролирую, кто может жить и умереть, и это, Элис, то, что зажгло огонь в моей душе. Первая проститутка, которую я убил, немного охладила этот огонь, но потом он вернулся. Горит ярче и жарче, чем раньше. Это похоже на физическую боль, и мне потребовалось некоторое время, чтобы, наконец, понять, что, пока ты жива, я никогда не смогу погасить его. Однако я открою тебе маленький секрет: мне нравится убивать гораздо больше, чем я мог ожидать. На самом деле, можно сказать, что убийство становится чем-то вроде дурной привычки».

Я видела, как его губы приоткрылись, и он улыбнулся мне, словно сумасшедший. Я почти дотянулась рукой до лопаты, но мне нужна уверенность, что смогу двигаться достаточно быстро, чтобы ударить его ею по голове. Мои ладони были липкими от пота,

поэтому я вытерла их о юбку. Я должна остановить его, он по-настоящему безумен.

«Я думала, ты любишь меня, Эдвард. Неужели я настолько ужасна, что ты хочешь моей смерти? Неужели все эти годы, что я тебя знаю, ты только и мечтал, что убить меня? Я никогда не делала ничего такого, что могло бы тебя расстроить, и я любила твою мать всем сердцем. С твоей стороны несправедливо обвинять меня в собственных ошибках. Это ты был так ужасен со мной. Она бы никогда не заметила, каким ужасным человеком был её сын, если бы ты оставил меня в покое».

Он пристально посмотрел на меня, и я громко всхлинула и притворилась, что плачу. Хотела, чтобы он думал, что я слаба и неспособна постоять за себя. Как хищник, он шагнул ближе и вытащил руку, которую прятал за спиной. Нож из моего утреннего сна блеснул в свете свечей. Я повернулась, как будто хотела убежать в угол, но мои руки вцепились в черенок лопаты. Я была в ужасе, потому что знала, что от этого момента зависит моя жизнь. Если я умру здесь, моя душа будет обречена скитаться в этом темном подвале целую вечность.

Закричав от ярости и несправедливости, я крепче сжала ручку. Подняв её так высоко, как только могла, я ударила его по голове сбоку. Эдвард посмотрел на меня с удивлением, пошатнулся, ошеломленный, поэтому я отвела руки и ударила его снова и снова, прежде чем он успел поднять нож, чтобы зарезать меня. Он упал на колени, и я ударила его еще раз. Я не хотела рисковать тем, что он встанет. Наконец он закрыл глаза и рухнул на грязный пол, из ран, которые я ему нанесла, лился ровный поток крови. Я смотрела, как поднимается и опускается его грудь, молясь, чтобы это прекратилось. Я хотела, чтобы его злое сердце навсегда перестало качать кровь по его телу. Оно замедлило ход, и я не смела отвести от мужа глаз, лопата оставалась у меня в руках, я по-прежнему была готова ударить его, если понадобится. Нож выпал из его рук и лежал на полу рядом с ним. Эдвард, казалось, не двигался, поэтому я наклонилась, чтобы поднять оружие.

Его рука метнулась вперед, и я закричала, когда он крепко сжал мою руку. Попыталась вырваться, но он так крепко держал меня, что это было невозможно. Пнул меня под ноги, и я упала на холодную влажную землю. Он сел верхом на мне, его вес мешал дышать. Оседлав, он схватил меня за волосы и так резко откинул их назад, что я перестала видеть из-за слез, которые начали течь из моих глаз. Боль была невыносимой, и я напряглась, ожидая, когда он приставит нож к моему горлу. Тот самый нож, которым он убил столько женщин до меня.

Эдвард наклонился близко к моему уху и прошептал:

«Хорошая попытка». — Его горячее дыхание касалось моей щеки, когда он продолжал шептать мне на ухо то, что собирался сделать.

Именно тогда я поняла, что он не держит нож, потому что одной рукой оттягивает мою голову назад, а другой крепко прижимается к моей грудной клетке. Он продолжал говорить, и я начала нащупывать лезвие. Когда он переместил свой вес, я смогла вытянуть пальцы еще немного и нащупала холодную твердую рукоять ножа. Я крепко сжала её. Эдвард наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб и попрощаться, и тогда я сделала свой ход. Подняла нож и вонзила в его бедро, толкая изо всех сил, пока он не погрузился глубоко в его плоть. Хватка на моих волосах ослабла, и он упал назад, пытаясь высвободить лезвие, которое теперь было воткнуто в его ногу. Я выползла из-под него, как только его вес перестал давить на меня.

Руки Эдварда были скользкими от крови, которая текла из раны, и он не мог

ухватиться за ручку. Я стояла и смотрела, как краска отхлынула от его лица. Наконец он вытащил клинок, и из раны на ноге хлынула кровь. Я отступила, чтобы он не смог снова схватить меня.

Он выдохнул: «Элис».

Я не шевельнулась. Он отвернулся от меня и посмотрел на свою стену ужаса. Легкая улыбка заиграла на его губах, глаза начали стекленеть, и вот так он умер: лежа на холодном земляном полу в комнате, которую создал, чтобы вместить воспоминания об убийствах, которые он совершил. Я оставалась на одном и том же месте, казалось несколько часов, не в силах пошевелиться. Хотела убедиться окончательно, что он мертв. Эдвард получил по заслугам, но я все еще плакала, и мое сердце наполнилось печалью, когда опустилась на пол. После того как он очень долго лежал неподвижно, и лужа крови вокруг него стала огромной, я подползла к нему и потрясла за плечо. Он не двигался, но его тело все еще было теплым. Я смотрела на его грудь, чтобы увидеть, не шевелится ли она, но она не больше не поднималась: он был мертв. Я убила своего мужа и положила конец его царству террора.

Встала на ноги, которые не хотели держать мой вес. Мне необходимо подняться наверх и позвонить в полицию, но что-то меня остановило. Моей жизни пришел бы конец. Что станет с моим ребенком? Скорее всего, меня повесят за его убийство, и я никогда не узнаю, каково это — быть с Альфи. Из-за Эдварда наши жизни будут разрушены навсегда.

Вот тогда-то и вспыхнул гнев. Я никогда не делала ничего такого, чтобы заслужить это. Я посмотрела на лопату и решила похоронить его здесь, в его комнате, полной трофеев. Он будет заключен в этой комнате навсегда, а я буду свободно жить всю оставшуюся жизнь, смогу заботиться о тех, кого люблю, и попытаюсь загладить зло, совершенное Эдвардом.

Поэтому я начала копать. Передвинула кресло-качалку и стол и принялась за самую тяжелую работу, которую когда-либо делала в своей жизни. Я боялась повернуться спиной к Эдварду, убежденная, что он еще может очнуться. К тому времени, как выкопала достаточно большую яму, чтобы затащить в неё его тело, я была грязной, разгоряченной и ужасно воняла. Казалось, прошла целая вечность. Я смотрела на него и не хотела прикасаться к телу, поэтому мне пришлось собрать всю свою силу, потому что у меня не было другого выбора. Подхватила его под мышки и медленно потащила к краю ямы. Мои руки болели от рытья, а Эдвард оказался таким тяжелым, что мне хотелось лечь и никогда не просыпаться. Но я не позволю ему победить. С последней попыткой я добралась до края неглубокой могилы, которую вырыла, и с громким ворчанием толкнула изо всех сил, наблюдая, как он падает в неё. Я пнула несчастный нож туда же, и он приземлился на его труп. Его черные глаза были открыты, обвиняя меня. Мне пришлось быстро прикрыть его лицо, чтобы не смотреть. Эдвард выглядел таким красивым. Я была слишком молода, чтобы умереть, и меня охватила такая невыносимая боль от горя, что я не могла её объяснить.

Когда его тело было покрыто землей, я вытащила стул и стол обратно на неровную насыпь. Бросила последний взгляд на галерею ужаса; никто никогда не увидит этого места и того, что в нем находится, пока я жива. Мне не хотелось прикасаться к банкам, да и некуда было их поставить, поэтому оставила их на месте. Мое тело устало, я достаточно настрадалась за один день, и выйдя из комнаты, я навсегда закрыла дверь. Подтащив к ней книжный шкаф, прикрыла дверь в комнату, которая будет преследовать меня во сне всю

оставшуюся жизнь. Затем подтащила стулья и коробки, чтобы убедиться, что она скрыта от посторонних глаз, если кто-нибудь спустится сюда и начнет вынюхивать. Прошла через подвал, больше не боясь. Знала, что на самом деле это Эдвард все время так пугал меня. Я направилась к лестнице. Дверь была открыта, и просачивающийся сквозь неё свет освещал мне путь. Одним последним толчком я захлопнула дверь подвала и с облегчением улыбнулась, увидев, что он оставил ключ в замке, потому что теперь я никак не смогла бы его достать, если бы он оказался при нем. Повернула ключ и сунула его в карман. Я спрячу ключ в таком месте, о котором буду знать только я.

Пройдя через весь дом в гостиную, уставилась на свое отражение в зеркале над камином. Трудно было поверить, что смотрю на себя, потому что я выглядела намного старше и очень походила на уличного мальчишку. Как я постарела за такое короткое время? Мое платье было грязным, покрытым кровью, землей и потом. На руках черная земля под ногтями, и мои волосы свободно свисали вокруг лица, там, где Эдвард вырвал их почти из моего скальпа. Я остановилась у буфета, где стояли графины с виски и бренди, откупорила бутылку, потому что виски был любимым напитком Эдвардса, и налила большой стакан. Поднесла дрожащие руки к губам и глотнула. Первый глоток показался мне огненным шаром, катящимся по горлу, но он согрел мое замерзшее тело. С минуту я кашляла и отплевывалась.

Взяв себя в руки, взяла хрустальный графин и направилась к лестнице. В доме стояла тишина, пока не пробили старинные часы. Я проделала долгий путь наверх, в свою комнату на чердаке, и закрыла за собой дверь. Понятия не имею, от кого или от чего я пряталась; может быть, от самой себя. Мне просто нужно было побыть одной, чтобы погоревать и молить Бога о прощении. Я сидела перед окном, наблюдая за кроликами, играющими на лужайке перед домом, и пила до тех пор, пока не перестал что-либо помнить, и темнота погрузила меня в спокойный сон, где мне приснилось, что Альфи пришел за мной и забрал из этого дома ужаса.

Глава 28

Настойчивый стук в дверь разбудил его. Звук становился все громче и громче, пока он не слез с кровати и не спустился вниз, чтобы посмотреть, кто это, ударившись голенью о стол в прихожей.

— Ради бога, я иду. — Он увидел Эдит и Берил, двух маминых подруг, которые смотрели сквозь стекло входной двери. Дерьмо. Он открыл дверь.

— Добрый день, дамы, чем могу помочь?

Обе женщины посмотрели друг на друга, а затем Эдит шагнула вперед.

— А где твоя мать? Она знает, что мы приходим в три часа по средам.

Он поморщился при мысли о замерзшем теле матери, запихнутом в морозилку.

— Ушла.

Берил наклонилась к нему поближе.

— Ушла? Что значит «ушла»? Мы приходим сюда последние десять лет. Единственный раз, когда я пропустила, это когда мой Фрэнк умер, упокой господь его душу, но я вернулась на следующей неделе. Твоя мать не могла просто уйти, не предупредив никого из нас.

— Вы правы. Простите, я имел в виду, что она уехала. Моя тетя в Блэкуле вчера заболела. Её срочно отвезли в больницу с инсультом, и мама поехала её навестить. Вчера около пяти я отвез её на вокзал, чтобы успеть на пятичасовой поезд. Она просила извиниться, но через несколько дней вернется и позвонит вам.

Эдит сердито посмотрела на него, и он почувствовал себя так, словно его допрашивал один из приспешников Гитлера.

— Скажи ей, чтобы она позвонила мне, как только вернется. Я очень удивлена, что она меня не предупредила.

Они развернулись и пошли обратно по садовой дорожке, склонив головы и что-то бормоча друг другу. Он закрыл дверь и вышел в коридор. Ему стало плохо, и он с трудом добрался до дивана. Нужно подумать, что делать дальше. Эти убийства изматывали. Пройдет совсем немного времени, и любопытные старые ведьмы вернутся, желая поговорить с его матерью. Он сможет отвлечь их только на короткое время. Он уткнулся лицом в трясущиеся руки.

Майк отодвинулся от крошечного окошка, потрясенный увиденным, но не настолько, чтобы не понимать, что ему следует бежать как можно дальше. Она видела его, но он не знал, узнала ли она его. Теперь он сидел на огромном камне позади этого жуткого старого дома, тяжело дыша, как старик, настолько он ослаб. Он надеялся, что его не станут искать. Он испытывал к Энни отвращение, но в то же время был чертовски возбужден. Она никогда не делала с ним ничего подобного. Он был зол на них обоих и решил, что убьет её приятеля, кем бы он ни был. Но, вероятно, это дерьмовая идея, мужик, должно быть полицейский, но на полу не валялась униформа, поэтому, если он ходил в нормальной одежде, должен знать, как за себя постоять, потому что все остальные неженки носили защитные жилеты.

Майк пошел в лес. Он не знал, что делать, и теперь, когда увидел, что его жена собирается заняться сексом с совершенно незнакомым мужчиной, хотел её больше всего на свете. Он подпрыгнул, когда из-за угла дома вышел человек, размахивающий собачьим поводком. Мужчина свистнул пару раз.

— Потерял собаку, приятель?

Мужчина кивнул.

— Каждый раз, когда я привожу её сюда, она сбегает.

— Прости за банальность, но почему тогда ты отпускаешь её с поводка?

— Потому что она отказывается делать свои дела, пока на поводке; любит немного свободы. Хотел бы оставить её здесь, но жена убьет меня, если я вернусь домой без собаки.

Майк вздохнул.

— Женщины, вы не можете жить с ними и не можете жить без них.

Незнакомец согласился и протянул руку.

— Генри.

Майк пожал её.

— Майк. Сыт по горло семейной жизнью и изменой жены.

— О, звучит действительно плохо. Откуда ты знаешь, что она изменяет?

Майк кивнул в сторону фермы.

— Потому что она остановилась там, а я только что застукал её за этим занятием с каким-то мужиком.

— Сочувствую. Это гораздо хуже, чем потерять собаку. Хотя, честно говоря, если бы это была моя жена, я бы вздохнул с облегчением, если бы она превратила в кошмар жизнь какого-нибудь другого бедняги. Пожалуй, я пожал бы ему руку и пожелал удачи.

Майк улыбнулся. Было приятно, что есть с кем поговорить. Нет нужды рассказывать своему новому приятелю, что не так давно он ударил жену по голове и чуть не убил.

— Если хочешь, я помогу тебе поискать собаку.

— Это очень любезно с твоей стороны, но у меня есть идея получше: если мы её не найдем, мы могли бы пойти в паб и выпить, утопить наши печали.

— По-моему, идеальный план.

Они отправились в лес искать несуществующую собаку.

Глава 29

Уилл вернулся в дом.

— Я никого не нашел. Уверена, что видела лицо, а не тень или что-то в этом роде?

Энни покачала головой. Возможно, лицо было плодом её воображения, а может быть, это был один из её новообретенных призрачных друзей, которые, казалось, продолжали появляться.

— Вполне возможно. Может быть, волнение стало слишком сильным для меня. — Она подмигнула ему, но момент был упущен.

— Извини, но мне действительно пора. Дело не в том, что я спешу уйти, мне просто нужно быть там на инструктаже.

— Все в порядке. Я знаю, что тебе нужно работать, Уилл. Кто-то должен положить конец тому, что происходит, — Энни втайне радовалась, что им не удалось продвинуться дальше. Она знала, что пора сосредоточиться на себе и забыть о мужчинах, но не могла не думать о том, будет ли у неё когда-нибудь шанс заняться с ним любовью, или судьба будет бросать что-то на их пути каждый раз, когда они сближаются. — Возвращайся, когда будет возможность. Я уже скучаю.

Он провел пальцами по её волосам, притянул к себе и поцеловал. Она оттолкнула его.

— Приступайте к работе, сержант Эшворт. Не стоит опаздывать, а я буду ждать тебя здесь, когда ты закончишь. — Она подтолкнула его к двери. — Иди и займись поисками.

— Да, босс. Никуда не уходи и держи двери закрытыми.

Энни смотрела, как он бежит к своей машине, и вздыхала. Она собиралась извлечь из их встреч максимум пользы, даже если это не продлится долго. Она заслужила немного счастья.

Вдалеке за деревьями она увидела двух мужчин. Один из них был похож на Майку, и она подумала, не его ли лицо напугало её несколько минут назад. Энни закрыла дверь и заперла её за собой. Она собиралась долго отмокать в горячей ванне с пеной.

Генри изо всех сил старался сохранять спокойствие, но ему это давалось с трудом. Женщина на ферме с каждым днем становилась все более привлекательной. Ему не слишком нравилась мысль о том, что она будет заниматься сексом с тем мужчиной, это немного омрачало его фантазию. Она выглядела такой беспомощной и невинной, но все это время была переодетым дьяволом, пытающимся сбить его с пути истинного. Он ухмыльнулся. Нет, на самом деле дьявол это он сам, и он собирался устроить все виды ада.

После десяти минут бесплодных поисков он повернулся к Майку, от которого, несмотря на лосьон после бритья, пахло перегаром. Генри чувствовал, что он может стать большой проблемой, о которой нужно позаботиться заранее. Если он будет болтаться поблизости, то испортит все планы Генри. Что ему стоило сделать, так это сначала избавиться от него. Он никогда раньше не убивал мужчину, а Майк был большим парнем, но он уверен, что если напоит его достаточно, то сможет убить.

— Да ладно, это пустая трата времени. Пойдем в паб.

— Держу пари, твоя собака уже сидит у твоего дома и виляет хвостом.

Генри кивнул в знак согласия, и они направились к пабу в миле дальше по дороге.

Энни собиралась узнать, что случилось с Элис: когда она умерла и провела ли она остаток своей жизни с Альфи? Ей захотелось пойти на кладбище и поискать могилу Элис. Энни надеялась, что наконец-то та воссоединилась с Альфи и дожила до глубокой старости. Она оделась и позвала Тесс. Если она не сможет гулять по лесу, то возьмет её с собой на кладбище.

Дорога до кладбища не заняла много времени. Она медленно проехала мимо крематория, из которого выходили люди, одетые в черное и шмыгающие в носовые платки. Энни отвернулась, чувствуя себя виноватой, словно явилась на поминки в ярко-красном платье с глубоким вырезом. Она продолжала ехать туда, где в дальнем конце размещались действительно старые могилы. Первоначальная часовня все еще стояла в самом конце кладбища. Снаружи её окружала высокая металлическая ограда, но часовня была в еще худшем состоянии, чем особняк. Перед глазами мелькнула картинка с Элис в самом красивом кружевном свадебном платье. Энни вдохнула сладкий приторный запах душистых цветов, от которого на мгновение закружилась голова.

Она остановила машину у огромного каменного памятника ангелу. Она огляделась вокруг; этот монумент был самым большим, что она могла видеть. Запах исчез, когда она вышла из машины. Энни подошла к семифутовому ангелу, возвышавшемуся над другими могилами в этой части кладбища. Когда-то он бы прекрасен. Теперь же его покрывал темно-зеленый мох, а одно из крыльев было отломленным и потрескавшимся. Ангел протягивал руки, подзывая Энни. Когда она подошла ближе, её охватила глубокая печаль. Она сморгнула слезы, читая надпись:

«Здесь покоится благословенное тело Элис Хитон. Жена Эдуарда воссоединилась с своим сыном Джеймсом. Нам вас не хватает».

Это было уже слишком. Энни заплакала. Бедняжка Элис потеряла сына и не смогла начать новую жизнь с Альфи, потому что, судя по всему, она оставалась замужем за Эдвардом, когда умерла. Могила заросла, и некому было за ней ухаживать. Энни чувствовала себя опустошенной из-за женщины, которую никогда не встречала. Элис сама остановила злого убийцу, она должна быть местным героем, а не каким-то давно забытым человеком, о котором никто никогда не слышал. Энни решила, что вернется, очистит могилу и положит на неё свежие цветы. Она будет относиться к Элис с должным уважением. Склонив голову, он произнесла то, что, как она надеялась, было приемлемой молитвой.

Холодная рука сжала её плечо, и она обернулась, ожидая увидеть кого-то, стоящего позади неё: пустота. Она подняла руку, положив её поверх невидимой. Пошел дождь. Пора было возвращаться домой и запира́ть двери.

Подъезжая к выходу с кладбища, она посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, как за памятником исчезает белая фигура. Ей нужно срочно поговорить с Дерексом и попытаться выяснить, чего так отчаянно хочет от неё Элис. Как хорошо, что она не сумасшедшая или с поврежденным мозгом, но, с другой стороны, Энни не уверена, нравится ли ей эта возможность видеть мертвецов помимо всего остального, что она делала в данный момент.

Паб оказался пуст, что не могло не обрадовать Генри: чем меньше людей видели его и Майка вместе, тем лучше. Барменша сидела на табурете и читала журнал. Она выдула

огромный пузырь жевательной резинки, и Генри нахмурился и закашлялся.

— Ну, что тебе принести? — Он посмотрел на Майку, который пожал плечами. Он сидел на табурете за столиком в углу. — Две пинты пива, пожалуйста.

Барменша по-прежнему не смотрела на Генри. Она встала, взяла два пинтовых стакана и начала наливать сначала один, потом другой. Он начал барабанить пальцами по деревянной стойке. Если что-то и выводило его из себя, так это грубость, а она была самым грубым человеком, которого он когда-либо встречал.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Пять фунтов шестьдесят центов.

Он протянул ей десятифунтовую банкноту и протянул руку за сдачей. Если она хоть на минуту подумала, что он даст ей чаевые, она могла бы подумать еще раз. Он пристально посмотрел на неё. Неужели она дрожит? Он надеялся, что это так. Когда он подошел к Майку, она подняла трубку и начала что-то шептать тому, кто был на другом конце.

Глава 30

Мэтт закончил второе за день вскрытие, снял окровавленные перчатки и бросил их в специальный мусорный бак; все остальные ушли обедать. Казалось, что весь город умирает. Сегодня утром он пришел на работу, и его ждало еще три трупа. Его предшественник никогда особенно не торопился, иногда заставляя родственников ждать несколько дней, прежде чем те могли заняться своими близкими. Мэтт такого не понимал. Чем быстрее он будет работать, тем быстрее семьи разберутся с организацией похорон. Став главным патологоанатомом района Южных озер, он пообещал себе, что будет заниматься своими клиентами быстро и профессионально, насколько позволят обстоятельства. Полгода назад он подал заявление на вступление в ряды судебно-медицинских патологоанатомов в Министерстве внутренних дел, потому что иногда требовались дни, прежде чем кто-то из специалистов мог приехать из больших городов, чтобы выполнить эту работу. Это добавляло ему забот, но он любил свою работу и был трудоголиком.

Уставившись на ряд холодильников, он думал об Эмме Харви. Она не покинет морг так быстро, как ему хотелось бы. Сняв халат, он направился в кабинет. Там у него стоял мини-холодильник, специально для банок диетической газировки и сэндвичей с сыром и луком. Достав пластиковую коробку с бутербродами и банку шипучки, он сел за стол и начал рыться в куче почты на столе, отсеивая ненужную от той, что действительно могла иметь какое-то значение.

Его компьютер пискнул, и он открыл электронную почту. Бросив беглый взгляд, он наклонился вперед: адрес на последнем письме был от коллеги, работавшего в недавно созданном Институте судебной экспертизы. В ране на шее Эммы обнаружили частицы крови и ДНК вдоль пореза, и они совпадали с кровью Дженны Уайт. Мэтт прочитал отчет дальше, и в нем говорилось, что внутри раны нашли крошечные следы засохшей крови. Их прогнали через базу данных. Но частицы крови оказались так стары и ветхи, что не поддавались сличению. Его коллега рискнул предположить, что эта кровь появилась еще до Чернобыля, а это означало, что образец находился где-то, где не подвергался воздействию каких-либо частиц, которые можно было найти почти везде после катастрофы на атомной станции в 1986 году, и он, вероятно, намного старше. Мэтт почесал в затылке и сунул в рот остаток бутерброда. Он положил ноги на стол и начал обдумывать возможные варианты того, что это могло означать.

Когда Уилл прибыл в участок, у него появилось предчувствие, что сегодня все наладится. Появилась надежда что, они найдут какую-нибудь связь, которая поможет найти Дженну. Он прошел мимо общественного офиса, откуда раздавался пронзительный визг и смех. Развернувшись, он вошел посмотреть, что происходит.

— Итак, леди, вы же знаете, что на работе персоналу, выполняющими свои обязанности, правилами запрещено быть счастливыми?

Улыбки на четырех лицах встретили его.

— Доброе утро, Уилл.

— Ну же, откуда столько радости в такую рань?

Салли встала и подошла, чтобы включить чайник.

— Это слишком отвратительно, ты не захочешь знать, я вот не хотела.

Он смотрел, как она открыла холодильник и начала готовить ему кофе, и впервые в жизни ему стало неловко.

— Тогда давай садись, а я приготовлю тебе самый лучший кофе, какой ты когда-либо пила.

Лиз повернулась и посмотрела на него.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Уилл? По дороге сюда головой не ударился?

Он подмигнул ей.

— Нахалка. Я вернусь через минуту, никуда не уходите. — Он пошел в свой кабинет, чтобы достать из нижнего ящика молотый кофе и неиспользованный кофейник. Это был его подарок от Тайного Санты на прошлое Рождество. Уилл зашагал обратно к общественному офису.

Салли посмотрела на него.

— Мы говорили о нашей захватывающей сексуальной жизни, точнее, об её отсутствии. И вообще, почему у тебя такое хорошее настроение? Тебе что-то нужно, потому что мы вчера обошли для тебя кучу разных домов? Мне потребовалось двадцать минут, чтобы смыть коровье дерьмо с ботинок, когда я вернулась домой.

Уилл ахнул и схватился за сердце, изо всех сил стараясь выглядеть обиженным.

— Почему бы тебе просто не воткнуть нож прямо в сердце и не надавить сильнее? Неужели вы всерьез думаете, что я мил только тогда, когда чего-то хочу?

Девушки посмотрели друг на друга и кивнули.

Он покачал головой, зачерпывая ложкой остатки кофе.

— Мне больно. Вы же знаете, как я вас всех обожаю и никогда не поддержу тех, кто доставляет вам неприятности.

Салли подошла и сжала его руку.

— Прости, Уилл, мы знаем, что ты такой, и мы действительно тебя любим.

Он снова сжал её руку.

— Я прощаю тебя.

Он сегодня первым пришел в отдел уголовного розыска. С фотографии на доске на него смотрели Дженна и Эмма: Дженна, все еще полная жизни; и безжизненное белое лицо Эммы, её губы с синим оттенком и огромная рана поперек горла, остекленевшие глаза. «Обещаю, я поймаю его». Он подошел поближе, чтобы посмотреть, не добавилось ли что-нибудь новое в списки под каждой девушкой. Зазвонил телефон, но Уилл не ответил, телефон замолчал, а потом зазвонил снова.

— Доброе утро. Уголовный розыск. Говорит Уилл Эшворт.

Голос на другом конце провода после паузы произнес.

— Доброе утро, детектив-сержант. Это Эндрю Маршалл. Меня назначили выполнять обязанности старшего инспектора, и я просматриваю наши два дела. Я просто хотел познакомиться и узнать, как идут дела.

Уилл сел. Он с трудом вел дела те несколько дней, пока его босс болел, но он знал, что обязательно пришлют кого-нибудь на замену. Все происходящее было слишком громким делом, чтобы оставить без присмотра его и его команду.

— Честно говоря, босс, дела идут не очень хорошо. У нас есть несколько версий относительно жертвы убийства Эммы Харви, но ничего конкретного. Мы точно знаем, что Дженну Уайт в последний раз видели недалеко от аббатства Вуд, но, как вы понимаете, это огромная территория, которую нужно обследовать, и сегодня утром мы снова отправили поисковые группы.

— Хорошо. Я так понимаю, мы предполагаем, что эти случаи связаны. Вы говорите, что у нас есть несколько зацепок, есть ли среди них имя преступника?

Уилл надул щеки.

— Нет, имени мы не знаем. Вообще в этом нет никакого смысла: похитить одну девушку, а потом убить другую. Оставлять тело на виду — довольно необычное поведение, но, с другой стороны, я не могу сказать, что у меня был большой опыт в подобных ситуациях.

— А вы не думали о консультанте и внештатном психологе, ну, чтобы составить психологический портрет? Если нет, то у меня есть очень хорошая знакомая в Манчестере, которая охотно приедет и поможет. Безусловно, это ваше дело, я не хочу никому наступать на пятки.

Уилл изо всех сил старался сдержать волнение.

— Сэр, я думаю, это было бы замечательно. Если получится, попросите её приехать как можно скорее, потому что боюсь, что время для Дженны истекает, и шансы найти её живой очень малы. Я приму любую помощь.

— Хорошо, именно это я и хотел услышать. Нет смысла быть слишком гордым, признавая, что вам не помешает помощь со стороны? Не тогда, когда чужая жизнь под угрозой. Займусь этим сейчас. Я говорил с ней вчера вечером, так что она в курсе и должна появиться у вас к середине дня. Её зовут Грейс Маршалл. Я скажу, чтобы она направлялась в приемную.

— Благодарю вас, сэр, я ценю это.

На другом конце провода собеседник разразился приступом кашля и положил трубку. Уилл думал, что сегодня будет тот самый день, и он оказался прав. Он вспомнил о том, как прекрасно провел это утро с Энни, и все еще улыбался, когда Стью вошел вслед за Лорой.

— Доброе утро. Что вы будете: чай или кофе?

Они еще раз на него внимательно посмотрели, сбитые с толку. Уилл вышел из кабинета, чтобы пойти и вымыть кофейник. Стью наклонился и прошептал Лоре на ухо:

— Эту ночь он провел не один, вот почему у него такое хорошее настроение. Ставлю пятерку.

Лора сердито посмотрела на Стью и прошипела:

— Не все вертится только вокруг секса, Стью. Можно быть в хорошем настроении не только из-за него.

— Поверь мне, когда ты мужик, единственное, что приводит тебя в хорошее настроение, это отличный секс, ну, любой секс или просмотр повторов «Доктора Кто».

— Я уже начинаю за тебя переживать. Не знаю, что хуже: знание, что, когда ты в хорошем настроении, вы с Дебс занимались этим, как кролики, или что кто-то купил тебе бокс-сет со всеми сериями «Доктора Кто».

— Интересно, с кем он переспал? Первый, кто из него это вытянет, получит кремовый торт из той новой пекарни, что дальше по улице.

Лора на мгновение задумалась.

— Ты не в своем уме, Стью, но за кремовый торт я готова на все.

Уилл вернулся.

— О чем шушукались?

Лора мило улыбнулась.

— Ничего особенного, просто обсуждали извращенный взгляд Стью на жизнь. Стью, почему бы тебе не поведать Уиллу то, что ты только что рассказал мне?

— Я только что объяснял Лоре, как здорово, когда ты потрахался, и как это поднимает тебе настроение. Ну, не только тебе, я больше имел в виду нас, ну, всех мужчин в целом.

Уилл нахмурился, пытаясь понять, о чем говорил Стью, когда Джейк вошел в кабинет.

— О, серьезный разговор, о чем речь?

У Стью был такой вид, словно он хотел, провалиться сквозь землю, и Лора расхохоталась.

— Ты просто невозможен, я бы предпочла плитку шоколада и чашку кофе.

Телефон на столе Уилла зазвонил как раз в тот момент, когда он сунул в рот кусок пирога.

Лора шагнула вперед.

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я ответила?

Он показал Лоре большой палец, и она подняла трубку. Уилл уловил запах её духов, приятный аромат.

— Доброе утро, уголовный розыск. Подожди, он уже здесь, как только закончит набивать рот пирогом, я вас соединю.

Уилл не знал, что с ней происходит в последнее время. Она была раздражительной и несчастной и выглядела так, будто сильно похудела. Он спросит Стью позже. Возможно, у неё были проблемы с парнем, хотя он даже не уверен, встречалась ли она с кем-нибудь.

— Уилл слушает.

— Привет, это Мэтт. Я только что получил результаты анализов из лаборатории, взятые из раны на горле Эммы Харви.

— Я слушаю.

— Мазки показали два отдельных образца крови, а также кровь нашей жертвы. Боюсь, что один из них принадлежит Дженне Уайт.

— Черт.

Все в офисе прекратили свои занятия, чтобы послушать Уилла.

— Боюсь, что да. Наш подозреваемый острым ножом перерезал ей горло. Единственный способ объяснить, как кровь Дженны оказалась на ноже, — это то, что он использовал его, чтобы убить её, прежде чем использовать его на Эмме.

— Ты в этом уверен? Нет никаких шансов, что образцы могли быть перепутаны или что-то в этом роде? — Уилл пожалел о своих словах, как только произнес их, и Мэтт огрызнулся на него.

— Ты хочешь сказать, что я идиот, который не может нормально выполнять свою

работу?

Уилл понизил голос:

— Нет, просто ради Дженны Уайт я хочу, чтобы ты оказался идиотом, который не справляется со своей работой.

Гнев покинул голос Мэтта.

— Вот тут-то все и становится загадочным. Другой образец действительно старый, и в нем есть только крошечные пятнышки, но они есть и это совершенно другая группа крови, чем у остальных. Похоже, наш убийца предпочитает антикварные ножи в качестве своего оружия, и, похоже, что тот, кто владел им в прошлом, не очень хорошо его почистил. Происходит какое-то странное дерьмо.

Уилл был занят тем, что строчил заметки.

— Спасибо, Мэтт. — Он положил трубку и встал. — Я так понимаю, вы все поняли суть этого разговора. На ноже, которым убили Эмму, была кровь Дженны Уайт и еще один образец, очень старый. Так что, хотя вполне возможно, что Дженна лежит где-то раненая, у нас теперь есть твердая связь между похитителем Дженны и убийцей Эммы. Я предполагаю самое худшее, что Дженну убили первой. Лора, свяжись с офицером по связям с семьей Уайт. Скажи ему, чтобы готовил Уайтов к худшему. Ни слова об этом прессе, они уже печатают полную чушь и пугают всех в радиусе десяти миль, так что давайте не будем им ничего подкидывать. Стыю, я хочу, чтобы ты прошелся по магазинам подержанных вещей и антикварным лавкам, проверил, не продавал ли кто-нибудь в последнее время старый нож. — Он взглянул на фотографию Дженны, сжал кулаки и вышел из комнаты, ему необходимо подышать свежим воздухом.

Глава 31

Генри остановил машину у своего дома. Посмотрел на Майка, который наклонившись что-то невнятно бормотал.

— Хороший дом, я всегда хотел дом с гаражом, а она хотела зимний сад. Думаю, если бы у меня был гараж, все сложилось бы совсем по-другому.

Генри нахмурился, не желая спрашивать, как гараж может повлиять на чей-то брак. Но кивнул, словно соглашаясь. Четыре пинты пива добавились к тем, что этот неудачник пил накануне. Он слушал его болтовню последний час, угощая выпивкой, потому что Генри не знал, сможет ли одолеть Майка, если тот не будет пьян. Рассказанные им истории заставили его задуматься, насколько жестоким был этот мужик, и он почувствовал жалость к женщине, которая приходилась ему женой. Ему совершенно не хотелось, чтобы Майк появился на ферме и все испортил, поэтому он придумал план.

Генри вышел из машины и пошел по садовой дорожке, Майк следовал за ним. Открыв дверь, он ожидал услышать голос матери, но вместо этого его встретила тишина. Майк споткнулся о порог и толкнул его в спину.

— Ладно, дружище, где тот «Джек Дэниелс», о котором ты говорил? Но сначала мне нужно пописать.

Генри указал на лестницу.

— Прямо, вторая дверь направо.

Майк поднялся по лестнице, а Генри прошел на кухню. Он слышал, как его гость ходит в ванной над ним, и достал из ящика молоток. Он подумал о том, чтобы воспользоваться ножом, но это показалось ему неправильным: нож только для его девочек. Пара ударов молотком по голове — и дело сделано. Раньше он никого не убивал молотком, так что это в

основном догадки. Его пальцы сомкнулись вокруг дровца. Идиот наверху слишком долго возился; Генри надеялся, что его не тошнит, он ненавидел тошноту. Решив посмотреть, что Майк там делает, он направился к лестнице.

Майк вышел из ванной и налетел на дверь, напротив. Как только она открылась, его рот тоже открылся в изумлении. Со стены на него смотрело множество фотографий: он знал эту улыбку, знал эти ямочки. Он вошел в комнату, его глаза следовали за линией картинок до потолка, и именно тогда его ноги начали дрожать, и он поднял руку ко рту. На потолке над кроватью постер с Энни в натуральную величину, её черные вьющиеся волосы выглядывали из-под синей шерстяной шапки, которую она надевала, когда шел дождь.

Пропитанный пивом мозг Майка пытался понять, что происходит, когда молоток ударил его по затылку. Первый удар сбил его с ног, и комната поплыла. Майк поморщился от вкуса несвежего пива и желчи, заполнивших его рот. Второй удар был так силен, что расколол ему череп, и осколок вонзился в мозг, мгновенно убив его.

В тот самый момент, когда Майк умер, Энни почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она ехала обратно на ферму и пыталась вести себя так, будто все нормально, хотя на самом деле с каждой минутой становилось все хуже. Она не знала, что делать.

Вернувшись, она сразу пошла в дом и заперла дверь. Небо за окном становилось все темнее, казалось, надвигается очередная ливень. Энни достала телефон и встала посреди кухни, где иногда, если ей везло, ловился сигнал. Она позвонила Уиллу, но вызов сразу перешел на голосовую почту. Она попыталась дозвониться до Дерека, но он ответил тем же. Ей нужно было что-то поделать, поэтому она начала убирать кухню, все, что угодно, чтобы занять свои мысли. Она подумывала позвонить Джейку, но он вел себя зачастую как настоящая королева драмы, поэтому, скорее всего, послал бы патрульную машину, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, но технически она в порядке, просто не понимала, что происходит.

Проходя мимо кабинета сержанта, Уилл услышал, как Кав окликнул его по имени.

— Уилл, я думаю, ты должен знать, что мне только что звонили из хостела временного содержания в Карлайле. Майк Грэм уехал вчера, и с тех пор его никто не видел. Джейк сказал, что ты взял на себя обязанность присматривать за нашей Энни, и это очень благородно с твоей стороны. Ты хочешь, чтобы я ей сказал, или ты сам?

— Господи. Они решили сообщить нам об этом только сейчас, через день. Я позвоню ей. Предоставь это мне.

— Не думаю, что у него хватило бы духу приблизиться к ней, особенно после последнего сурового разговора перед арестом. Заметь, он неплохой боец, но не может сравниться со мной и Джейком.

— Надеюсь, ты прав, Кав, правда.

Уилл покинул участок. Ему нужно пойти домой и принять душ до приезда психолога. Снова позвонил Энни, но по-прежнему без успешно, поэтому оставалось только оставить сообщение. Он действительно хотел поговорить с ней и услышать её голос, и он будет продолжать пытаться.

Генри слегка встревожило, что чужая смерть больше не волнует его. Он подсчитал

количество трупов, и получилось четыре; пять, как только он заполучит женщину с фермы. Он понимал, что она станет испытанием для него. Она ни за что не сдастся без боя, не то что другие. По какой-то причине он знал, что именно она может разрушить все, и где-то внутри него крошечная частичка хотела этого. Он не желал становиться убийцей с самого начала, но у него не было достаточно сил, чтобы бороться с тем, что им двигало.

Он посмотрел на тело, лежащее на полу его спальни. Это уже не имело значения, нет никакого смысла скрывать труп. Если каким-то чудом он убьет женщину, не попавшись, он подумает, что делать с растущим количеством мертвецов в его доме.

Генри смывал кровь с рук, когда в дверь позвонили, а затем раздался громкий стук. Он замер и подождал минуту, но кто бы это ни был, он еще сильнее ударил по стеклу. Сняв окровавленную рубашку, бросил её в корзину для стирки, затем, плеснув холодной водой на волосы и лицо, схватил полотенце и побежал вниз по лестнице. Сквозь стекло в двери он увидел силуэт огромного полицейского. Люминесцентная желтая куртка заполнила дверной проем. «Все кончено, Генри».

Заставив себя дышать медленно, он открыл дверь.

— Извините, офицер, я только что вышел из душа. Что-то случилось?

— Извините за беспокойство, сэр, но нам звонила... — Он взглянул на имя в блокноте, — миссис Эдит Райт. Она беспокоится о благополучии вашей матери. Она утверждает, что не видела её пару дней, и это очень на неё не похоже.

— Простите, офицер, вас ввели в заблуждение, и вы зря потратили время. Моя тетя, которая живет в Блэкпуле, была срочно доставлена в больницу. У неё нет собственной семьи, поэтому моя мать отправилась её навестить. Я сам отвез её на вокзал. Не хотите зайти, пока я ей позвоню, и вы сможете с ней поговорить? Но что бы вы ни сделали, не говорите ей, что я не пылесосил и не прибирался. — Он подмигнул Джейку.

— Вы говорили с ней сегодня, сэр?

— Около часа назад. Она позвонила и сказала, что останется еще на несколько дней.

— Тогда ладно. Пока вы не беспокоитесь о ней, это не проблема. Не могли бы вы расписаться в моем журнале, чтобы подтвердить, что я поговорил с вами и вы всем довольны?

Генри отвернулся, чтобы вытереть пот с ладони, и заметил мамину сумочку на полу рядом с креслом. Его ладони вспотели еще сильнее, а желудок сжался так сильно, что он подумал, что его сейчас вырвет.

Полицейский посмотрел на него.

— Все в порядке? Вы плохо себя чувствуете?

Генри покачал головой, расписался в журнале и вернул его.

— Слишком много пива и сомнительного карри.

Джейк посмотрел на него с сочувствием.

— Спасибо, что уделили мне время. Я дам знать миссис Райт, что все в порядке. Береги себя.

Генри задержался у двери, чтобы убедиться, что офицер вышел из ворот и сел в полицейскую машину. Он помахал ему рукой и закрыл входную дверь. Добрался до гостиной, затем упал на диван, закрыв глаза, когда комната начала вращаться, прежде чем все потемнело.

Глава 32

Джейк поехал обратно в участок. Рабочее время почти подошло к концу. Этот парень

казался немного странным, но он не собирался с ним спорить. Сыну следовало бы знать, где находится его собственная мать, и он, казалось, ничуть не беспокоился. Джейк сообщил оператору диспетчерской, что все в порядке и что он сам поговорит с заявителем. Он прошел в актовЫй зал и сел за последний свободный стол. Подняв трубку, он набрал номер, записанный в журнале, и сообщил женщине, которая звонила, о том, что ему удалось выяснить.

— Вы заходили внутрь и проверяли дом, офицер?

— Нет. Я полагаю, что у сына миссис Смит нет причин лгать мне, поэтому у меня не было достаточных оснований, чтобы войти в дом.

— Ну, молодой человек, я не знаю ни одной женщины, которая уехала бы из города без своей сумочки. Я увидела её там, когда заглянула в окно. Она все еще лежит на том же месте, где была и в среду.

Джейк подумал, что она права, но прошло уже пять минут, как его рабочий день закончился, а у женщин обычно гораздо больше одной сумочки. К тому же Алекс готовил ужин, и они собирались открыть дорогую бутылку вина, которую Энни купила ему на день рождения.

— Послушайте, миссис Райт, если вы не свяжетесь с вашей подругой до завтрашнего вечера, я вернусь и сам обыщу дом.

Это немного её успокоило.

— Спасибо, но говорю вам, что здесь что-то не так. Я чувствую это всем сердцем.

Джейк согласился с ней.

Уилл вернулся в участок в рекордный срок. Пахнувший кофе и лосьоном после бритья от Шанель, он проигнорировал восхищенный свист Клэр и Салли, которые шли с заднего двора, и бросился внутрь. Он не хотел пропустить прибытие психолога. Когда он проходил мимо приемной, секретарь, которую он никогда раньше не видел, спросила его, не знает ли он, кто такой сержант Эшворт. Она покраснела, когда он сказал «я», и усмехнулась.

— Вас ждет Грейс Маршалл.

Впервые за несколько дней Энни покинула мысли Уилла, теперь он сосредоточился на том, чтобы поймать убийцу Эммы Харви и привезти Дженну Уайт домой. Он открыл дверь в шумную приемную, где было полно людей, которые вполне могли бы составить список гостей для Джереми Кайла. Они все повернулись к нему, надеясь, что он выкрикнет их имя, чтобы они не сидели там часами. Оглядев лица, он остановился на женщине лет двадцати с портфелем на коленях: это была либо Грейс Маршалл, либо чей-то адвокат. Он произнес её имя, и она вскочила так быстро, что он едва не столкнулся с ней. Она явно была рада отойти от ребенка, который так сильно дергал её голову, что Уилл удивился, что у неё еще остались волосы.

Грейс последовала за ним через дверь, и как только та закрылась, и публика не могла его слышать, он заговорил.

— Хорошо, что я не задержался слишком долго, а то у вас голова была бы набита вшами. Она попыталась нахмуриться, но вместо этого улыбнулась.

— Ну, сержант Эшворт, я бы передала их вам за то, что вы заставили меня так долго ждать.

Он рассмеялся и повел её в свой кабинет.

— Добро пожаловать в ад, ну, в общем, тут не так уж плохо, когда девушек не убивают,

и они не пропадают без вести.

— Я родилась и выросла здесь, сержант. Уехала учиться в университет, а потом устроилась работать в психиатрическую клинику в Солфорде, в которой содержат некоторых из... как бы сказать? — нежелательных представителей общества.

Уилл протянул руку.

— Давайте заключим перемирие. Я очень рад, что вы смогли приехать так быстро. Происходят вещи, которые находятся вне нашего контроля, и нам нужна любая помощь, которую мы можем получить. Но есть одно условие. Пожалуйста, зовите меня Уилл: я ненавижу все это дерьмо с обращением по званию.

Она протянула руку и пожала с такой силой, какой он никогда не чувствовал от женщины. Они оба ухмыльнулись друг другу.

— Фу, как я рад, что с этим покончено. Пойдем, я выделю тебе стол и все остальное, что может понадобиться. На самом деле, могу сделать еще лучше, я могу выделить тебе личного помощника. — Он открыл дверь кабинета и увидел, как все уставились на новенькую. Лора улыбнулась им и, наклонив голову, продолжила печатать. Уилл посмотрел на Стью, который смотрел на Грейс с благоговейным трепетом. «Черт возьми, я не могу позволить Стью работать с ней, он будет пускать на неё слюни». Он подвел Грейс к своему столу, представив по пути. Подойдя к Лоре, он остановился.

— Грейс, Лора поможет со всем, что тебе понадобится, если меня вызовут.

Лора покраснела, но, похоже, роль няньки её не слишком беспокоила.

Грейс подошла к доскам и открыла портфель в поисках ручки и блокнота.

— Пару часов я буду в порядке. Мне нужно увидеть все, что у вас есть до сих пор: материалы дела, фотографии, отчеты патологоанатомов, все. А потом мне нужно будет съездить на место преступления.

— Обращайся к Лоре. Мне еще нужно сделать пару звонков. — Уилл собирался выяснить, кого можно послать присматривать за Энни. Она могла считать себя достаточно сильной, но он не думал, что она может сравниться с безумцем из аббатства.

Глава 33

Генри обнаружил, что идет по тропинке к лесу. Он не мог вспомнить, как забрался так далеко, но направился к ферме. Подойдя ближе к воротам, он услышал, как внутри пылесосят, поэтому подбежал к сараю с сеном и вошел, заняв позицию перед окном. Он видел, как она порхает из комнаты в комнату, охваченная безумием уборки. Его так и подмывало подойти и постучать в дверь, но он не думал, что она откроет ему. Он полагал, что мог бы попробовать в последний раз использовать трюк с пропавшей собакой, но, если она позвонит в полицию, все закончится еще до того, как начнется.

Пока он сидел, раздумывая, что делать, к воротам подошел еще один человек. Этого он раньше не видел. Сколько мужчин может знать одна женщина? Он озадаченно смотрел, раздумывая, кто бы это мог быть. Он не знал, хватит ли у него сил еще на несколько убийств, он уже чувствовал себя почти мертвым.

У неё оказалось много друзей мужского пола, но он не видел ни одной подруги. Он подумал, не одинока ли она. Он провел большую часть своей жизни в одиночестве, и посмотрите, к чему это привело. Звук открываемой кухонной двери вытеснил все мысли из его головы. Он увидел, как мужчина вошел в дом. Мужчина был довольно стар и Генри не думал, что он сможет доставить много хлопот в драке. Он прислушался, не раздастся ли звук задвижки, и улыбнулся, когда этого не произошло. Это был очень хороший знак: именно то,

чего он ждал. Он встал и потянулся. Пять минут — и здесь наступит полный хаос.

Энни обрадовалась приходу Дерек. Она чувствовала, что вот-вот сломается, настолько она была измотана всем происходящим.

— Я получил ваше сообщение и сразу же приехал сюда. Думал о том, как лучше всего разобраться во всем этом, и единственное, что могу предложить, это провести сеанс в особняке. Таким образом, я смогу почувствовать это место, задать несколько вопросов и, надеюсь, получить ответы. Как вы думаете?

Во рту у неё пересохло, и она не могла пошевелить языком.

— Не думаю, что мне действительно этого хочется. Мне не нравится мысль о том, чтобы связываться с чем-то подобным, Дерек, но разве у меня есть выбор?

Он выглянул наружу. Была середина дня, и если дождь не начнется снова, то еще пару часов будет светло. Дерек тоже не хотел оставаться в старом доме затемно.

— Нет. Я думаю, мы должны сделать это сейчас.

Энни схватила с крючка куртку и ключ от дома.

— Ну хорошо, если я буду слишком много думать, то струшу. Нам не понадобится крест, святая вода или пара серебряных пуль?

— Пара зубчиков чеснока, если они у вас есть.

Краска отхлынула от её лица, что помешало Дереку громко рассмеяться.

— Извините, Энни, я пошутил. Я не понял, что вы говорите серьезно.

Она облегченно вздохнула.

— Фух, ну ладно, потому что я действительно боюсь, у меня трясутся руки.

Он улыбнулся и похлопал её по руке.

— Ну, тогда вам повезло, потому что я один из лучших в этом деле. Мы разберемся с этим, упокоим призраков, и вы вернетесь к чаю. Хорошо звучит?

— Чертовски замечательно, Дерек. На самом деле, это было бы потрясающе.

Она натянула кроссовки на ноги на всякий случай.

— Я готова, если вы готовы. У меня всегда была тайная мечта стать Охотником за привидениями. — Она подмигнула ему, но голос её дрожал. Выйдя на улицу, она пошла за Дерек, за которым последовала Тесс. Энни отвела Тесс обратно в дом и заперла дверь. Она должна позвонить Уиллу? Энни решила этого не делать. Пришло время взять под контроль свою жизнь.

Они отправились в сторону старого особняка.

Генри знал, что его терпение окупится. Он смотрел, как они направляются в лес по направлению к дому. Идеально. Он не мог просить о большем. Он даст фору и последует за ними. В лесу так тихо, что даже птицы не щебетали. Слава богу, сейчас не школьные каникулы, потому что тогда лес бы был полон орущих детей.

Эдит никак не могла успокоиться. Это было неправильно. За все годы, что она дружила с Глэдис, она ни разу даже не упомянула о том, что у неё есть сестра, она могла бы говорить о дальней родственнице, но не сестре. Генри тоже выглядел по-другому. Когда он открыл дверь, его появление потрясло её. Он не брился уже несколько дней, и под его еще более темными глазами залегли темные круги. Глэдис сказала, что беспокоится о нем, и Эдит могла понять почему.

Выключив телевизор, Эдит встала. Когда она потянулась, кости в коленях закричали. Шаркая к телефону, она снова позвонила Глэдис: она звонила и звонила, Эдит чувствовала, что не может оставаться в стороне и ничего не делать. Не тогда, когда её подруга может нуждаться в помощи. Она знала, где спрятан запасной ключ от дома Глэдис, поэтому вызвала такси. Она попросит водителя подождать, пока сама проверит дом. Никогда не уклоняясь от драки в молодости, она знала, что даже если Генри внутри, она все равно войдет. Что может случиться худшего? Он мог бы вызвать полицию, но это не страшно. Если все полицейские такие же милые, как тот, с которым она разговаривала раньше, это скрасило бы её день.

Глава 34

Когда они подошли к входу в дом, Энни почувствовала, как её тело начинает гудеть. Как если бы оно пропускало электрический ток через себя.

Дерек почувствовав её внезапную настороженность, потянулся к её руке.

— Ничего страшного, что вас засыпают воспоминаниями об этом месте. Та, кто жила здесь, чувствует сильную связь с вами. Она доверяет вам и пытается что-то сказать, хотя я не понимаю, почему она так долго ждала, чтобы начать кого-то преследовать.

Энни вздрогнула. Она знала почему. Все это имело какое-то отношение к дневнику и страшным тайнам, которые он раскрывал. Она хотела рассказать Дереку о дневнике и о том, что знала, но физически не могла говорить, что-то её останавливало.

Дерек посмотрел ей в глаза.

— Все будет хорошо, моя дорогая.

Энни достала ключ из кармана джинсов, зная, что независимо от того, в порядке или нет, она должна пройти через это ради своего здравомыслия.

Дерек уставился на Энни. Она выглядела по-другому. Её лицо немного округлилось, а глаза сфокусировались на чем-то, что могла видеть только она. Он последовал за ней, когда она толкнула входную дверь и вошла внутрь. Энергия, бегущая по дому, была такой сильной, что волосы на его затылке встали дыбом. Энни начала напевать и пошла дальше через большой холл в коридор.

— Пойдем, — она нежно улыбнулась ему, но это была не её обычная улыбка. Они вошли в кухню, и от запаха сырости и плесени, исходившего от многих лет пустоты, у него скрутило живот.

Энни фыркнула.

— Кухарка готовит лучшее песочное печенье во всем городе, а я так голодна.

Дерек взял её за руку и усадил на подоконник.

— А кухарка сейчас здесь, Энни? Что ты видишь?

— Я вижу, как она печет. Сбоку стоят подносы с печеньем, готовые к послеобеденному чаю. Если я буду хорошо себя вести и справлюсь со своими делами, она разрешит мне выпить стакан молока. Я должна усердно работать и убедиться, что все убрано, прежде чем Эдвард придет и помешает мне.

Температура в комнате упала настолько, что, когда Дерек заговорил, он увидел перед собой облачка своего дыхания.

— Ты можешь рассказать мне об Эдварде? Почему он мешает тебе, Энни?

— Элис, меня зовут Элис, глупый. Перестань называть меня Энни, это другая девушка. Эдвард — сын её светлости, и я ему не очень нравлюсь. На самом деле он ненавидит меня, и

я не хочу быть здесь, когда он вернется, потому что он так плохо ко мне относится.

— Элис, сколько тебе лет?

— Мне семнадцать.

— Элис, почему ты все время разговариваешь с Энни? Что тебе от неё нужно?

— Я думаю, это потому, что она похожа на меня и мне нужна её помощь: Эдвард вернулся. Он убил тех несчастных женщин в Лондоне, вы знаете, зарезал и разделал их, как животных, и теперь он вернулся. Я слышу его шепот и шаги в подвале. Он хочет крови, это все, чего он когда-либо хотел.

Дерек был так поглощен разговором с духом Элис, что даже не услышал приближающихся шагов.

Выражение лица Энни застыло, когда она выдохнула:

— Эдвард.

Дерек обернулся и увидел мужчину, стоящего позади него с молотком в руке. Он качнулся к Дереку, ударив его по голове; очки упали, и медиум потерял равновесие. Молоток ударил во второй раз, и Дерек рухнул. Энни встала с подоконника и поскользнулась в луже крови, которая стекала с головы Дерек. Когда она почувствовала, что мир почернел, пара грубых рук схватила её.

— Ну, ну, как же давно это было, Элис. Никогда не думал, что увижу тебя снова.

Эдит вышла из такси и посмотрела на дом. Он стоял в темноте. Какое облегчение, что Генри нет, это заставило её чувствовать себя намного лучше перед тем, что она собиралась сделать. Она постучала в окно водителя.

— Подождите здесь, молодой человек. Не выключайте счетчик. Я не хочу, чтобы вы сбежали и бросили меня. — Она прошла по садовой дорожке к входной двери и стала искать горшок с засохшей лавандой внутри. Наклонившись, она подняла его, и, конечно же, в пластиковом мешочке с деньгами был запасной ключ. Её руки начали дрожать, когда она попыталась вставить его в замок. У неё было плохое предчувствие, и она боялась того, что может найти. Но она должна сделать это ради Глэдис: её подруге возможно нужна помощь.

Когда она вошла внутрь, сильный запах металла заставил её поднести руку к носу. Её муж работал слесарем на верфи, и в воздухе стоял такой же запах, как от его комбинезона, который он приносил домой каждую пятницу для стирки. Она прошла прямо в гостиную и взяла сумочку Глэдис. Внутри лежали её очки, кошелек, телефон и записная книжка — все то, что нельзя было бы оставить, если бы вдруг пришлось уехать.

Она поставила сумку и вышла в коридор, крича наверх:

— Глэдис, это Этель. Ты здесь, милая? — Её встретила тишина, не желая рисковать, поднимаясь наверх в тускнеющем свете, она нащупала выключатель, и её рука коснулась чего-то влажного и липкого. Заливая зал светом, она посмотрела на свои пальцы: они были покрыты темно-красной жидкостью. Поднеся их к носу, она застонала: кровь.

В ужасе она, спотыкаясь, вышла на улицу к ожидавшему её такси.

— Вы должны позвонить в полицию, пожалуйста, скажите им, что случилось что-то плохое. На выключателе кровь.

Водитель посмотрел на неё, как на старую дряхлую летучую мышь.

— А теперь, дорогуша, откуда вы знаете, что случилось что-то плохое, вы что-нибудь видели?

Эдит подняла окровавленные пальцы.

— Потому что, молодой человек, я знаю, что такое кровь. А теперь, пожалуйста, позвоните в полицию.

Он поднял трубку радиотелефона и попросил оператора вызвать полицию. Затем выключил счетчик и пробормотал себе под нос:

— Бред.

Эдит не знала, что делать, поэтому прислонилась к машине и стала ждать.

Джейк распечатал отчет о вызове, на который он выезжал ранее, и уже собирался отметить окончание работы на час позднее, чем следовало, когда раздался вызов из дома, который он только что посещал. Он смотрел, как опустел актовый зал. Положил рацию и газовый баллончик в шкафчик и пошел в кабинет Кава.

— Э-э-э, сержант, я недавно выезжал по этому адресу и разговаривал с парнем, который там живет. Он был немного странным, но все казалось в порядке. Мне стоит вернуться?

Кав покачал головой.

— Нет, иди домой. В журнале записано, что таксист вызвал полицию по просьбе своей пассажирка — какой-то старой леди по имени Эдит Райт. Она сказала, что на выключателе кровь. Скорее всего, какая-нибудь ерунда, бедняга, наверное, порезался, когда брился.

Джейк повернулся, чтобы уйти, улыбаясь про себя. Эта женщина просто постоянный клиент, если таковые вообще существовали.

Глава 35

Уилл посвятил Грейс в оба дела, с ней, оказалось, так легко разговаривать. Она была блондинкой, высокой, стройной и очень привлекательной — как раз в его вкусе, — но он ни разу не поймал себя на мысли, что хочет затащить её в постель, что было для него впервые. Вместо этого он обнаружил, что может сосредоточиться на деле и обсудить его как профессионал. Единственной женщиной, чей образ постоянно всплывала в его голове, была Энни, и он не мог дождаться, когда закончит и сможет пойти к ней. Его мать так гордилась бы им.

Он показал Грейс места преступлений. Отвез её туда, где нашли тело Эммы, а потом к музею Аббатства. По пути он указал, где в последний раз видели Дженну. Свет быстро угасал, и руины аббатства приобрели зловещий вид. Его так и подмывало спросить, нельзя ли заглянуть к Энни, но с ней все было сложно, и ему не хотелось рассказывать Грейс всю историю своей личной жизни.

Пока Грейс расхаживала вокруг и делала заметки, он снова попытался позвонить Энни, но вызов сразу перешел на голосовую почту: он оставил еще одно сообщение. Его грудь начала гореть, и он потерял её. Сейчас у него нет времени на изжогу, да и таблеток никаких с собой не было. Наконец Грейс вернулась к машине и попросила отвезти её в участок.

Когда они вернулись в кабинет, Стью кивнул Уиллу, и тот нахмурился. Лора поймала их взгляд и покраснела. Грейс сидела за столом с блокнотом и что-то печатала на своем ноутбуке. Чуть позже, когда все разошлись по домам и Уилл уже клевал носом, Грейс подняла голову.

— Ты можешь идти домой, Уилл. Я продолжу еще какое-то время. Как только у меня будет что-то, с чем ты сможешь работать, я дам тебе знать.

Он испытал сильное искушение уйти, но встал, чтобы потянуться.

— Извини, не могу. Мне нельзя оставлять тебя без присмотра в участке.

— А, все в порядке, я понимаю. Я провела большую часть своего детства в полицейских

участках и рядом с ними.

Уилл задумался. Ей не разрешили бы работать, если бы она имела судимость.

— Позволь мне перефразировать. Большую часть своей юности я провела в них из-за отца. О боже, это звучит еще хуже. Мой отец был детективом, как и ты, и трудоголиком. Я все время слонялась вокруг, ожидая его, хотя сомневаюсь, что в наши дни такое разрешено, слишком много правил охраны здоровья и безопасности.

Уилл немного расслабился, задаваясь вопросом, знал ли он её отца. Он взглянул на имя на бейдже посетителя, висевшем у неё на шее. Фамилия «Маршалл» свирепо смотрела на него.

— Ты ведь не родственница детектива-инспектора?

Грейс посмотрела на свои руки и заговорила гораздо тише.

— Да, он мой отец.

Уилл прокручивал в голове каждую минуту, проведенную с ней, гадая, не облажался ли он в чем-нибудь.

— Не волнуйся, это круто, и я не буду держать на тебя зла. Честно говоря, я с ним не встречался. Только говорил с ним по телефону, но он, кажется, неплохой парень.

Она улыбнулась, сверкнув идеальными белыми зубами, и все, о чем он мог думать, как ему повезло, что он не подкатывал ей. Грейс встала.

— Сейчас у меня есть все, что нужно. Я отпущу тебя домой. Дай мне свой номер, и я позвоню, если найду что-нибудь, что ты сможешь использовать сегодня ночью. Иначе увидимся утром.

Уилл продиктовал свой номер телефона и надел куртку, радуясь, что наконец-то сможет увидеть Энни.

Кав, пыхтя, влетел в дверь, как бешеный бык.

— Убийство, ты нужен на месте. Это настоящий гребаный бардак, так сказал Смити, он направился на вызов после звонка какой-то чрезвычайно обеспокоенной старой дамы, и, войдя, обнаружил тело в спальне с проломленной головой.

— Женщина?

— Нет, прости мужчина, это мужчина.

Уилл посмотрел на Грейс.

— Как часто в этом городе появляются трупы? Я точно знаю, что их очень мало. Может быть совпадение, но это может быть и наш парень. Рассчитывайте на меня, — сказала она.

Генри поднял женщину так, словно она весила не больше мешка угля. Он перекинул её через плечо и огляделся вокруг. Мужчина лежал на полу без сознания, если уже не умер. Он вернется и разберется с ним позже. Его приоритетом была Энни. Он наконец-то выяснил её имя, когда слушал их разговор, прежде чем так грубо прервать. На этот раз ей не удастся взять над ним верх. Пройдет всего несколько минут, прежде чем она придет в себя. Ему нужно затащить её в подвал, в свою маленькую комнату. Он понес её вниз по ступенькам в свою комнату трофеев. Он не нуждался в свете; его ноги могли найти дорогу без посторонней помощи.

Кав, Уилл и Грейс сели в машину без опознавательных знаков, единственную оставшуюся на заднем дворе. Кав ехал быстро, и когда они свернули на улицу, их встретил хаос: три патрульные машины с мигалками освещали раннее вечернее небо; машина скорой

помощи остановилась позади, когда они припарковались. Они видели, как таксист спорил со Смити о том, сколько денег он теряет, сидя там. Кав и Уилл вышли из машины, оставив Грейс на заднем сиденье. Молчаливо переглянувшись, они решили, что это лучшее место для неё в данный момент; она не сможет выбраться из-за детских замков.

Уилл оделся, второй раз за неделю натянул сапоги и вошел в дом. Он заметил кровь на выключателе и пошел по её следу вдоль перил вверх по лестнице. Прошел по лестничной площадке в единственную комнату с открытой дверью, держась подальше от кровавого следа, стараясь не уничтожить никаких улик. Шум за спиной заставил его обернуться, и он увидел Кава.

— Думал все удовольствие достанется только тебе?

Уилл вошел внутрь и уставился на фотографии. Прошло несколько секунд, прежде чем они зафиксировались в его мозгу, и его лицо побледнело. Кав шагнул следом.

— О, черт, какого хрена здесь делает муж Энни?

Уилл посмотрел на Кава, потом на тело. Он никогда раньше не видел этого человека, но, если это был муж Энни, значит, он нашел себе достойного противника. Кав оглядел комнату и глубоко вздохнул.

— Думаю, у нас есть проблема гораздо серьезней. Почему наша Энни расклеена по всем стенам?

Они оба подняли глаза к потолку на гигантский постер: Энни смотрела на них, улыбаясь. Уилл повернулся и выбежал из дома, его телефон завибрировал в кармане. Стянув латексную перчатку, он ответил разъяренному Джейку.

— Ты в последнее время разговаривал с Энни? Я звоню ей уже целую вечность и никак не могу дозвониться. Если бы я не выпил пару больших бокалов вина, я бы поехал к ней, но надеялся, что ты уже там.

Уиллу пришлось сосредоточиться, чтобы его не вырвало на клумбы.

— Нет, с самого обеда я был занят. Джейк, мы только что пришли в дом и нашли её мужа, и он мертв. Я сейчас же поеду к ней. — У него не было времени все объяснить. Он вернулся в машину, забыв о Грейс, пока она не заговорила.

— Все в порядке?

— Не совсем. Я не могу дозвониться до своей подруги, она живет одна в лесу за аббатством, а в этом доме лежит труп её мужа, в комнате, которая увешана её фотографиями.

— Поезжай. Не беспокойся обо мне, садись за руль. Я буду держаться в стороне, но я все равно могу тебе понадобиться.

Он знал, что в этом есть смысл, но не мог ясно мыслить, потому что паника взяла верх, и чувство страха поселилось в глубине его живота. Уилл никогда не страдал от беспокойства или приступов паники, но сейчас он ощущал, как сильно стянуло его грудь от страха. Он не обратил на это внимания; у него нет времени на сердечный приступ.

Он въехал на задний двор участка и бросил машину. Затем побежал в кабинет сержанта, взяв с доски единственную связку ключей от фургона, а из шкафчика — рацию и баллончик со слезоточивым газом. Вернулся во двор и выпустил Грейс из машины. Сменив машины, она села рядом с ним. Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз водил фургон, и Уиллу потребовалось время, чтобы нащупать кнопки для включения огней и сирены: ему необходимо добраться до аббатства в рекордное время.

Он передал телефон Грейс.

— Пожалуйста, ты можешь продолжать попытки?

Она нажала кнопку вызова и приложила трубку к уху.

— Голосовая почта. — Грейс понятия не имела, кто такая эта Энни, но беспокоилась за неё, поэтому продолжала набирать номер. Телефон запищал от входящего звонка.

— Джейк, мне ответить?

Уилл кивнул.

— Телефон Уилла, он за рулем, чем могу помочь?

Уилл слышал оживленный голос Джейка, но не мог разобрать, что тот говорит.

— Хорошо, я ему передам, мы почти на месте. — Грейс повторила то, что ей только что сказали. — Его отвезет Алекс, и он скоро будет здесь.

— Отлично, если будет необходимо разделиться, мы сможем это сделать. Я просто надеюсь, что она просто долго отмокает в ванне и не слышит свой телефон. — Он остановился перед воротами и выругался: они были крепко заперты. Выпрыгнув из фургона, он поискал в кармане брюк ключ. — Черт возьми, я ходил домой переодеться, а ключ в других брюках в корзине для белья. — Он был зол на себя. Взяв огромный фонарик из багажника фургона, он посмотрел на Грейс.

— Прости, что втягиваю тебя в это. Если хочешь, можешь подождать здесь, пока не появится Джейк. Придется пройти немного по лесу, но не так далеко.

Она фыркнула.

— Ты что, смеёшься? На свободе мужик убивает женщин, а ты хочешь, чтобы я ждала здесь, как легкая добыча, нет, спасибо. Я пойду с тобой. Я могу немного потренироваться.

Уилл улыбнулся. Уважение к ней росло в нем с каждой минутой.

— Спасибо, но только не говори отцу, что это я тебя заставил.

— Ты удивишься, узнав, как мало я рассказываю отцу.

Они пустились трусцой по тропинке. Грейс даже не вспотела, но Уилл с трудом дышал. Как бы он хотел пойти в спортзал, а не говорить об этом. Теснение в груди стало сильнее, сжимая сердце все крепче, и ему пришлось начать глубоко вдыхать через нос и выдыхать через рот.

Вдалеке виднелись очертания фермы. Там не было огней, сияющих сквозь деревья, как в любое другое время, когда он приезжал сюда. Машина Энни была припаркована снаружи, собака залаяла, когда он толкнул дверную ручку: она оказалась заперта. Уилл взгляделся сквозь стекло, но не смог разглядеть ничего, кроме силуэта собаки, которая ходила взад-вперед и рычала на него. Он повернулся, чтобы проверить амбары на случай, если она поранилась. Первым делом он зашел в сарай. Светил мощным фонарем вокруг, пока не достиг тюков сена у окна: они стояли в виде импровизированного сиденья. Он посмотрел на собачий поводок на полу рядом с ним, и его кровь похолодела.

— За ней следили, Уилл.

Он выглянул через треснувшее стекло и увидел прекрасный вид на окна кухни. Уилл достал телефон, но на экране отсутствовали индикаторы сигнала. Грейс попробовала свой, но ничего не вышло.

— А как насчет твоей рации?

— Черт, она в фургоне. Почему я такой идиот?

Грейс огляделась.

— Дверь заперта, её машина здесь, и нет никаких признаков борьбы, так что либо она пошла с ним по своей воле, либо... — она замолчала, и Уилл понял, что она оценивает его

реакцию на то, что она собиралась сказать. Он чувствовал себя дерьмово и пытался держать себя в руках, но знал, что они облажались. — Или кто бы это ни был, он застал её врасплох, когда она выходила из дома. Но если он не накачал её наркотиками или не вырубил насмерть, значит, должен был куда-то спрятать?

Уилл кивнул, когда они вышли из сарая.

— Единственное место в пределах пешей досягаемости, если вы кого-то несете, — это старый дом в пяти минутах ходьбы.

— Послушай, почему бы мне не вернуться в фургон за рацией? По крайней мере, тогда ты сможешь сообщить патрулям, где мы и что происходит.

Уилл разрывался. Он не хотел отпускать Грейс одну, когда маньяк разгуливает на свободе, но у него нет особого выбора. Он не мог терять время, спускаясь вниз, ему нужно было добраться до особняка.

Грейс дотронулась до его руки.

— Со мной все будет в порядке. Я преподаю уроки самообороны в Манчестере детям из предместья. Я справлюсь сама и за пару минут сбегая к фургону и обратно.

Уилла затошнило. Если с ней что-нибудь случится, он не представлял, что будет делать, но у него нет другого выбора; ему нужно идти, и как можно скорее.

— Спасибо, но обещай, что будешь кричать очень громко, как только увидишь любую тень.

Она кивнула.

Уилл передал ей ключи и, посмотрев, как она побежала, повернулся в другую сторону и направился к старому дому. Если что-нибудь случится с Грейс, он никогда себе этого не простит, но Джейк должен появиться с минуты на минуту и встретить её на полпути. «Черт, Джейка в темноте достаточно, чтобы заставить любого закричать, о чем я только думал?» Он обогнул последний поворот, запыхавшись, и остановился, чтобы посмотреть на особняк; тот выглядел как каждый страшный дом в каждом фильме ужасов, который он смотрел. В темноте все казалось таким жутким. Уилл осмотрел окна верхнего этажа в поисках движущихся лучей фонаря, но все было погружено в кромешную тьму.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, он подошел к входной двери. Если он собирался войти, то никакого смысла прятаться; он мог просто заходить. Уилл надеялся, что входная дверь будет открыта и его молитвы услышали, когда он осторожно толкнул тяжелую дверь, та сдвинулась. В кармане у него лежал газовый баллончик, а на поясе висели наручники. Ему никогда не приходилось носить дубинку и электрошокер. В этот момент он готов был променять что угодно, лишь бы заполучить хоть что-нибудь, а еще лучше оба. Он шагнул внутрь, оставив дверь приоткрытой, боясь, что если закроет её, то не сможет выбраться обратно.

Уилл вздрогнул. Атмосфера здесь пропиталась ужасом. Было так холодно, что он видел свое дыхание при каждом выдохе. Постояв очень тихо и прислушиваясь, не раздастся ли какой-нибудь шум, он ничего не услышал.

Единственное место, куда они с Энни не заглядывали на днях, был подвал. Каждый старый дом такого размера имел либо чердак с привидениями, либо демонический подвал, так что это должно быть одно из двух? Он прошел через весь дом, пока не добрался до кухни. Луч фонарика осветил лужу крови на полу. Уилл не смог дышать, кровь стучала у него в ушах, он с трудом сдерживал слезы и попытался убедить себя, что кровь не может принадлежать Энни, но она была свежей, еще не начала застывать, одна большая мокрая

лужа. Он посветил фонариком дальше и увидел следы волочения, ведущие в соседнюю комнату, держась подальше, он последовал за ними, изо всех сил стараясь удержаться на подкашивающихся ногах.

Генри поднялся наверх, чтобы проверить, как там мужчина. Он не хотел, чтобы тот очнулся и сбежал. Но ему не стоило беспокоиться. Мужчина был без сознания и, судя по количеству крови на полу, вряд ли очнется в ближайшее время. Он вернулся в подвал, чтобы сделать последние приготовления; он почти готов.

Прошло так много времени. Когда-то она стала его падением, но не в этот раз. Наконец-то он даст ей то, что она заслужила. На этот раз она не покинет его комнату живой.

Он больше не был тихим, сдержанным человеком, который даже не ввязывался в драку на детской площадке. Он был могучим убийцей, которого столько лет держали взаперти, и как хорошо наконец-то освободиться. Он будет продолжать убивать, потому что именно это он и делал. Образы первых жертв мелькали в его голове, как будто это случилось только вчера. Теперь он мог видеть и слышать их, чувствовать их кровь и боль.

Глава 36

Грейс уже подбежала к фургону, когда перед ней остановилась машина, и из неё выскочил огромный мужчина. Она закричала, и Джейк вскинул руки вверх, потрясенный её реакцией.

— Тише, тише, я Джейк. А где Уилл?

Грейс объяснила, что делает у полицейского фургона, и передала ему рацию.

— Понятия не имею, как ей пользоваться.

Джейк забрал у неё рацию.

— Прием-один-два-девять, прием. Я не на дежурстве, но меня вызвал сержант-детектив. Нам нужны патрули в аббатство Вуд. Подозреваемый в убийстве Эммы Харви схватил полицейского.

Рация с треском ожила, нарушив окружавшую их тишину.

— Повторите пять-один-два-девять?

Джейк зарычал, последнее, что ему нужно, это кто-то, кто не в курсе происходящего.

— Мне срочно нужна помощь в аббатстве Вуд. Нам нужна группа быстрого реагирования, и есть ли в наличии кинолог? — Он знал, что шанс заполучить собаку ничуть не больше, чем угадать шесть номеров в лотерее.

— Прием, пять-один-два-девять, пока мы говорим, группа быстрого реагирования уже к вам направляется. Джейк, что происходит?

— Мы можем собрать здесь всех патрульных как можно скорее, пока не произошло еще одно убийство? — Он сунул рацию в карман, не желая больше тратить время на разговоры и начал трясти ворота, как будто замок волшебным образом отвалится. Расстроенный, он махнул Алексу, чтобы тот убрал машину с дороги, а сам забрался в фургон, завел двигатель, вдавил педаль газа и на полной скорости развернулся. Грейс закрыла лицо руками, и Алекс выскочил из машины, крича, чтобы он остановился. Джейку было все равно, два его лучших друга находились в тех лесах, и он не хотел думать о том, что могло с ними случиться, последнее, о чем он думал, это о взбучке от начальства.

Он рванул вперед, раздался ужасающий грохот, когда фургон врезался в ворота, которые легко раскололись. Повсюду полетели куски старого и гнилого дерева. Его голова полетела вперед, ударившись о руль, и он ударил по тормозам. На передней части фургона повисла

половина ворот, но, по крайней мере, у них появился доступ, и другие полицейские машины смогут проехать.

К ним, мигая фарами, примчалась патрульная машина. Джейк тряхнул головой, пытаясь избавиться от серебристых звезд, наблюдая, как Кав выходит из патрульной машины. Паникующий Алекс стоял на обочине дороги, и Грейс пыталась его успокоить.

Кав подошел к фургону и распахнул дверцу.

— Черт возьми, Джейк, ты не можешь без драмы, обязательно было так делать?

Джейк поморщился.

— Да, и на этот раз я не позволю, чтобы с ней что-нибудь случилось, не тогда когда могу помочь.

Лицо Кава было мрачным.

— Хорошо, меньшего я от тебя и не ожидал, сынок. Стоило догадаться, что Энни каким-то образом замешана в этом деле, даже когда она на больничном, она чертовски страдает. — Он подмигнул Джейку. — Правильный план действий, что происходит?

Джейк рукавом стер струю крови, стекавшую по лбу.

— Уилл сказал, что убийца развесил фотографии Энни по всей комнате. Теперь мы не можем до неё добраться. Уилл там, наверху, ищет её в этом огромном старом особняке.

Кав попытался мыслить трезво: это было намного труднее, когда на кону стояла твоя собственная жизнь.

— Нужна оперативная группа с электрошокерами и пистолетами. Не самая лучшая идея лезть туда без подходящего оружия. Что у тебя с собой?

— Ничего. Алекс привез меня сюда прямо из дома. Мне все равно, Кав, я не собираюсь сидеть здесь, сложа руки, и ждать, когда прибудет кавалерия из проклятого Ульверстона или Кендала, пока моих друзей режут в этом доме.

— Ах, дерьмо, ты прав. Я тоже не могу ждать здесь. У меня есть газовый баллончик, наручники и матерные слова.

— А у меня кулаки и монтировка в багажнике. Алекс, подожди здесь с Грейс, чтобы послать патрули к дому.

Кав повернулся к Алексу.

— Запритесь в машине. Оперативная группа едет из Кендала, так что это может занять у них некоторое время, хотя они и едут с мигалками. Скажи им от меня, что дело не терпит отлагательств, и чтобы они немедленно выдвигались к особняку.

Алекс кивнул.

Джейк крепко взял его за плечи и подтолкнул к машине.

— Все в порядке, я скоро вернусь. Оставайся здесь и делай в точности то, что сказал Кав. Если увидишь, что кто-то ведет себя странно, задави его. По крайней мере, тогда нас посадят в соседние камеры, когда все это закончится.

Алекс снова кивнул и, садясь в машину попросил:

— Джейк, пожалуйста, будь осторожен.

Джейк подмигнул ему.

— Ты же меня знаешь, я всегда такой.

Кав оттащил остатки ворот от фургона, и они забрались внутрь.

Джейк кашлянул.

— Сейчас самое время сказать тебе, что я выпил бутылку вина.

— Знаешь, Джейк, ты не перестаешь меня удивлять. Я ничего такого не слышал. Просто

садись за руль.

Глава 37

Уилл не видел тела, пока не стало слишком поздно, и он чуть не упал на него. Испугавшись, что это Энни, он затаил дыхание и посветил фонариком. Облегчение, когда он увидел, что это мужчина, было ошеломляющим. Он сразу же узнал человека, которого мельком видел на видеокамере, тот приходил в участок, разыскивая Энни. Он наклонился, чтобы нащупать пульс: слабый, но ровный.

Мужчина застонал и попытался открыть глаза. Уилл снял куртку и опустил на колени. Свернув куртку, он положил её под голову, чтобы попытаться остановить кровотечение.

— Все в порядке, я полицейский. Помощь скоро будет здесь. Не пытайтесь двигаться, и мы скоро доставим вас в больницу.

Когда Уилл встал, мужчина потянул руку к его запястью.

— Энни, ей нужна ваша помощь.

Уилл поперхнулся, ему было трудно говорить.

— Знаю, я найду её. — Он надеялся, что Грейс добралась до фургона и нашла рацию. Но знает ли она вообще, что с ней делать? Он направился к двери в подвал. Все его тело словно тащило свинцовую тяжесть, и дышать становилось все труднее. Уилл слишком сильно дернул дверь, и она распахнулась, ударившись о стену.

Генри остановился: здесь кто-то был. Эта дверь слишком тяжелая, чтобы её распахнул сквозняк. Он склонил голову набок, прислушиваясь. Сколько их? Нижняя ступенька скрипнула, и эхо разнеслось по всему подвалу. Генри отошел в дальний конец комнаты. На ящике рядом с дверью в комнату трофеев он зажег свечу и отступил в тень. Пламя излучало теплый свет, он знал, что это будет человек, и, конечно же, как мотылек на пламя, свеча притянет его. Генри посмотрел на молоток в своей руке. Деревянное древко было скользким от крови. Он вытер его о штанину, чтобы крепче сжать. Он не мог все испортить. Пришедший вполне может быть бойцом и не сдастся после одного удара.

Энни пошевелилась. Она открыла глаза. Было слишком темно, чтобы что-то разглядеть, но запах подсказал ей, где она. Она не хотела посещать комнату трофеев Эдварда, но вот она здесь, и именно здесь он спрятал Дженну Уайт, потому что запах разлагающейся плоти был невыносим. Энни лежала на сыром земляном полу, под которым, как она знала, было погребено, по крайней мере, еще одно тело. Из плюсов она не мертва, и у неё еще оставался шанс выбраться отсюда.

Паника начала заполнять её грудь; она не хотела оставаться в этой комнате с мертвой девушкой в компании. Двигаясь ползком, чтобы найти дверь, она руками коснулась Дженны, её тело было таким холодным. Энни почувствовала себя плохо от мысли, что бедная девочка должно быть ужасно боялась умереть в одиночестве, в этом страшном месте.

— Я отвезу тебя домой, Дженна, обещаю. — Энни двинулась в другую сторону, ощупывая землю перед собой, пока её пальцы не коснулись грубой деревянной двери. Прижав к ней ухо, она прислушалась. С другой стороны двери слышались приглушенные шаги. Мерцающий оранжевый свет от свечи снаружи отбрасывал крошечный отсвет под щелью в двери. Она затаила дыхание, когда шаги приблизились, а затем услышала голос Уилла, когда он позвал её по имени.

— Уилл, я здесь, не могу выйти, и Дженна тоже здесь, ну, я думаю, что это её тело, здесь так темно.

— Подожди, Энни, я попробую открыть дверь, ты цела?

Потрясенная, от того что услышала его голос, она подавила слезы.

— Да, я в порядке, пожалуйста, просто вытащи меня.

Уилл повернул ручку, но дверь оказалась заперта. Он повернулся поискать что-нибудь, что он мог бы использовать, чтобы сломать дверь. Из темноты выступила тень. Он смотрел на обычного человека, стоящего перед ним, не зная, чего он ожидал, но только не этого. В сознании Уилла убийца был воплощением зла. Мужчина сделал еще один шаг вперед, и Уилл увидел окровавленный молоток, который тот держал в руке. Тогда Уилл бросился на него. Он врезал кулаком ему по подбородку, чем застал мужчину врасплох. Убийца был выше Уилла, но примерно такого же телосложения. Он замахнулся молотком, но Уилл увернулся, и молоток просвистел в воздухе. Уилл снова бросился на него, на этот раз, пытаясь ударить по яйцам. Ему просто нужно было сбить его с ног, и тогда Уилл знал, что отнимет у него молоток и будет колотить его по больной голове: не было времени предложить ему остановиться, сказать, что он арестован, и, вежливо попросить подойти, выражение его глаз сказало обо всем. Этому человеку нечего терять, он, не моргнув глазом, убьет любого.

Уилл снова замахнулся, но промахнулся и попал ему в живот. Мужчина закричал и поднял молоток. Уилл пригнулся, ожидая, что он прицелится ему в голову, но вместо этого молоток опустился гораздо ниже, ударив его в левую коленную чашечку. Боль была ослепительной — горячей и белой — и Уилл не смог удержаться на ногах. Мужчина снова бросился на него, и Уилл вытащил из кармана маленький черный баллончик с газом и прицелился ему в глаза. Он услышал громкий крик и понадеялся, что ему удалось ослепить его, но тут молоток снова опустился. Он попытался перекатиться, но боль в ноге стала невыносимой. Молоток встретился с виском Уилла, и мир потемнел.

Генри улыбнулся. Это его самый большой вызов, и все же он сумел победить и вывести противника из строя. Лицо мужчины превратилось в серую маску, покрытую каплями пота, Генри наклонился вперед.

— Она вся моя, чтоб ты знал. Она всегда была ей. Ты никогда не сможешь сравниться со мной, и Элис это знает. В тот день, когда я увидел её, она поняла, что, в конце концов, будет принадлежать мне. Это мне решать — жить ей или умереть.

Он отпер дверь и вытащил полубессознательного, окровавленного Уилла в комнату.

— Что ты с ним сделал?

Генри отпустил Уилла и повернулся к ней.

— Ну вот, Элис, мы снова здесь: в том же месте, в другое время.

Кресло в углу начало раскачиваться.

— Я не твоя Элис, тупой придурок. Но я знаю, кто ты. Видела твои маленькие трофеи. Прошло много времени. Зачем ты появился снова?

Он был ошеломлен её смелостью и почувствовал, что возбуждается. Ему всегда нравилось, когда она сопротивлялась. На мгновение он представил себе, каково было бы взять её прямо здесь, в своей маленькой комнате, на глазах её бойфренда.

— Останься со мной, — прошептала Энни Уиллу. — Я люблю тебя и обещаю, что мы выберемся отсюда. — Глаза Энни наполнились слезами, и она повернулась к Генри, который наблюдал за ними, скрестив руки на груди.

— О, как мило. Вы двое закончили, потому что мне это уже порядком надоело?

Энни почувствовала, как гнев и ярость, которые копились в ней, взорвались, и она бросилась на Генри. Ударив его всем своим весом, она свалила его с ног. Удар о твердую

землю выбил воздух из легких у них обоих. Энни не позволила этому остановить себя и бросилась к его глазам. Он поймал её запястье и резко вывернул его за спину. Она попыталась не вскрикнуть, но он снова повернул его так сильно, что Уилл слышал треск ломающейся кости. На этот раз она закричала.

Уилл наблюдал, как Генри отшвырнул её в сторону, как тряпичную куклу, а затем ударил ногой по голове. Энни почувствовала, что теряет сознание; темнота была желанным облегчением от пульсирующей боли в руке.

Генри посмотрел на Уилла.

— Как печально, что ты умрешь здесь, глядя, как любимую женщину избивает и убивает величайший убийца в мире.

Веки Уилла затрепетали. Куда уж хуже. Что он хотел сделать, так это убить ублюдка голыми руками, но комната плыла, и он не мог перенести вес на ногу.

Генри вышел из комнаты, оставив их одних. Уилл попытался проковылять туда, где лежала Энни, но боль была такой сильной, что он привалился к стене, и слезы разочарования и гнева покатались по его щекам. Через некоторое время он почувствовал движение и, открыв один глаз, увидел, как Энни ползет к креслу. Она принялась рыть землю здоровой рукой, лихорадочно скребя пальцами в поисках чего-то.

Энни не знала, зачем она это делает, но голос Элис шептал ей, чтобы она продолжала. Что еще оставалось делать? Её пальцы наткнулись на что-то холодное и твердое. Она понятия не имела, что это такое, но изо всех сил пыталась освободить. Наконец оно поддалось, она в изнеможении перевернулась на спину и посмотрела на Уилла. Его нога была согнута под странным углом, а по голове текла ровная струйка крови. Он походил на труп. Она подняла руку, чтобы посмотреть, что держит. Как оказалось, это был кусок грязной белой кости размером с маленький хлебный нож, и она ахнула, ужаснувшись и обрадовавшись одновременно.

Шаркая обратно к Уиллу, она прислонилась к стене рядом с ним и прошептала:

— Я люблю тебя и не позволю никому из нас умереть здесь.

Уилл пробормотал что-то в ответ и сунул ей в руку газовый баллончик. Она улыбнулась, затем вытерла землю и пот с другой руки и подняла кость, чтобы посмотреть на неё. Ей не нравилось держать эту штуку, она знала, что кость принадлежала Эдварду. Энни вздрогнула. В комнате больше не было ничего, чем бы она могла защититься одной рукой, и она молилась о возможности использовать эту чертову кость, чтобы положить конец кошмару. Её рука пульсировала, и она закрыла глаза, стараясь успокоиться и собраться. Образ Элис с грязным, заплаканным лицом, держащей лопату, заставил её прошептать:

— В том же месте, в другое время.

Энни засунула кость под ногу и стала ждать, когда Эдвард вернется. Она точно знала, что должна сделать.

Глава 38

Джейк добрался до особняка, не опрокинув фургон с крутой дороги, вниз по склону в реку.

Кав вздохнул с облегчением.

— Я ни на минуту в тебе не сомневался. И что теперь? Разделимся или будем держаться вместе?

Они вышли из фургона и подошли к передней части дома и открытой двери.

— Ну, раз уж ни один из нас не имеет ни малейшего понятия, где их искать, думаю, нам

следует держаться вместе.

— Не очень хороший план, но пока сойдет, Джейк.

Джейк шагнул в темноту в сопровождении Кава. Они прислушались, но было тихо. Стоя в холле, Джейк указал на лестницу. Кав покачал головой и указал на длинный коридор, который вел из зала. Он начал идти в ту сторону. Джейк в ужасе последовал за ним.

Генри прислонился к двери с другой стороны, пытаясь взять себя в руки. Эта сука застала его врасплох и причинила ему боль своей маленькой вспышкой. Кем она себя возомнила? Он не мог позволить ей думать, что она почти взяла над ним верх. Теперь стояла тишина. Было какое-то движение и шепот, но они прекратились. Он надеялся, что мужчина мертв; это послужит ей хорошим уроком, будет знать, что она следующая.

Все пошло не так, и у него не было другого выбора, кроме как действовать по запасному плану. В углу у него стояла припрятанная канистра с бензином. Единственное, что он мог сейчас сделать, — это сжечь это место дотла вместе с телами внутри и надеяться, что никто ничего не узнает. Отвинтив крышку, он принялся разбрызгивать бензин по подвалу, и ровная струя жидкости потекла в щель между дверью и полом.

Бензиновые пары вывели Энни из полубессознательного состояния, и она начала паниковать: огонь был её худшим кошмаром. Если он не вернется в комнату, у них не будет ни единого шанса. Пары уже стали невыносимыми, отчего у неё слезились глаза. Потом в замке повернулся ключ. Энни напряглась. Вот оно. Она знала, что он придет, чтобы убить её, прежде чем их поджечь. Она протянула руку и сжала ладонь Уилла.

— Мы не умрем здесь, Уилл. — А потом она закрыла глаза. Пусть он придет к ней.

Генри вошел и с улыбкой поставил свечу на маленький столик. Бросив последний взгляд на свою комнату, он подошел к Энни, наклонился и откинул её голову назад, чтобы обнажить горло. Энни не издала ни звука, но подняла баллончик, направила в глаза и брызнула, ослепив его. Он выругался и немного ослабил хватку. Она нащупала под бедром кусок кости и с силой, какой только могла, замахнулась, а затем вонзила её глубоко внутрь его бедра. Невидимая рука обвилась вокруг её руки, помогая продвигаться дальше, насколько это было возможно. Он взвыл от боли и отпустил её, отшатнувшись. Из раны хлестала кровь: она надеялась, что задела бедренную артерию. Энни ждала его следующей атаки, но её не последовало. Он растерял весь пыл. Вся борьба ушла из его глаз. Он отшатнулся, держась за ногу. Ноги у него подкосились, и, падая, он опрокинул на пол стол и свечу.

Послышались громкие шаги, в направлении комнаты, и Энни напряглась. Господи, только бы у него не было сообщника. «Ты не можешь позволить мне думать, что я буду жить, а потом все равно убить меня». Она с трудом поднялась на ноги, одна рука была в его крови, а другая болталась рядом. Она всхлипнула, увидев лицо, появившееся в дверном проеме.

— Энни, — Джейк шагнул внутрь, за ним последовал Кав, чье лицо побледнело от открывшейся перед ним сцены. Он принюхался, когда бензиновые пары ударили ему в ноздри.

— Это место скоро исчезнет. Нам нужно выбираться.

Джейк подбежал к Уиллу. Подняв его, перекинул через плечо. Кав повернулся, чтобы помочь Энни.

— Со мной все в порядке, я могу идти. Ты должен вытащить Дженну отсюда. Мы не можем её бросить, я обещала отвезти её домой.

Кав поморщился. Он ни в коем случае не был брезглив, но она умерла несколько дней

назад. Энни умоляюще посмотрела на него, и он подошел, наклонился и подхватил её на руки.

Они вышли из комнаты, когда пламя свечи добралось до разлитого бензина.

— Бежим, или сгорим напрочь! — крикнул Кав. И они со всех ног бросились к лестнице в подвал, вынося оттуда раненых и мертвых.

Энни боялась оглянуться. Волна жара окатила их, когда они приблизились к верхней площадке лестницы. Бегом они добрались до входной двери.

Энни остановилась.

— Мы не можем оставить Дерека. Это я виновата, что он замешан во всем этом. — Она повернулась и побежала обратно в судомойню, где он остался лежать. Джейк закричал на неё, но он ничего не мог сделать с Уиллом через плечо; ему нужно было вытащить его в безопасное место. Кав тоже был беспомощен, тело в его руках казалось тяжелым. Они вынесли свои поклажи через парадную дверь и спустились по ступенькам на заросшую травой лужайку. Джейк уложил Уилла и смотрел, как Кав осторожно укладывает тело Дженны Уайт. Обернувшись, они с облегчением увидели, как Энни, спотыкаясь, вышла из двери, обхватив здоровой рукой Дерека.

Лес позади них, наконец, озарился бело-голубыми мигалками. Джейк присел на землю, чтобы сделать Уиллу искусственное дыхание. Тот был без сознания и того же цвета, что и мертвая девушка. Энни подошла к ним и встала рядом с Кавом. За двадцать семь лет службы в полиции он никогда не видел ничего подобного.

Она рухнула на землю рядом с Уиллом, шепча ему на ухо, умоляя открыть глаза. Приехала скорая помощь, и Джейк, Кав и Энни прижались друг к другу, освободив место врачам.

Их внимание привлекло движение в передней части здания, и они с ужасом увидели, как человек, которого Энни ударила, упал на ступеньки крыльца, его волосы горели. Кав подбежал и потащил его прочь от горящего здания. Сняв куртку, он воспользовался ею, чтобы погасить пламя. Энни подошла к мужчине, который успел причинить столько боли и страданий; теперь он не выглядел таким страшным. Оранжевое сияние заполнило первый этаж, и она чувствовала жар от пламени, омывающего их обоих. Наклонившись, она обхватила пальцами кость, торчащую из его ноги, и выдернула её.

Кав поежился.

— Что ты делаешь? Оставь его на попечение медиков.

Она помахала куском кости перед его лицом, а затем поднялась по ступенькам и бросила её в огонь, где ей и полагалось быть. «Гори в аду, ублюдок».

Приехала еще одна «скорая», и медики бросились на помощь убийце. Энни с отвращением отвернулась. Прибыли новые полицейские машины и две пожарные. Энни подошла к лежащему на траве труп Дженны и опустилась рядом с ней на колени.

— Ты поедешь домой, дорогая. Я обещала тебе, так и будет. — А потом она заплакала, и это были настоящие душераздирающие рыдания.

Кав обнял её.

— Не знаю, с чего начать. Главное, что ты в порядке и Уилл, ну что ж, теперь он в надежных руках. Это может занять некоторое время, но уверен, что с ним все будет в порядке.

— Надеюсь, ты прав, Кав, потому что моя жизнь только что изменилась к лучшему, и я не хочу потерять его сейчас.

Он посмотрел на её руку.

— Брось, малышка, но я не думаю, что твоя рука должна так свисать.

При упоминании о руке боль пронзила её до самого плеча.

— Ой, ты только что напомнила мне, как это больно.

Он проводил её до машины скорой помощи, в которую они погрузили Уилла.

— Найдется место для этой малышки?

Фельдшер кивнул, и Кав помог ей сесть.

— Ты отлично справилась, Энни, просто жаль, что тебе понадобилось сжечь дом. — Он подмигнул ей, и они оба посмотрели на особняк. Оранжевое пламя горело сквозь заколоченные окна, густой черный дым заполнял ночное небо; весь первый этаж горел.

Подняв голову, она увидела знакомую белую фигуру у чердачного окна. Энни подняла руку и помахала, ей помахали в ответ.

— Там женщина, на верхнем этаже! — закричал Кав.

Энни покачала головой.

— Нет, это призрак женщины, которая жила здесь очень давно. — Они посмотрели еще раз, но её уже не было.

Кав уставился на Энни.

— Господи, с каждой минутой становится все хуже. Я ничего не понимаю.

Энни откинула голову, прижавшись спиной к холодной стороне машины скорой помощи.

— Я тоже, но позже постараюсь объяснить как можно лучше. Мой брат, черт возьми, убьет меня; я должна была только присматривать за собакой.

Кав расхохотался так громко, что эхо разнеслось по поляне... Он захлопнул дверцу «скорой помощи» и смотрел, как она медленно отъезжает.

Единственным звуком в больничной палате был ровный гул мониторов, прикрепленных к груди Уилла. Энни дала показания Стью, когда её руку вправляли в процедурном кабинете. Она опустила часть о том, что было в комнате в подвале, и кто был похоронен там. Никому не нужно это знать, все кончено.

В отделении экстренной помощи царил хаос с появлением её и Уилла, за которыми следовал Дерек, а затем и человек, который все это устроил. Он находился под охраной полиции, но врачи сказали, что его прогноз не очень хороший. Джейк пришел посидеть с ней и после некоторого колебания рассказал о том, как нашли дом убийцы с еще двумя трупами внутри.

— Пожалуйста, скажи мне, что это были не девочки?

Джейк покачал головой, делая паузу, пытаясь найти правильные слова, чтобы сказать ей.

— Нет, они нашли его пожилую мать, запихнутую в морозильник.

— А кто тот, другой?

Джейк не хотел быть тем, кто скажет ей об этом, но Кав настаивал, что это должен сделать друг.

— Майк, они нашли Майка мертвым в спальне.

— Какой еще Майк? Ты говоришь мой Майк? Почему он должен быть в доме какого-то убийцы, разве он не должен находится в Карлайле?

Джейк взял её за руку.

— Он вчера сбежал из хостела временного содержания, а нам сообщили только сегодня днем. Мэтт сказал, что, по его мнению, его убили сегодня днем, и чтобы ты знала, он придет к тебе, как только сможет.

Энни онемела. Что же ей теперь делать? Когда Джейк ушел, она направилась в кабинку, где ждал сонный Дерек, чтобы сделать компьютерную томографию.

— Мне так жаль, что я втянула вас во все это, Дерек.

Он улыбнулся ей.

— Я понял, что от тебя одни неприятности, как только увидел, — он подмигнул ей, и медбрат подошел, чтобы увезти его. Затем она спустилась в отделение интенсивной терапии, куда час назад перевезли Уилла. Медсестра только взглянула на неё и не впустила, потому что, по словам медсестры, она похожа на героиню плохого фильма ужасов. Но, увидев боль в глазах Энни, она растаяла и достала из бельевого шкафа пару синих халатов, полотенце и пластиковый пакет.

— Пойди вон в тот туалет для инвалидов; приведи себя в порядок, а потом можешь немного посидеть с ним.

Энни сделала, как ей сказали. Аккуратно сложив одежду, она положила её в пакеты с вещественными доказательствами, чтобы Дебс могла проанализировать их позже. Когда она наконец села рядом с Уиллом, то нежно взяла его руку и поцеловала. Измученная и разбитая, она придвинула свой стул ближе к его кровати и закрыла глаза, обезболивающее начало действовать.

Эпилог

Три недели спустя.

Зимнее солнце ярко светило, когда они опускали гроб Майка в землю. Провели небольшую службу, потому что у него оказалось очень мало родственников и друзей. Большинство присутствующих были полицейскими, и они пришли не из-за Майка, а чтобы поддержать Энни. Кав, Джейк и Стью в своих черных мундирах составляли красивое трио. Уилл стоял рядом с Энни в черном костюме, опираясь на костыль. Он выглядел намного лучше, но пройдет некоторое время, прежде чем он придет в норму. Важно было то, что он жив, они оба.

Она не плакала, потому что не была лицемеркой. Майк стал для неё чужим за последние несколько лет их брака, и она с облегчением поняла, что он больше никогда не сможет вернуться и причинить ей боль. Сейчас она была с Уиллом, и за такой короткий промежуток времени они пережили больше, чем большинство пар за всю свою жизнь. Она потянулась к его руке. Когда викарий сказал Майку свои прощальные слова, с её плеч свалилась огромная тяжесть, и она бросила единственную желтую розу на его гроб.

Энни вернулась к похоронной машине, достала красивый букет белых лилий и направилась к старой часовне. Уилл ковылял за ней, сохраняя дистанцию. Джейк, Кав и Стью немного понаблюдали за ней, потом отвернулись и заговорили о последних футбольных результатах. Наконец она добралась до могилы Элис; ангел улыбался ей. Энни наклонилась и, положив цветы у подножия памятника, прошептала:

— Твой секрет умрет вместе со мной, Элис.

Она встала и послала ангелу воздушный поцелуй, затем повернулась и пошла обратно к Уиллу. Он взял Энни за руку, нежно поцеловал в губы, и они пошли обратно к ожидавшей их машине.

Конец.

Notes

[

←1

]

«All Things Bright and Beautiful» — «Всё ярко и красиво», назв. и первая строка религиозного гимна, часто исполняемого детьми.

[

←2

]

Шебби-шик (англ. shabby — поношенный, потертый) — название стиля в интерьере, декоре, моде. Само название буквально можно перевести как “потёртый блеск” или “потёртый шик”, что и отражает его сущность. Это очень молодой стиль, рождённый в конце 80-х годов двадцатого века. Его автор — Рэчел Эшвел (Rachel Ashwell).

[

←3

]

Английский шеф — повар, телеведущий и конференсье. Он известен своими кулинарными шоу BBC Can't Cook, Won't Cook и Ready Steady Cook.